

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований
им. Е.М. Мелетинского

Мария Неклюдова

**«Я двор зову страной...»:
родословная одной метафоры**

Москва 2014

УДК 82.09
ББК 83.3(4Фр)
Н47

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ.
Протокол № 39 от 22 октября 2012 г.*

ISBN 978-5-7281-1575-5

© Неклюдова М.С., 2014
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2014

Оглавление

<i>Определение двора</i>	7
<i>«Есть некая страна...»</i>	18
<i>«Но где снега былых времен?»</i>	23
<i>Язык двора</i>	29
<i>«Знание карты»</i>	36
<i>«Море Лувра»</i>	54
<i>Две карты</i>	68
<i>Чужая страна</i>	89
Источники и литература	108
Персоналии	117

Contents

<i>The Court's Definition</i>	7
“ <i>Il y a un pays...</i> ”	18
“ <i>Mais où sont les neiges d'antan?</i> ”	23
<i>The Court's Language</i>	29
“ <i>Savoir la carte</i> ”	36
“ <i>La mer du Louvre</i> ”	54
<i>Two maps</i>	68
<i>A Foreign Country</i>	89
Primary Texts and Studies	108
Personae	117

Я двор зову страной, где чудный род людей:
Печальны, веселы, приветливы, суровы;
По виду пламенны, как лед в душе своей;
 Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народ – хамелеон,
 Монарха обезьяны;
Ты скажешь, что во всех единый дух вселен;
 Не люди, сущие органы:
Завел – поют, забыл завесть – молчат.

*Ж. де Лафонтен «Похороны львицы»**

* Пер. В.А. Жуковского 1806 г. Цит. по: *Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. I: Стихотворения 1797–1814 гг. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 106.*

Определение двора

«Qui peut nommer de certaines couleurs changeantes, et qui sont diverses selon les divers jours dont on les regarde? de même, qui peut définir la cour?» [Кто может назвать переменчивые цвета, которые при разном свете видятся по-разному? точно так же, кто способен определить двор?] – спрашивает Лабрюйер в начале соответствующего раздела «Характеров» («О дворе» 3)¹. Вопрос, по-видимому, риторический, тем более что поставленная задача «определить двор» [définir la cour] выглядит как упражнение для лексикографа. Последнее вряд ли надо считать случайным. Рассуждение о цветах появилось в четвертом издании книги (1689), которое увидело свет примерно через год после первого. А в 1688 году Французская академия возобновила работу над своим словарем, прерванную шумным скандалом вокруг альтернативного проекта Антуана Фюретьера, сперва принимавшего участие в общем труде, а затем добившегося разрешения на публикацию собственного «Универсального словаря», за что он поплатился исключением из числа сорока «бессмертных»².

¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, переводы мои. Ссылки на «Характеры» даются в общепринятом формате: название раздела, порядковый номер фрагмента, соответствующий его расположению в каноническом издании 1696 г.

² *Beaulieux Ch.* Observations sur l'orthographe de la langue française: transcriptions, commentaire et fac-similé du manuscrit de Mézeray, 1673, et des critiques des commissaires de l'Académie, précédée d'une Histoire de la gestation de la 1er édition du dictionnaire de l'Académie française (1639–1694). Paris: Champion, 1951. P. 77.

Одной из причин конфликта была неспособность академиков достичь согласия в вопросе дефиниций и состава глоссария: если Фюретьер принимал за точку отсчета живую речь парижан (так наз. «bon usage»), то академики стремились выработать идеальные параметры словоупотребления, в большей степени ориентируясь на придворный узус (так наз. «bel usage»). Внутренние раздоры существенно замедляли ход дела. Еще до описываемых событий аббат де Буаробер, бывший членом Академии с момента ее основания в 1634 году, потешался над собратьями по перу:

Академия точь-в-точь как настоящий капитул:
Каждый сам по себе обещает много хорошего,
Но все вместе они обещаний не держат.
Но все вместе они не могут сделать ничего стоящего
И уже десять лет трудятся над буквой F,
И как бы я был благодарен судьбе,
Если бы она мне пообещала: ты доживешь до G³.

Это послание Жану-Луи Гезу де Бальзаку, скорее всего, датируется серединой 1640-х годов, поскольку в нем Буаробер упоминает о кончине кардинала де Ришелье (умер в 1642 г.) и переходе Академии под покровительство канцлера Сегье. Через несколько лет после его написания академики опять вернулись к началу алфавита. По свидетельству Таллемана-старшего, когда его в 1651 году приняли в число «бессмертных», работа шла над буквой «С»⁴. К сожалению, это не позволяет нам датировать дефиницию слова «двор» [la cour], поскольку в 1673 году статьи под литерами «А», «В» и «С» вновь подверглись

³ «L'Academie est comme un vray Chapitre, / Chacun à part promet d'y faire bien, / Mais tous ensemble ils ne tiennent plus rien, / Mais tous ensemble ils ne font rien que vaille: / Depuis dix ans dessus l'F on trauaille, / Et le Destin m'auroit fort obligé / S'il m'auroit dit: tu vivra jusqu'au G». *Boisrobert F. de. Les Epistres dv sievr de Bois-Robert-Metel, abbé de Chatillon.* Paris: C. Besongne, 1647. P. 29. Стоит отметить, что поэт и драматург Франсуа Ле Метель, сеньор де Буаробер, любимец кардинала де Ришелье, скончался в 1662 г., за тридцать лет до завершения Словаря.

⁴ См.: *Beaulieux Ch. Observations sur l'orthographe de la langue françoise.* P. 20.

радикальному пересмотру. Но мы знаем, что одним из тех, кто активно этим занимался, был известный историк Франсуа де Мезере, которого, заметим, упрекали в излишнем пристрастии к низкому стилю и желании включить в словарь выражения, свойственные простонародью⁵.

Конечно, проблема определения волновала Лабрюйера вне зависимости от усилий лексикографов. По мере пополнения «Характеров», продолжавшегося вплоть до издания 1696 года, видоизменялась и общая концепция сочинения. Направление этой эволюции можно проследить на примере употребления глагола «définir» [определять]. Последний встречается в «Характерах» лишь несколько раз и практически всегда в одном и том же контексте. В первом издании (1688) моралист решительно утверждает, что «tout l'esprit d'un auteur consiste à bien définir et à bien peindre» [гений автора почти полностью состоит в том, чтобы точно определять и изображать] («О произведениях ума» 14), и не испытывает сомнений в своей способности «définir l'esprit de politesse [определить дух вежества] («Об обществе и общении» 32). Однако год спустя он уже не уверен, можно ли определить двор, а к шестому изданию (1691) задается вопросом «que dirai-je encore de l'esprit du jeu? pourrait-on me le définir?» [что еще можно сказать о гении игры? возможно ли мне его определить?] («О суждениях» 56). Такое вопрошание свидетельствовало об отказе от слишком жестких дефиниций. Возвращаясь к лексикографической параллели, можно сказать, что на смену однозначным определениям приходит исследование множественности смыслов, которые заложены в одном понятии. Отсюда метафора переменчивого цвета: по сути, он остается неизменным, но его восприятие зависит от точки зрения, а потому ускользает от окончательного наименования.

Нельзя исключать, что, говоря об «определении двора», Лабрюйер имел в виду конкретный прецедент. Это же выражение мы находим во втором сборнике басен Лафонтена, увидевшем свет в 1678 году:

Je definis la Cour un pais où les gens,
Tristes, gais, prests à tout, à tout indifférens,
Sont ce qu'il plaist au Prince, ou, s'ils ne peuvent l'être,
Tâchent au moins de le parêre,
Peuple caméleon, peuple singe du maître;

⁵ Ibid. P. 38–39.

On diroit qu'un esprit anime mille corps:
C'est bien là que les gens sont de simples ressorts⁶.

Я определяю двор как некую страну, где люди –
Грустные, веселые, на все готовые и ко всему безразличные –
Таковы, как того пожелает государь, или, если им это не по силам,
По крайней мере, стремятся таковыми казаться.
Народ-хамелеон, народ-обезьяна своего хозяина,
Можно сказать, что тысячу тел живит единый дух:
Там люди – не более чем механизмы.

Лексическое совпадение вряд ли случайно. Само по себе словосочетание «*définir la cour*» достаточно необычно; кроме того, трудно не заметить параллели между «переменчивыми цветами» Лабрюйера и лафонтеновским народом-хамелеоном. В других фрагментах «Характеров» обыгрывается и сравнение двора с «некой страной»: попадая ко двору, достойный человек «открывает для себя... как бы новый мир [*un pouveau monde*]» («О дворе» 9). Мотив неведомых земель находит развитие в знаменитых «географических» описаниях: «*Il y a un pays où les joies sont visibles, mais fausses, et les chagrins cachés, mais réels*» [Есть некая страна, где радости заметны, но ложны, а печали скрыты, но истинны] (отметим вполне лафонтеновское скрещение грусти / веселья, внешнего / внутреннего⁷) и «*L'on parle d'une région*

⁶ *La Fontaine J. de. Fables choisies, mises en vers par M. de La Fontaine.* Amsterdam: P. Mortier, 1693. P. 245. Здесь и далее я сохраняю орфографию цитируемых изданий, включая архаические формы и случаи фонетического письма («*ragètre*» вместо «*ragoistre*»).

⁷ Речь идет не о заимствовании, а об использовании близких тропов. Непосредственным источником упомянутого фрагмента Лабрюйера («О дворе» 63) считается «Надгробное слово Анне де Гонзага де Клев, принцессе Пфальцской», произнесенное Боссюэ в августе 1685 г.: «Двор всегда стремится сочетать удовольствия с делами. В силу удивительного смешения нет ничего более серьезного и, в целом, более веселого. Копните глубже, и повсюду вы найдете тайные интересы, утонченную зависть, поизводящую крайнюю чувствительность, а в пламенном честолюбии – заботы и столь же грустную, сколь тщетную серьезность» (*Bossuet J.B. Oraison funèbre de tres-haute et tres-puissante princesse Anne de Gonzague de Clèves, princesse palatine.* Par messire Jacques Benigne Bossuet. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1685. P. 14–15). Что касается

où les vieillards sont galants, polis et civils; les jeunes gens au contraire, durs, féroces, sans moeurs ni politesse» [Рассказывают о некоем крае, где старики галантны, учтивы и любезны, а молодые люди, напротив, грубы, свирепы, безнравственны и неучтивы] («О дворе» 63, 74). Эти переключки можно было бы объяснить единством тематики: оба автора используют набор общих мест, традиционно связанный с топикой «*menosprecio de corte*» [презрения к двору]⁸. Но, при ближайшем рассмотрении, их расстановка указывает на скрытую полемику. Лафонтен констатирует («я определяю двор как страну»), в то время как Лабрюйер преобразует те же констатации в прямые или косвенные вопросы. Примером первого, конечно, можно считать фразу «кто способен определить двор?»; что касается второго, то оба упомянутых «географических» фрагмента «Характеров» построены как загадки: читателям дается описание некоей страны или края, которое они должны опознать как описание двора. Такой переход от констатации к вопрошанию, совпадающий с общей динамикой «Характеров», позволяет предположить, что басня Лафонтена была одной из отправных точек для размышлений Лабрюйера.

Дата выхода второго сборника Лафонтена указывает на другое немаловажное обстоятельство: желание дать определение двору могло быть связано с лингвистическими дискуссиями, которые, параллельно с работой Академии, велись в парижских салонах и при дворе. Еще Клод-Фавр де Вожла, стоявший у истоков проекта словаря, в «Заметках о французском языке» (1647) упоминал о тщетных усилиях «людей придворных и самых галантных особ обоих полов» точно охарактеризовать, что значат такие выражения, как «галантный облик» [*un air galant*], «галантная манера» [*un façon galant*], и проч.⁹ Такого рода обсуждения продолжались в 1650-е и 1660-е годы, в том числе в салоне

лафонтеновской характеристики придворных как людей грустных, веселых, на все готовых и проч., то об этом см. ниже раздел «Чужая страна».

⁸ Это наименование восходит к титулу популярного в ту эпоху труда испанского епископа Антонио де Гевары «Презрение ко двору и похвала сельской жизни» (1539). Обличение двора было одной из разновидностей традиционного упражнения в презрении к миру [*contemptus mundi*]. Подробнее об этом см. ниже в разделе «Чужая страна».

⁹ [*Vaugelas C.F. de*] *Remarques sur la langue françoise vtils a ceux qui vevlent bien parler et bien escrire*. Paris: I. Camvsat & P. Le Petit, 1647. P. 476.

госпожи де Сабле, где оттачивались максимы герцога де Ларошфуко (первая авторская публикация в 1665 г.) и самой хозяйки (опубл. в 1678 г.)¹⁰. Но, что более для нас существенно, они не прекратились и в 1670-е годы. Так, в феврале 1679 года Жан Корбинелли, один из близких друзей госпожи де Севинье, объяснял Бюсси-Рабютену:

Я вбил себе в голову обзавестись ясными и четкими идеями по поводу большинства тех вещей, о которых говорят, их не понимая. Я не желаю более терпеть, чтобы о ком-то говорили, что он человек достойный [honnête homme], и чтобы один под этим наименованием подразумевал одно, а другой – другое. Я хочу, чтобы было точное представление о том, кого называют человеком галантным, человеком порядочным, человеком чести или достойным человеком [le galant homme, l'homme de bien, l'homme d'honneur, l'honnête homme], чтобы мы знали, что такое вкус, здравый смысл, способность к суждению, к различению, ум, разум, деликатность, добропорядочность, учтивость, вежество¹¹.

По его собственному признанию, подобная задача обрекает на «педантские мучения», поскольку разговорный узус слишком расплывчат, и правильное употребление должно быть установлено извне. В сущности, именно эту функцию брал на себя словарь Академии, стремившийся определить идеальную норму, изъяс из обращения анахронизмы, жаргонизмы, диалектизмы, и проч. Однако приводимые Корбинелли примеры показывают, что проблема состояла в более жесткой дифференциации тех обозначений, которые принадлежали к одному семантическому полю, и чьи значения во многом пересекались. Кроме того, большая их часть находилась в процессе эволюции, их смысловые

¹⁰ О связи между словарными определениями и максимами Ларошфуко см.: *Beaujot J.-P. Le travail de la définition dans quelques maximes de La Rochefoucauld // Les formes brèves de la prose et le discours discontinu (XVI–XVII siècles). Études réunies et présentées par Jean Lafond. Paris: J. Vrin, 1984. P. 95–100.*

¹¹ Из приписки Корбинелли к письму госпожи де Севинье от 27 февраля 1679 г., адресованному Бюсси-Рабютену. Цит. по: *Bussy-Rabutin R. de. Correspondance de Roger de Rabutin, comte de Bussy avec sa famille et ses amis (1666–1693). Nouvelle éd. revue sur les manuscrits et augmentée d'un très-grand nombre de lettres inédites par Ludovic Lalanne. Paris: Charpentier, 1858. T. IV. P. 315*

рамки оставались подвижными¹². Отсюда несколько раз повторяемое Корбинелли желание «закрепить» понимание – «je veux fixer mes idées»¹³ – то есть дать определение. Напомним, что согласно все тому же словарю Академии, первое значение глагола «définir» было связано с фиксацией искомого явления во времени и пространстве¹⁴.

Может показаться, что обсуждение дефиниции «галантности» или «человека достойного» имеет мало отношения к определению «двора»: с одной стороны, речь идет о выработке новых эстетических и социокультурных ориентиров, с другой – об институте, являвшемся неотъемлемой частью монархии и хорошо известном современникам. Но «двор» разделял с «галантностью» и проч. такое качество, как подвижность границ, причем не столько семантических, сколько физических. Согласно словарю Фюретьера, так именовалось «место, где обитает король или правящий государь»¹⁵. Это «место» не было закреплено в пространстве, поскольку французские монархи имели привычку переезжать из одной резиденции в другую, не говоря о военных походах, торжественных посещениях подвластных им городов, и проч. Парадокс «подвижного места» был очевиден во времена Франциска I, когда французский двор преобразовывался по модели итальянских, гораздо более стационарных хотя бы в силу меньшего размера управляемых ими территорий. В 1543 году Клод Шапнюа объяснял в обращенной к Франциску «Речи о дворе» различие между королевским дворцом как одним из властных атрибутов и реальными замками, в которых живет государь:

¹² См. показательный случай с «деликатностью», который разбирает Дельфин Дени: *Denis D. La muse galante. Poétique de la conversation dans l'œuvre de Madeleine de Scudéry*. Paris: Champion, 1997. P. 299–301.

¹³ *Bussy-Rabutin R. de. Correspondance de Roger de Rabutin*. P. 316.

¹⁴ «Отмечать, определять. В этом смысле используется исключительно при разговоре о времени и месте, установленных для той или иной вещи» (*Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy*. Paris: J.B. Coignard, 1694. T. I. P. 458).

¹⁵ *Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes <...> Recueilli & compilé par le feu Messire Antoine Furetiere*. La Haye & Rotterdam: A. & R. Leers, 1690. T. I. P. 686. Ср. с определением из словаря Академии: «место, где находится государь и его свита» (*Le dictionnaire de l'Académie*. T. I. P. 267).

Под конец хочу вас заверить,
Что сей столь роскошный и прекрасный дворец
Не называется ни Фонтенбло,
Ни Шамбор, ни Амбуаз, ни Блуа,
И это не тот, что в Венсенском лесу,
Не Лувр в Париже, и не Турнель:
Он летает, как будто у него есть крылья¹⁶.

Парящий замок – нечто вроде платоновской идеи королевского дворца, изложенной языком рыцарского романа. О ее политическом значении мы поговорим позже, а пока отметим отчетливое понимание невозможности локализовать институт в одном единственном месте. С этим, между прочим, могла быть связана пресловутая загадочность «географических» описаний Лабрюйера. Он обособляет двор в качестве специфического локуса, обладающего реальными координатами («располагается на сорок восьмом градусе северной широты») («О дворе» 74), то есть на широте Парижа), но отказывается указать его имя. Это «некая земля», «некий край», названием которой служит прочерк: «Обитатели страны называют ее ***» («О дворе» 74). Показательно, что к концу XVIII века некоторые публикаторы начнут воспринимать эту лакуну как цензурный пропуск, и в ряде изданий этого и последующего столетия можно будет прочесть: «Обитатели страны называют ее Версаль»¹⁷. Такая «глупость», говоря словами возмущенного комментатора того же времени, «уничтожает дух

¹⁶ «Je viens au reste, & vous puis assurer, / Que ce palais tant magnifique & beau / Ne se doit dire vng Fontainebelean / Ni vng chambort ny Amboise, ny Bloys / Ce n'est aussi de Vincennes le boys / Ni en Paris le Louure, ou les Tournelles, / Il volle ainsi que s'il auoit des aesles» (*Chappuy's C. Discours de la Court, présenté au Roy par M. Claude Chappuy's*. Paris: Roffet, 1543. Sig. D^v).

¹⁷ «Le gens du pays le nomment Versailles» (*La Bruyère J. de. Les Caractères de La Bruyère. Nouvelle Edition. Revue par M. B. de B. de l'Académie des Inscription et Belles-Lettres*. Paris: J.-F. Bastien, 1790. T. I. P. 326). Повидимому, указанное издание является первым, в котором присутствует эта поправка. Ее также можно видеть в ряде изданий начала XIX в. (в частности, в изданиях Dabo, Tremblay, Féret et Gayet, 1819; A. Belin, 1820; Aucher-Éloy, 1826; H. Bossange, 1829).

всего фрагмента»¹⁸. Однако она свидетельствует о том, что в сознании читателей/издателей «двор» и «Версаль» начинают восприниматься как полные синонимы, что позволяет подменять один другим. (Уточним: Лабрюйер описывал именно двор; в его тексте нет ни одной характеристики, которую можно было бы опознать как специфически версальскую приметку.) Эта ассоциация, по-видимому, формируется уже на рубеже XVII и XVIII столетия: несмотря на возражения автора, читатели искали в его типажах портреты современников¹⁹. В ряде посмертных изданий «Характеров», сопровождавшихся «ключом» (предположительной расшифровкой псевдонимов и топонимов), напротив фразы «Рассказывают о неком крае...» («О дворе» 74) на полях уже стоит пометка «Версаль»²⁰. Парящий замок опустился на землю.

Однако двор – не только «место», но и наименование некоей общности, которая, согласно тому же Фюретьеру, имеет двойственный характер: с одной стороны, это «король, высшие должностные чины и министры», с другой – «все должностные чины и свита государя»²¹. Стоит напомнить, что автор «Универсального словаря» был правоведом и в молодости занимал должность прокурора. Его определение, в отличие от более эмпирической дефиниции словаря Академии, подчеркивает юридическое различие между двором как частью структуры государственного управления и двором как «домом» короля, то есть

¹⁸ *La Bruyère J. de. Les Caractères de La Bruyère, suivis des Caractères de Théophraste, traduits du grec par le même.* Paris: Lefèvre, 1824. Т. I. P. 251 (примеч. 1). Аналогичную критику можно найти в изданиях Emler frères, 1829; Charpentier, 1853.

¹⁹ К примеру, Сен-Симон, упоминая известного своей рассеянностью графа де Бранка, или маркиза де Данжо (автора «Дневника двора Людовика XIV»), отсылает к «Характерам» как к достоверному изображению этих персонажей. См.: *Saint-Simon. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc.* Т. II: 1701–1708. Paris: Gallimard, 1948. P. 188, 549 (Bibliothèque de la Pléiade).

²⁰ См., например: *La Bruyère J. de. Les Caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les Caractères ou les mœurs de ce siècle, par M. de La Bruyère, et la Clef en marge et par ordre alphabétique.* Paris: E. Michallet, 1697. Т. I. P. 275.

²¹ *Furetière A. Dictionnaire universel.* Т. I. P. 686.

системой личного обслуживания монарха²². На практике границы между этими сферами были размыты, хотя Людовик XIV старался отделять их друг от друга: так, за редкими исключениями, он избегал назначать на государственные посты тех вельмож, которые в силу происхождения могли претендовать на высокое положение при дворе. Как в свое время предположил Норберт Элиас, именно двойная структура двора позволила монархам превратить его в инструмент усмирения непокорной знати, которая стремилась ко двору в надежде добиться большего влияния на государственные дела, но, в итоге, получала лишь номинальные, хотя и почетные, должности²³.

Наконец, «двор» также обозначает определенный набор поведенческих черт, которые отличают придворного. По словам Фюретьера, это особый «образ жизни», когда человек «хорошо знает двор», «умеет угождать» [faire la cour], «усвоил придворные манеры» [l'air de la cour], обладает «придворным складом ума» [esprit de cour], «знает все придворные интриги»²⁴. Само по себе пребывание рядом с государем не гарантирует превращения в настоящего придворного, хотя является его необходимым условием. Еще Анри Этьенн в «Двух диалогах о новом французском языке» (1578) проводил различие между теми, кто «следует за двором» (то есть сопровождает короля в его перемещениях по подвластным территориям), и теми, кто «знает двор»: и те и другие именуются придворными, но первые – по формальному признаку, а вторые – по сути²⁵. Отсюда возможность смысловой игры, к которой позже прибегнет герцог де Сен-Симон, сказав про одного из современников, что тот был «presque toujours à

²² Составители словаря Академии этой разницы не чувствуют. Для них «двор» – «дом, должностные чины, главные вельможи и обычное правосудие короля или властителя», и лишь потом к этому добавляется, что двором «в более узком смысле также именуется государь и его совет» (Le dictionnaire de l'Académie. Т. I. P. 267).

²³ Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002.

²⁴ Furetière A. Dictionnaire universel. Т. I. P. 687.

²⁵ [Estienne H.] Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize principalement entre les courtisans de ce temps. Envers: G. Niergue, 1579. P. 224. Подробнее об этом различии см. в разделе «Знание карты».

la cour, mais peu de la cour»²⁶ [почти всегда при дворе, но мало к нему принадлежал].

Такой характерологический подход, подчеркивающий неполное совпадение культурного типажа («придворный») и его среды обитания («двор»), по-видимому, стоит рассматривать как своеобразное переосмысление проблемы институциональной двойственности, о которой говорилось выше. Речь идет не об идентификации «настоящего придворного» с теми, кто входит в состав королевского дома, а именно о факте внутреннего деления в пределах, казалось, единого – хотя бы за счет общего наименования – социокультурного образования. Аналогичным образом не дифференциация внутри семантического поля, а отсутствие соответствующего словаря для ее обозначения становится непреодолимой преградой для определения «двора». Как мы помним, Корбинелли сетовал на невозможность четко сформулировать разницу между «человеком чести» и «человеком достойным», однако он рассматривал уже существовавшие выражения. Случай «двора» прямо противоположен, поскольку тут ясно ощущаемые различия с трудом поддаются называнию, вернее, не имеют собственного имени. В этом смысле пресловутый вопрос Лабрюйера – «Кто может назвать переменчивые цвета, которые при разном свете видятся по-разному? точно так же, кто способен определить двор?» («О дворе» 3) – надо понимать совершенно буквально: как констатацию лексического тупика²⁷.

²⁶ *Saint-Simon. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc. T. I: 1691–1701. Paris: Gallimard, 1953. P. 286 (Bibliothèque de la Pléiade).*

²⁷ Ср. с обсуждением проблемы перцепции в «Первоначальной философии» (1644) Декарта, где «ощущение цвета» связывается с формулой невыразимого: «...по существу нет разницы, говорим ли мы, что воспринимаем в объектах цвет, или же мы скажем, что воспринимаем в объектах нечто хотя нам и неведомое [je ne sçay quoy dont nous ignorons la nature], однако вызывающее в нас самих какое-то очень ясное и очевидное ощущение, именуемое ощущением цвета» (*Декарт Р. Соч.: В 2 т. / Сост., ред., вступит. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. I. P. 342*). Об употреблении выражения «je-ne-sais-quoi» в философских спорах XVII века см.: *Scholar R. Le Je-ne-sais-quoi: Enquête sur une énigme. Traduit de l'anglais par Thomas Constantinesco. Paris: PUF, 2010. P. 87–130.*

«Есть некая страна...»

Когда в «Похоронах львицы» Лафонтен решает дать определение «двору», то он именует его «некой страной» [un pays]. Это уподобление имеет устойчивый характер и часто встречается в текстах второй половины XVII века. Так, госпожа де Моттвиль, бывшая придворная дама Анны Австрийской, обращалась к читателям своих мемуаров:

Nous voici à la régence de la Reine, où nous allons voir, comme dans un tableau, les différentes révolutions de la fortune; de quelle nature est le climat de ce pays qu'on appelle la cour²⁸.

Вот мы и дошли до эпохи регентства королевы, где мы увидим, как на картине, различные повороты фортуны; какова природа климата той страны, что зовется двором.

Упоминание «климата» усиливает географические коннотации слова «pays» и указывает на то, что госпожа де Моттевиль, как и многие ее современники, была не чужда жанру аллегорических утопий²⁹. По свидетельству герцогини де Монпансье (больше известной как Старшая Мадмуазель), когда обе дамы в 1660 году сопровождали короля и королеву-мать в поездке к южной границе, где должна была состояться встреча с испанским двором, окрестные пейзажи вдохновили их на продолжительную беседу о жизни в «пустыне». Потом они обменялись письмами на эту тему и составили описание края, где не известны ни галантные ухаживания, ни браки³⁰. Последнюю деталь предложила Старшая Мадмуазель, у которой были личные резоны для антиматримонийных настроений, особенно в момент заключения брака между

²⁸ *Motteville F. B. de. Mémoires de Mme de Motteville sur Anne d'Autriche et sa cour. Nouvelle édition par M.F. Riaux. 4 vol. Paris: Charpentier, 1855. T. I. P. 99.* Мемуары госпожи де Моттвиль были впервые опубликованы только в 1723 г.; наиболее правдоподобная их датировка – конец 1660-х – начало 1670-х годов, когда после смерти королевы в 1666 г. мемуаристка удалась от двора.

²⁹ См. ниже раздел «Две карты».

³⁰ *Montpensier A.-M.-L.-H. de. Mémoires de Mlle de Montpensier, petite-fille de Henri IV. Collationnés sur le manuscrit autographe, avec notes biographiques et historiques par A. Chéruel. Paris: Charpentier, 1859. T. III. P. 452–454.*

Людовиком XIV и инфантой. Именно отсутствие галантности является точкой схождения духовно-религиозных представлений о «пустыне» с литературной утопией, как правило, уделявшей много внимания регулированию сексуальных отношений. Стоит добавить, что герцогиня де Монпансье, кроме того, была автором «Известия о воображаемом острове» (1659), написанного ею совместно с Жаном Рено де Сегре, который тогда занимал должность ее секретаря.

Религиозные и, одновременно, утопические / аллегорические коннотации уподобления двора некоей стране также прослеживаются в «Панегирике Людовику Святому», который был произнесен 25 августа 1681 года одним из знаменитых проповедников того времени, Эспри Флешье:

La Cour est une terre fertile en amusemens frivoles, en amours profanes, en mauvais desirs. C'est la partie la plus décriée de ce monde <...>. C'est une Region de tenebres où la verité est étouffé par le mensonge...³¹

Двор – земля, щедрая на пустые развлечения, суетные любовные интриги и несправедливые желания. Это самая осуждаемая часть сего мира <...>. Это область тьмы, где истина задушена ложью...

Как видим, обозначение «страна» [pays] вполне заменимо на близкое «земля» [terre] (в данном случае, с коннотацией «почва») и «область» [region]. При этом только выражение «область тьмы» принадлежит к стилистическому регистру церковного красноречия, где его смысловое наполнение слегка варьируется в зависимости от контекста. Скажем, Массильон в «Первой проповеди о религиозном призвании» восклицал:

Мир сей – область тьмы [une Région de ténèbres], где, сам того не ведая, попадаешь в ловушку; широкий путь, усеянный подводными камнями и пропастями; обитель непостоянства и обмана, место разлада и притворства, бесплодная и проклятая земля [une terre ingrate & maudite], где не знают ни Иисуса Христа, ни его святой религии³².

³¹ Fléchier E. Panegyriques et Autres Sermons, Prêchez par Messire Esprit Flechier. Lyon: Frères Bruyset, 1741. Т. II. Р. 30.

³² [Massillon J.B.] Sermons sur les Evangiles de Carême et sur quelques misteres de la Sainte Vierge: avec trois Panegyriques; un Sermon de Vêture, un

Иначе говоря, когда Флешье описывал двор как «часть сего мира», то это предполагало перенос на него тех характеристик, которые обычно применялись к земному существованию в целом. Такое уравнивание части и целого делает двор эпитомой профанности, к чему мы вернемся несколько позже.

Еще один пример относится к периоду, предшествовавшему публикации «Похорон львицы», а потому особенно показателен. 18 марта 1673 года госпожа де Скюдери сообщала из Парижа опальному Бюсси-Рабютену о восходящей звезде другого знаменитого проповедника, Жака-Бениня Боссюэ, тогда епископа Кондомского:

Il est en un pays où il n'y a plus de galanterie, rien que de la débauche, hormis le roi qui seul est galant à la cour; toute chevalerie y est éteinte³³.

Он в том краю, где больше нет галантности, только распущенность, и за исключением короля, который единственный галантный кавалер при дворе, дух рыцарства там полностью угас.

Тот факт, что госпожа де Скюдери могла просто заменить «двор» на «край», по-видимому, свидетельствует об укорененности оборота «la cour est un pays» в живом языке. Тем не менее, тут нельзя исключать присутствия своеобразного идиолекта, понятного относительно узкому кругу современников. Среди друзей и посетителей ее салона госпожа де Скюдери была известна как «королева страны Нежности»³⁴, а читатели, безусловно, знали ее как изобретательницу знаменитой «Карты страны Нежности» (1654), о которой еще пойдет речь. Однако более вероятно, что писательница использовала обе реферативных системы, одновременно обыгрывая расхожее словосочетание и намекая на свой статус в Республике словесности.

autre de Profession de Religieuse. Trevoux: Ganeau, 1711. Т. IV. P. 463. Этот текст несколько отличается от более поздних изданий, но выражение «область тьмы» остается неизменным. Далее Массильон противопоставляет «царство тьмы» [Royaume de tenèbres] и «царство света» (Ibid. P. 465).

³³ Bussy-Rabutin R. de. Correspondance de Roger de Rabutin. Т. II. P. 233.

³⁴ По поводу этого наименования см.: Scudéry M de., Pellisson P. et al. Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653–1654) / Éd. établie et commentée par Alain Niderst, Delphine Denis et Myriam Maître. Paris: Champion, 2002. P. 321 (примеч.159).

Все три приведенных примера заимствованы из письменных жанров, которые в максимальной степени открыты влиянию устного языка: мемуары и письма ориентированы на искусство беседы, тогда как проповедь, в первую очередь, рассчитана на произнесение. Это, безусловно, доказывает, что интересующий нас оборот использовался в живой речи, откуда его мог взять Лафонтен. Но стоит отметить, что, с большой долей вероятности, баснописцу был известен, по крайней мере, один случай его употребления в речи поэтической. Франсуа Менар в своем сонете, обращенном к историку Жаку Сирмону («Sage & docte Sirmont, pourquoi me presses-tu...»), перечислял причины, по которым «пустыня» предпочтительней жизни при дворе, и заключал:

La Cour est un pais ingrat & dangereux.
C'est où le grand mérite est souuent mal-heureux;
Et quand il plaist aux Rois l'innocence est un crime³⁵.

Двор – неблагодарная и опасная страна,
Высокие достоинства там часто несчастны,
И, когда пожелает король, невинность – преступление.

Этот сонет вошел в последнее собрание стихотворений Менара, увидевшее свет в 1646 году. К сожалению, точная дата его написания неизвестна. Учитывая, что адресатом является Сирмон, можно предположить, что он восходит примерно к 1637 году, когда дядя адресата стал исповедником Людовика XIII. Или, что более вероятно, к периоду между 1642 и 1646 годами, когда поэт полностью отошел от дел и поселился в удаленном от столицы местечке Сен-Сере³⁶. В один из его редких приездов в Париж в 1645 году он посещал те же круги, что и молодой Лафонтен; вне зависимости от личного знакомства, не

³⁵ *Maynard F.* Les Œuvres de Maynard. Paris: Aug. Courbé, 1646. P. 27.

³⁶ Эти границы можно сузить до 1642–1643 гг., если считать, что король, о котором идет речь в последней строке, – не абстрактная фигура, а реальный Людовик XIII, который скончался в мае 1643 г. В таком случае эта строка, по-видимому, иронически обыгрывает его официальное титулование «Людовик Справедливый». Отметим, что Менар и Сирмон были членами Академии с момента ее создания в 1634 г., то есть их знакомство датировалось по крайней мере началом 1630-х годов.

подлежит сомнению, что его поэзия оказала заметное влияние на баснописца³⁷.

Линия Менар – Лафонтен – Лабрюйер представляет интерес не только с точки зрения динамики литературной преемственности. Она важна своей публичностью, поскольку речь идет об опубликованных сочинениях, доступных современникам. За исключением госпожи де Сабле, которая в своих «Максимах» описывала двор как «империю честолюбия» [l'empire de l'ambition]³⁸, практически все перечисленные случаи уподобления двора некоей стране связаны с рукописными текстами – письмами и мемуарами, – попавшими в печать много позже, часто после смерти их авторов. Если бы не Лафонтен и Лабрюйер³⁹, то можно было бы подумать, что речь идет о своего рода неподцензурной метафорике, балансировавшей на грани дозволенного. Основания для этого есть: скажем, в переписке медика Ги Пате-на (одного из тех, кого причисляют к «ученым вольнодумцам») все характеристики двора имеют отчетливо негативную окраску. 20 июля 1649 года он писал: «la Cour est un païs de grimaces, de fourberie, d'impotence & de mensonges» [Двор – страна гримас, плутней, обмана и лжи]; 22 февраля 1656 года: «La Cour est une belle putain qui donne bien souvent à ses amoureux des cassades & de belles espérances» [Двор – красивая шлюха, которая часто награждает своих любовников пустыми обещаниями и надеждами]; 21 сентября 1661: «La Cour est une mauvaise hôtellerie pour un homme de probité» [Двор – дурной трактир для

³⁷ Collinet J.-P. Maynard et La Fontaine // Maynard et son temps: actes du colloque organisé les 19, 20 et 21 octobre 1973, par le Centre de recherches Idées, thèmes et formes de 1580 à 1660 de l'Université de Toulouse-Le Mirail, la Société des amis de Maynard et avec le concours de l'Académie des jeux floraux. Toulouse: Association des publications de l'Université de Toulouse-Le Mirail, 1976. P. 201–214.

³⁸ [Sablé M. de]. Maximes et pensées diverses. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1678. P. 78.

³⁹ Менар скончался практически сразу после публикации упомянутого собрания 1646 г., которое задумывалось им как последнее и итоговое, поэтому у выношу его за скобки.

честного человека]⁴⁰. Правда, стоит принять во внимание, что письма эти датируются эпохой фактического правления кардинала Мазарини (за исключением последнего письма, поскольку кардинал скончался в марте 1661 г.), фигуры крайне непопулярной среди парижан. Тем не менее, диатрибы Патена заставляют задуматься о том, где проходит грань между допустимой – религиозной и моралистической – критикой одного из институтов власти и откровенной сатирой.

«Но где снега былых времен?»

В 1678 году в свет вышел не только второй сборник Лафонтена, но и «Принцесса Клевская» госпожи де Лафайет. Примечательно, что один из читателей повести увидел в первых ее строках, где описывается двор последнего Валуа, умаление современного двора:

Может ли человек, которому столь хорошо известен нынешний Двор, как, по-видимому, он известен автору, утверждать, что «никогда во Франции роскошь и галантность не достигали такого блеска, как в последние годы царствования Генриха III»? Без сомнения, он позабыл, что живет в эпоху Людовика XIV⁴¹.

Претензии Валинкура не столь произвольны, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, он отдавал себе отчет в том, что смутившее его описание выстроено по образу и подобию современной реальности: отсюда упоминание о хорошем знании автором «нынешнего» двора. Но проекция этого образа в прошлое давала иллюзию исторического прецедента и, тем самым, бросала тень на исключительный характер правления Людовика XIV. С другой стороны, на

⁴⁰ *Patin G.* Lettres choisies de feu M. Guy Patin, docteur en medecine, dans lesquelles sont contenuës plusieurs particularitez historiques, sur la vie & la mort des sçavans de ce siècle, sur leurs escrits & plusieurs autres choses curieuses depuis l'an 1645 jusqu'en 1672. Cologne: P. Du Laurens, 1691. Т. I. P. 102, 403; Т. II. P. 458. Отметим, что это как раз неподцензурное издание, вышедшее в Кельне пару десятилетий спустя после смерти Патена (1602–1672).

⁴¹ [*Valincour J.-B.-H. de*]. Lettres a madame la marquise *** sur le sujet de La princesse de Cleves. Paris: S. Mable-Cramoisy, 1678. P. 5–6.

протяжении 1660-х – 1680-х годов двор короля-солнца неоднократно упрекали именно в отсутствии галантности. Помимо уже процитированных строчек из письма госпожи де Скюдери и соответствующего замечания Лабрюйера («О дворе» 74), сюда можно добавить характеристику придворных нравов из «Любовной истории галлов» (1662) Бюсси-Рабютена⁴², из «Сокрушенного послания» (1685) госпожи Дезульер, в котором она сетует на «поведение нового двора»⁴³. В этом контексте похвала «роскоши и галантности» двора Генриха III действительно могла звучать как скрытый выпад против «эпохи Людовика XIV».

Такая чувствительность к возможным импликациям внешне нейтральной фразы особенно примечательна на фоне резкой критики придворных нравов, которую мы видим не только в мемуарах (как правило, не предназначавшихся для немедленного обнародования), но и в публичных – печатных и устных – высказываниях современников. Оставим в стороне проповедь Флешье, где двор именуется «областью тьмы», поскольку церковное красноречие подчиняется особым законам. Если взять «Характеры», то знаменитое описание обычаев страны, расположенной «более чем за тысячу сто лье от моря ирокезов и гурунов», чьи жители, «по-видимому, поклоняются государю, а государь поклоняется Господу» («О дворе» 74), появилось уже в первом их издании, которое, заметим, вышло в типографии Этьена Мишалле, «первого королевского печатника», и с «дозволения Его Величества»⁴⁴. Судя по тому, что при работе над последующими изданиями Лабрюйер не касался этого фрагмента, подобная сатира не выходила за рамки приемлемой и даже санкционированной критики. Аналогичным образом, «Сокрушенное послание» госпожи Дезульер было напечатано на страницах «Галантного Меркурия» – издания,

⁴² «В царствование Теодата старые придворные кавалеры были уже бесчувственны, а молодые рождены под бряцание мечей и, в силу своего призвания, слишком грубы». Цит. по: *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. С. 172.

⁴³ *Mercure galant, dédié à Monseigneur le Dauphin.* Septembre 1685. Lyon: Th. Amaulry, 1685. P. 77.

⁴⁴ Вот его полный титул: *Les Caracteres de Théophraste traduits du grec. Avec les Caractères ou Les mœurs de ce siecle.* Paris: Chez Estienne Michallet, premier Imprimeur du Roy, ruë S. Jacques, à l'Image saint Paul, 1688. Avec Pri-
vilege de Sa Majesté.

представшего в виде подношения наследнику престола. Как и «Принцесса Клевская», оно исполнено ностальгии по ушедшим временам и, в отличие от повести, напрямую сравнивает славное прошлое с неприглядным настоящим: «Где теперь эти галантные сердца? где гордые души? / Немуры, Монморенси, / Бельгарды, Бюсси, / Гизы и Бассомпьеры?»⁴⁵. Однако нет никаких признаков того, что нарисованная госпожой Дезульер картина провоцировала возмущение современников.

В своей монографии, посвященной романисткам XVII столетия, Натали Гранд отметила сходную тенденцию: примерно наказав Бюсси-Рабютена за «Любовную историю галлов», власти оставляли без внимания довольно резкие выпады, присутствовавшие в сочинениях госпожи де Вильдье или госпожи де Скюдери. Исследовательница объясняет это двояко. С одной стороны, социальный статус обеих писательниц был несопоставим с положением Бюсси; с другой – роман как жанр имел репутацию безобидного развлекательного чтения, не заслуживающего серьезного отношения⁴⁶. Оба предположения, безусловно, правомерны, но требуют ряда поправок. Как мы убедились ранее, несмотря на (относительно) низкий социальный статус, госпожа де Скюдери, много позволявшая себе в романах, в частном письме проявляла заметную осторожность. Судя по ее оговорке насчет «единственного галантного кавалера», она, по-видимому, опасалась, что в переписке с опальным Бюсси любое негативное замечание по поводу двора способно приобретать слишком актуальное звучание. Иными словами, граница между дозволенным и недозволенным была не столько содержательной, сколько ситуативной. Одни и те же общие места, включая сетование на упадок нравов, могли оставаться нейтральными литературными тропами, а могли превращаться в злободневную критику. Многое зависело от их конкретного расположения, то есть и от того, кем они произносятся, и от их непосредственного (жанрового, общекультурного) контекста. Если говорить языком эпохи, то речь шла о действенности *dispositio*, о которой, к примеру, размышлял Паскаль:

⁴⁵ *Mercure galant*. P. 80.

⁴⁶ *Grande N. Stratégies de romancières. De Clélie à La Princesse de Clèves (1654–1678)*. Paris: Champin, 1999. P. 374–375.

Пусть не говорят, что я ничего не сказал нового, само расположение материала [la disposition des matières] ново. Когда играют в мяч, оба игрока бросают один и тот же мячик, но один бросает его точнее⁴⁷.

В этом отношении возникает и другой вопрос: возможно ли проследить взаимосвязь между близкими социокультурными группами, существовавшими внутри французского общества XVII столетия, и практикой использования определенных общих мест? Естественно, сами по себе риторические привычки были обусловлены общим набором культурных навыков, включая образование, круг чтения и общения, профессиональные занятия, и проч., не говоря о жанровых и тематических конвенциях. Тем не менее, некоторые языковые предпочтения все-таки поддаются выявлению.

Посмотрим на расстановку наших игроков в случае обыгрывания топоса современного упадка галантности. Прежде всего бросается в глаза тот факт, что большая их часть принадлежит к поколению участников Фронды. Так, Бюсси служил под началом Конде и после знаменитого ареста принцев (Конде и Конти) и герцога де Лонгвилля в январе 1650 года на короткое время встал на сторону противников двора. Жорж и Мадлен де Скюдери пользовались покровительством дома Конде—Лонгвилей и сохраняли ему верность в период гражданских раздоров, из-за чего Жорж даже был вынужден оставить Париж и скрываться в Нормандии. Муж госпожи Дезульер также принадлежал к окружению Конде и вместе с ним покинул Францию, когда тот перешел на службу испанской короне. Иными словами, речь идет не просто о фронтдерах, а о тех, кто в 1650-е годы связывал свою судьбу с одним из сильнейших аристократических родов, способным

⁴⁷ Паскаль Б. Мысли / Пер. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 271. Попутно отметим, что метафора игры в мяч выполняет тут двойную функцию, поскольку она иллюстрирует не только идею «расположения материала», но и отсутствия новизны. Ср. с аналогичным пассажем у Монтеня (III, 13): «Произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему. Последний должен принимать их так, как они ему брошены, подобно тому как во время игры в мяч принимающий делает те или иные движения в зависимости от движений бросающего или от характера броска». Монтень М. де. Опыты / Пер. А.С. Бобовича. М.: Голос. 1992. Т. III. С. 357.

составить конкуренцию королевскому дому. Любопытно, что Сент-Эвремон, который вплоть до 1648 года также был близок к Конде, позже характеризовал ностальгию по прошлому как одну из черт национального характера. В «Наблюдении о вкусах и суждениях французов» (ок. 1665–1670 г.) он писал:

Для некоторых естественно чувствовать недовольство тем, что они видят, и предпочитать давно увиденное. Они будут превозносить двор минувшего царствования, на самом деле весьма скромный, пренебрегая величием и великолепием того, что у них перед глазами. Они будут восхвалять покойников, не отличавшихся особыми достоинствами, едва милясь со славой величайшего героя, еще не покинувшего сей мир⁴⁸.

Если учесть, что в 1661 году Сент-Эвремон был вынужден оставить Францию, и далее его общение с соотечественниками сводилось к незначительному кругу эмигрантов, можно предположить, что его наблюдения хотя бы отчасти отражают те настроения, которые существовали в окружении Конде. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что следы подобных настроений мы видим у Лабрюйера, который принадлежал к совсем другому поколению и сословной группе, но также находился в орбите (уже не мятежного, но повинившегося и прощенного) Конде, будучи с 1684 года наставником его внука.

Попробуем избежать трюизма: суть не в том, что сторонникам проигравшей аристократической вольницы, пускай даже и примирившимся с «веком Людовика XIV», была свойственна ностальгия по прошлому; интерес представляет то, как ее интерпретировали современники. Если сравнить госпожу де Лафайет (которую при желании можно связать с кланом Конде–Лонгвилей хотя бы через герцога де Ларошфуко) и госпожу Дезульер, то они выступали примерно с одних и тех же социальных и культурных позиций. Однако слова первой

⁴⁸ *Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы // Ларошфуко Ф. де. Максимумы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эвремон Ш. де Сент-Дени де. Избранные беседы. Вовенарг Л. де Клапье де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимумы. Шамфор С. Максимумы и мысли / Сост., вступит. статья и примеч. М.С. Неклюдовой. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; Изд-во АСТ, 2004. С. 476.*

перетолковывались в нежелательном смысле, тогда как вторая открыто критиковала нравы «нового двора», не навлекая никаких нареканий. По-видимому, различие кроется в степени опосредованности речи. Стихотворение госпожи Дезульер является вариацией на тему «Но где снега былих времен?», восходящей к известной балладе Франсуа Вийона. Кроме того, оно отсылает к четырем «Сокрушенным посланиям» (1652–1666) Поля Скаррона, последнее из которых было обращено к госпоже де Скюдери. И, как справедливо замечает исследователь, хотя стихотворение госпожи Дезульер можно считать сатирой, его обличительный пафос приглушен⁴⁹. Добавим: в том числе за счет открытой «литературности» тематики. В этом существенное отличие позиции, декларируемой госпожой Дезульер, от той, что была обозначена в «Принцессе Клевской», которую сама госпожа де Лафайет характеризовала как «идеальный слепок с придворного мира [une parfaite imitation du monde de la Cour] и принятого там образа жизни» и именовала «мемуарами»⁵⁰. С такой характеристикой были согласны читатели, охотно разбиравшие поступки главной героини с точки зрения обычаев своей эпохи (к примеру, могла ли незамужняя дама самостоятельно выбирать драгоценности у ювелира?).

Иначе говоря, в отсутствие немедленно опознаваемой литературной конвенции, в качестве которой могла выступать отсылка к предшествующей традиции (как в «Сокрушенном послании» госпожи Дезульер) или к определенному жанру («географические» описания у Лабрюйера), включался режим социокультурного анализа, ориентированный на принятые представления о приличиях. Так, собственно, происходит активизация общих мест, которые начинают восприниматься как выражение личного мнения. Это переключение режимов мы видим в неоднократно упоминавшемся письме госпожи де Скюдери. Когда она писала о «крае, где больше нет галантности», то эта формула должна была апеллировать к ее литературно-игровому статусу картографа Страны Нежности и «оракула галантности»⁵¹. Но

⁴⁹ Schröder V. Madame Deshoulières, ou la satire au féminin // XVII siècle. 2013. № 258. P. 95–106.

⁵⁰ *La Fayette M. de. Correspondance* / Ed. A. Beaunier, 2 vols. Paris: Gallimard, 1942. Т. II. P. 63.

⁵¹ Так ее именует Годо в письме от 28 февраля 1654 г. (*Scudéry M de., Pellisson P. et al. Chroniques du Samedi*. P. 341).

писательница уже не уверена, что эта игровая составляющая будет правильно понята непредусмотренными читателями текста, поэтому, в ущерб стилю, она прибегает к самоцензуре и убирает всякую двусмысленность: король – «единственный галантный кавалер при дворе». Как справедливо предупреждал Валинкур, автору не стоило забывать, что он «живет в эпоху Людовика XIV».

Язык двора

Сонет Менара и письмо Патена о «стране гримас» являются, по-видимому, наиболее ранними случаями письменной фиксации оборота «la cour est un pays», что позволяет датировать его распространение приблизительно серединой 1640-х годов. Трудно судить, возник он тогда же или нет, хотя есть искушение связать его появление с периодом регентства Анны Австрийской и министерства кардинала Мазарини. Малолетство короля, действительная или мнимая зависимость королевы-матери от первого министра и ряда вельмож способствовали более тесному, чем ранее, отождествлению власти с двором. По крайней мере, мы знаем, что современники воспринимали события Фронды как серию противостояний двора и парламента, двора и принцев крови, двора и «города», то есть Парижа. Такая оптика свойственна не только кардиналу де Рецу, который работал над мемуарами тремя десятилетиями позже, примерно в 1675–1678 годах, но и Патену, в своих письмах комментировавшему происходившее по горячим следам. Что касается превращения двора в «некую страну», то тут существенную роль могло сыграть иноземное происхождение Мазарини и, в меньшей степени, королевы-матери: политический конфликт между аристократией, парламентариями и новой системой государственной власти формулировался в терминах национального противостояния. Однако тут надо оговорить, что жалобы на «итальянизацию» королевского окружения были общим местом на протяжении как минимум столетия начиная от царствования Франциска I, затем в эпоху правления последних Валуа, во многом ассоциировавшуюся с политическим влиянием Екатерины Медичи, и, наконец, уже в XVII веке, во время регентства Марии Медичи. Иными словами, ощущение инокультурности двора сформировалось задолго до Мазарини и предполагаемого появления интересующего нас выражения.

Что делает двор «страной»? Вернемся к словарям: согласно Фюретьеру, термин «раус» порой «используется в переносном значении в отношении духовных предметов» («Алгебра – страна / область, неведомая большей части ученых»). Кроме того, он применяется к «некоторому числу частных лиц и тогда обозначает место, где они родились, обычно находятся, натурализовались». На стыке этих двух смыслов мы находим выражение «страна латыни» как обозначение университета: «Страной латыни именуют университет – место, где царствует педантство»⁵². Или, как уточняет словарь Академии, так называют «университетский квартал»⁵³. Таким образом, «страна латыни» располагается в реальном городском пространстве и, одновременно, является интеллектуальной (или профессиональной) общностью, характеризующейся использованием другого языка – латыни. Последний фактор, по-видимому, играет решающую роль: скажем, парижский парламент во многом аналогичен университету (профессиональное объединение, имеющее собственное место в городе), однако он никогда не называется «страной».

Если посмотреть на двор с этой точки зрения, то проблема собственного языка действительно оказывается важным элементом его описания. Сразу отметим, что речь идет не столько о реальной лингвистической ситуации, сколько о ее перцепции современниками. На протяжении XVI–XVII веков знание итальянского, испанского и, конечно, латыни было в достаточной мере распространено среди французского благородного сословия. В «Занимательных историях» (1657–1659) Таллемана де Рео есть немало примеров, в основном относящихся к эпохе Генриха IV и регентства Марии Медичи, показывающих, что разговоры при дворе могли вестись сразу на двух языках – французском и испанском, французском и итальянском⁵⁴. Полупрозрачность границ между ними породила ситуации комического недопонимания, языковой игры, построенной на частичном тождестве романского вокабулярия и разности актуального узуса. Вспомним известный

⁵² «On appelle Pays Latin l'Université, le lieu où règne la Pédanterie». *Furetière A. Dictionnaire universel*. Т. III. P. 10.

⁵³ *Le dictionnaire de l'Académie*. Т. II. P. 170.

⁵⁴ См., к примеру, анекдоты о маршале де Роклоре: *Tallemant des Réaux. Historiettes*. Éd. établie et annotée par Antoine Adam. Paris: Gallimard, 1960. Т. I. P. 17 (Bibliothèque de la Pléiade).

эпизод из мемуаров кардинала де Реца, относящийся к 1645 году. Во время официальной аудиенции Мазарини – «так как сила французских выражений оставалась для него еще смутной» – обвинил будущего фрондера в том, что тот «говорил с ним с большой наглостью [fort insolément]». Это оскорбило не только Реца, но и депутатов парижского капитула, которые его сопровождали, и позднее первый министр извинился, заверив, «что он полагал, будто слово это имеет тот же смысл, что по-итальянски *insolito*»⁵⁵ [нечто необычное, из ряда вон выходящее]. Мемуарист был склонен верить такому объяснению, в отличие от позднейших комментаторов, которые указывают, что в итальянском того времени существовали и прилагательное «*insolente*», и наречие «*insolentemente*», полностью соответствовавшее французскому «*insolément*»⁵⁶. Попутно заметим, что Рец вряд ли этого не знал: оставляя в стороне его собственные итальянские корни, надо напомнить, что он был незаурядным латинистом. Скорее всего, его готовность принять слова Мазарини за чистую монету была обусловлена известной привычкой первого министра нещадно коверкать французские слова, которая неоднократно осмеивалась во фрондерских «мазаринадах». Как бы то ни было, Мазарини очевидно использовал свою (неполную) билингвальность в качестве тактического оружия. Близость и, одновременно, различие между двумя языками позволяла ему приписывать случайно вырвавшимся у него словам тот смысл, который был выгоден в данной ситуации. Вполне реальное двуязычие оборачивается двуличием.

Но придворное двуязычие не обязательно подразумевало ситуацию столкновения нескольких естественных языков с более или менее общим словарем. В «Двух диалогах о новом французском языке» (1578) Анри Этьенна, направленных как раз против «итальянизации» французского языка, то есть свойственной придворным манеры пересыпать свою речь итальянскими словечками, мы находим и другую лингвистическую странность, которая на сей раз является не предметом критики, а ее инструментом. Протагонисты Этьенна беседуют о нравах современного им двора:

⁵⁵ *Рец кардинал де*. Мемуары / Пер. Ю.Я. Яхниной. М.: Ладомир, 1997. С. 48–49.

⁵⁶ См.: *Cardinal de Retz. Mémoires. Texte établi avec introduction, chronologie, notes, etc. par Simone Bertière*. T. I. 1613–1649. Paris: Garnier, 1987. P. 588.

Celt[ophile]. Mais dite-moy, l'eau beniste est elle tousiours en la cour à aussi bon marché qu'elle souloit estre?
Ph[ilavson]. A meilleur marché que iamais.
Celt. Le poisson d'Auril y-est-il touiours de requeste?
Phil. Il-y-est en plus grande recommandation que iamais. <...>
Cel. Y ioue l'on touiours au boutehors?
Phil. Plus que iamais⁵⁷.

Селтофил: Скажи-ка, святая вода по-прежнему дешева при дворе, как и положено?

Филавсон: Дешевле, чем обычно.

С. А на апрельскую рыбу есть спрос?

Ф. Она в большем почете, чем когда-либо. <...>

С. Все ли там играют в выбивалы?

Ф. Больше, чем когда-либо.

Этот обмен репликами безусловно имеет фарсовый характер⁵⁸ и построен на обыгрывании нескольких идиом, где буквальный смысл фразы (см. перевод) резко расходится с фигуральным. Так, «l'eau beniste de soug» означает «пустые обещания, обманчивые ласки и комплименты»⁵⁹; отсюда идея дешевизны, которая согласуется с переносным значением выражения, но входит в конфликт с его непосредственной формулировкой. «Рыночный» сюжет продолжает упоминание «poisson d'avril». Как поясняет Фюретьер, это одно из названий макрели; однако, поскольку словом «maquegeau» называют и «посредников в незаконной любви», это значение оказалось перенесено и на «poisson d'avril»⁶⁰. Наконец, «jouer au boutehors» апеллирует уже не к торговле, а к грубой силе, и представляет наиболее агрессивный способ отстаивания своих интересов. Согласно словарю Академии, «boute-hors» обозначает «разновидность игры, которая вышла из обихода», а выражение «jouer au boutehors» употребляется в переносном значении, «когда люди пытаются вытеснить друг друга с занимаемых позиций»⁶¹. Однако грань между

⁵⁷ [Estienne H.] Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize. P. 219.

⁵⁸ В одной из них прямо упоминаются известные фарсовые персонажи, Патлен и Раго (Ibid. P. 219).

⁵⁹ Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 267.

⁶⁰ Furetière A. Dictionnaire universel. T. I. P. 196.

⁶¹ Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 124.

прямым и переносным значениями довольно зыбка, поскольку понимание идиомы зависело от актуального владения правилами игры. Это заставляет усомниться, действительно ли она «вышла из обихода» в XVII веке. В любом случае, ее хорошо знали в предшествующие столетия. Начнем с того, что она присутствует в перечне игр, в которые играл Гаргантюа (1534). Причем, если верить свидетельству одного из комментаторов Рабле, в начале XIX века в некоторых областях Франции дети продолжали играть в игру под аналогичным названием («boute-dehors»), суть которой состояла в том, что несколько человек усаживались на скамейку и пытались спихнуть друг друга⁶². Хотя трудно сказать, какую именно форму она имела в эпоху Рабле – в XIV веке так называлась одна из разновидностей игры в мяч⁶³, – факт ее бытования в начале XIX столетия показывает, что игра не исчезла, а перешла в разряд детских (и простонародных) развлечений.

Все перечисленные Этьенном выражения имели хождение и в XVII столетии, о чем свидетельствует их присутствие в толковых словарях 1690-х годов, но «jouer au boute-hors» является самой частой характеристикой двора, встречающейся в текстах XVI века. К примеру, в «Лете» (1583) Бениня Пуассено говорит:

...celuy est bien ébesté qui ne sçait la cour estre un theatre où l'on joue au boutehors à toute façon, le décroissement de l'un estant l'avancement de l'autre⁶⁴.

⁶² *Rabelais F. Œuvres de Rabelais: éd. variorum, augmentées de pièces inédites, des Songes drolatiques de Pantagruel <...> ; et d'un nouveau commentaire historique et philologique par Esmangart et Eloi Johanneau. Paris: Dalibon, 1823. T. I. P. 414–415 (примеч. 73).*

⁶³ Об этом свидетельствуют примеры, собранные в Глоссарии Дюканжа (*Du Cange Ch. Glossarium novum ad scriptores Medii Aevi, cum Latinos tum Gallicos: seu supplementum ad auctiorem Glossarii Cangiani editionem: subditae sunt, ordine alphabetico, voces Gallicae usu aut significatu obsoletae, quae in glossario et supplemento explicantur; accedunt varii indices... Parisiis: apud Le Breton-Saillant-Desaint, 1766. T. I. P. 617*). Некоторые комментаторы видят в ней круговую игру, когда один человек стоит в центре, а остальные располагаются вокруг него и должны его так или иначе сместить. Н. Любимов в своем переводе сблизил ее с пятнашкой. См.: *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1966. С. 88.*

⁶⁴ *Poissenot B. L'Esté: 1583. Ed. établie, commentée et annotée par G.-A. Pérouse et M. Simonin. Genève: Droz, 1987. P. 98.*

...надо быть полным тупицей, чтобы не знать, что двор – это подмостки, на которых на разные лады играют в выбивалы, где умаление одного есть продвижение другого.

Этому мнению вторит Ноэль дю Файль в «Сказках и беседах Этрапеля» (1585): «промеж владык принято играть в выбивалы»⁶⁵. В сатире Жана де Ла Тайя «Удалившийся от дел придворный», которая была опубликована в 1573 году, в описании придворного существования также фигурирует «эта тягостная опасность, именуемая выбивалы»⁶⁶. Еще раньше, в 1558 году, Пьер Боэстюю в своем трактате «Театр мира, где представлена обширная речь о людских бедствиях», среди занятий царедворцев упоминает «игру в выбивалы»⁶⁷. Однако один из самых интересных для нас примеров обнаруживается не в комических или сатирических сочинениях, а в «Комментариях» маршала де Монлюка, написанных примерно между 1570 и 1577 годами:

Il ne faut pas trouuer estrange si l'on preste des charitez à moy, qui suis pauure Gentilhomme, l'on en preste bien aux Princes & aux autres, quelques grâds Seigneurs qu'ils soyēt. Ce sont choses ordinaires à la Cour des Princes. C'est là où faict profit, veu que le recullement d'un sert d'avancement à l'autre, ils iouent aux boutehors⁶⁸.

⁶⁵ «...la pratique generale chez les Potentats, de jouer à boute-hors». *Du Fail N. Contes et Discours d'Eutrapel*. Par le feu Seigneur d'Herissaye. Rennes: N. Glamet, 1587. P. 212.

⁶⁶ «...ce fâcheux danger qu'on nomme Boute-hors». *La Taille J. de. Œuvres de Jean de La Taille, seigneur de Bondaroy, publiées d'après des documents inédits par René de Maulde*. Paris: L. Wilem, 1882. P. xxx.

⁶⁷ «Les autres iouent à boutehors...». *Boaistuau P. Le Theatre dv monde, ov il est fait vn ample discours des miseris humaines, composé en Latin par Pierre Boaistuau, surnommé Launay, natif de Bretagne: puis traduict par luy mesme en François*. Paris: G. Robinot, 1559. P. 45^r. Интересно, что там же обнаруживается хорошо известное по «Гамлету» сравнение придворных с губками.

⁶⁸ *Montluc B. de. Commentaires de Messire Blaise de Montluc, Marechal de France. Diuisés en deux Tomes*. Lyon: L. Clesinet, 1593. T. I. P. 214. Стоит оговорить, что Монлюк – не первый мемуарист, использовавший эту идиому. Ее также можно видеть в записках Франсуа де Вьевиля, составленных в 1560-х годах, где, в частности, речь идет о вельможах, которые «не будучи способны ужиться друг с другом, играли в выбивалы» [«...deux grands Seigneurs qui ne

Не стоит удивляться тому, что меня, бедного дворянина, омилиствовали; так омилиствуют и государей, и всех прочих, сколь бы важными вельможами они ни были. Это обычные вещи при дворах государей. Именно там добиваются выгоды, и раз отступление одного служит к продвижению другого, то все играют в выбивалы.

Как и в случае «Двух диалогов о новом французском языке», мы видим, что необходимость охарактеризовать двор провоцирует аккумуляцию идиом. При этом новое для нас выражение «*prester des charitez*» по сути близко к «*l'eau beniste de cour*», поскольку тоже обыгрывает разницу между внешне религиозной формой (раздача милостыни была обязанностью христианина, закреплённой уложениями Тридентского собора) и профанным узусом (оно означает оговор под видом благосклонности)⁶⁹. Иначе говоря, оно воспроизводит модель божбы – к примеру, таких восклицаний, как «*sacredieu*» или «*sacrebleu*», когда священные материи упоминаются всуе.

Итак, сущностное двуличие двора, где говорится одно, а подразумевается другое, на уровне описания даёт повышенную идиоматичность, когда прямое значение употребляемых выражений расходится с их реальным смыслом. Приведем ещё один пример из «Удалившегося от дел придворного» Жана де Ла Тайя, где живописуются трудности, с которыми сталкивается придворный:

Il doit estant gesné n'en faire aucun murmure,
Prester des charitez & forcer sa nature,
Jeûner s'il fault manger; s'il faut s'asseoir, aller⁷⁰.

Ему приходится без единой жалобы переносить неудобства,
Омилиствовать и принуждать собственную натуру,
Поститься, когда надо бы поесть; идти, когда надо бы присесть.

В качестве организующего принципа тут, очевидно, выступает идея извращения, подавления естественных побуждений как физиологиче-

se pouvoient compatir jouoient à boutte-hors]. *Vieilleville F. de Scépeaux de. Mémoires de la vie de François de Scépeaux, sire de Vieilleville*. Paris: H. L. Guerin & L.F. Delatour, 1757. Т. I. P. 284.

⁶⁹ Le dictionnaire de l'Académie. Т. I. P. 172.

⁷⁰ *La Taille J. de. Œuvres*. P. xxviii–xxix.

ского, так и морального свойства. Наиболее полно она воплощается в выражении «*prester des charitez*», узус которого является своеобразным «извращением» буквального смысла. В редуцированном виде мотив неестественности присутствует и у Монлюка: напраслина нивелирует социальную иерархию, ставя на одну доску «бедного дворянина», вельмож и даже государей. Тем самым она как бы пародирует христианский принцип смирения, что, опять-таки, возвращает нас к разрыву между формой и содержанием идиомы. Иначе говоря, такие выражения как «*prester des charitez*», «*l'eau beniste de cour*» и т. д. не просто служат для описания двора, но имитируют – на структурном уровне – его двуличие, которое снова предстает в виде своеобразного двуязычия. Как позже скажет Расин, при дворе «уста и сердце столь мало согласны друг с другом»⁷¹.

«Знание карты»

Наличие особого языка, соответствующих манер (продолжением которых он является) и определенного (пускай и подвижного) места обитания – все эти характеристики относятся не только к придворным: по аналогичной модели в середине XVII столетия выстраивается описание прециозниц. Впрочем, если верить Лабрюйеру, то тут можно говорить об универсальных принципах социокультурного анализа эпохи, где географическая метафора служит инструментом для выявления субкультурных образований внутри социума: «Город поделен на различные общества [*sociétés*], у которых, как у малых республик [*petites républiques*], свои законы, обычаи, жаргон и остроумные замечания <...>. Самый умный светский человек, случайно оказавшийся посреди такого общества, ему чужд: он обнаруживает себя как бы в далекой стране [*un pays lointain*], где ему незнакомы ни дороги, ни язык, ни нравы, ни обычаи...» («О городе» 4). Как и прочие «географические» описания, эта зарисовка появилась в первом издании «Характеров», то есть не менее чем через три десятилетия после первых

⁷¹ Цитата из «Британника» (V, 1), реплика Юнии: «...dans cette cour / Combien tout ce qu'on dit est loin de ce qu'on pense! / Que la bouche et le cœur sont peu d'intelligence!» [... при этом дворе / То, что произносится столь далеко от того, что думается! / Уста и сердце столь мало согласны друг с другом!].

упоминаний о прециозности. Трудно сказать, были ли у самого Лабрюйера другие образчики, но факт остается фактом: из этих салонных «республик» до нас дошли развернутые характеристики лишь прециозных кружков⁷². Современники действительно выделяли свойственный им идиолект, будь он реальным, как в случае круга госпожи де Скюдери, или воображаемым, как в случае «Прециозниц, или Тайн альковов» (1656) аббата де Пюр, «Смешных жеманниц» (1659) Мольера, и «Большого словаря прециозниц» (1660) Сомеза. Его особенностью также являлась повышенная идиоматичность, хотя предлагаемый Мольером или Сомезом узус сильно отличается от того, что практиковался в салоне госпожи де Скюдери, к чему мы еще вернемся. Манеры прециозниц соответствовали их речи: они были нарочиты и подчеркнута искусственны. Наконец, их основным ареалом обитания являлись парижские салоны; в провинциальных городах их можно было встретить гораздо реже.

«Географическое» сближение придворных и прециозниц не случайно. Вне зависимости от степени исторической реальности последних как особой социокультурной группы⁷³, в воображении современников (и, надо признать, если не в большей степени, исследователей)

⁷² Впрочем, надо сделать исключение для еще одного явления – янсенизма, также связанного с «географической» моделью описания. В 1660 г. было опубликовано пародийное «Известие о стране Янсении», автор которого утверждал, что «это приятная и плодородная провинция, соседствующая на востоке с обширными и тучными землями Либергинства, а на западе – с Отчаянией (почти полностью покрытой песком и скалами)». [*Zacharie de Lisieux*]. *Relation du Pays de Iansénie, où il est traité des singularitez qui s'y trouvent, des Coustumes, Mœurs et Religion de ses Habitans, par Louys Fontaines, sieur de Saint Marcel*. Paris: Thierry, 1660. P. 1. Как известно, сравнение янсенизма и прециозности бытовало уже в XVII в.: согласно Сент-Эвремону, Нинон де Ланкло именовала прециозниц «янсенистками в любви» (*Saint-Évremond Ch. de. Œuvres meslées de Mr. de Saint-Evremond, publiées sur les manuscrits de l'auteur*. Londres: J. Tonson, 1705. T. I. P. 95). Объединяющим элементом тут, по-видимому, служила идея сектанства.

⁷³ О методологических проблемах, связанных с прециозностью, написано довольно много; подведение итогов соответствующих дискуссий см. в статье: *Denis D. Préciosité et galanterie: vers une nouvelle cartographie // Les femmes au Grand Siècle. Le Baroque: musique et littérature. Musique et liturgie. Actes du 33 congrès annuel de la North American Society for Seventeenth-Century*

они находились в неявной оппозиции ко двору. Отчасти это объяснялось особенностями генезиса французской салонной культуры в целом. Стоит напомнить, что, согласно Таллеману де Рео, знаменитая «голубая комната», с которой все началось, была задумана как своеобразная альтернатива Лувру, поскольку французский двор казался маркизе де Рамбуйе грубым и скучным⁷⁴. Кроме того, в момент формирования прециозной легенды, то есть в 1650-е – 1660-е годы, парижские салоны были прибежищем бывших фрондеров, чье присутствие при дворе оставалось нежелательным. Наконец, если перейти от исторических объяснений к типологическим, появлению прециозниц в качестве литературных персонажей предшествовала публикация известной «Карты страны Нежности» (1654)⁷⁵, подтолкнувшей читателей к поиску других воображаемых пространств, которые можно было бы картографировать, и обитавших там народов. Поскольку к моменту распространения этой моды двор, как мы видели, уже приобрел репутацию «страны», взаимодействие и взаимопроникновение двух описательных режимов были если не ожидаемыми, то вполне логичными, примером чему может служить «Карта двора» (1663) Габриеля Гере, к которой мы обратимся чуть позже.

История создания «Карты страны Нежности» и формирования картографического модуса проливает некоторый свет на то, как могла возникнуть интересующая нас идентификация «двора» и «страны». В 1664 году Шарль Сорель в своей «Французской библиотеке» объяснял появление аллегорических карт языковой игрой:

C'est vne façon de parler assez ordinaire entre nous, de dire, *Nous sçauons bien la Carte de ce pays-là*, pour faire entendre que nous sçauons bien com-

French Literature. Arizona State University (Tempe), May 2001 / Ed. par David Westel et Frédéric Canovas. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. Т. II. P. 17–40 (Biblio–17, 144).

⁷⁴ *Tallemant des Réaux*. Historiettes. Т. I. P. 442–443.

⁷⁵ Как справедливо предупреждает Роже Дюшен, не стоит знак равенства между прециозностью и «Картой страны Нежности»: эти явления отнюдь не тождественны (*Duchêne R.* Mlle de Scudéry, reine de Tendre // *Les trois Scudéry*. Actes du colloque du Havre (1–5 octobre 1991) recueillis par Alain Niderst. Paris: Klincksieck, 1999. P. 625–632). Однако для нас важен тот факт, что именно так их рассматривали современники – вспомнить хотя бы «Смешных жеманниц» Мольера.

ment on se gouverne en quelque lieu, ou dans quelque affaire; De là on s'est aisé de faire vne Carte de l'Amour & de quelques autres passions⁷⁶.

У нас существует достаточно распространенный речевой оборот: «Нам хорошо известна карта этой страны», что означает, что мы знаем, как ведут себя в том или ином месте, или в тех или иных делах; отсюда появилась идея составить карту Любви и некоторых других страстей.

Это предположение звучит настолько убедительно, что приводимая Сорелем идиома дала название нескольким трудам по галантной картографии⁷⁷. Тем не менее, его, как мне думается, следует проверить. Начнем с хронологии: увлечение аллегорическими картами восходит к 1654 году, когда был опубликован первый том «Клелии» госпожи де Скюдери, к которому была приложена «Карта страны Нежности». Хотя промежуток между этим событием и появлением «Французской библиотеки» невелик, стоит учитывать, что за это время было создано несколько десятков различных карт, включая «Карту Брака» самого Сореля⁷⁸. Последняя увидела свет в 1663 году, но, скорее всего, датируется концом 1659 года. Мы знаем, что в апреле 1659 года Сорель получил разрешение на публикацию своих сочинений (в числе которых в итоге окажется «Карта брака»), но не использовал его⁷⁹. В ноябре 1659 года труппа Мольера сыграла в Париже «Смешных жеманниц»,

⁷⁶ *Sorel Ch.* La Bibliothéque française, de M. C. Sorel. Ov le Choix et l'Examen des Liures François qui traitent de l'Eloquence, de la Philosophie, de la Devotion, & de la Conduite des Moeurs... Paris: la Compagnie des libraires du Palais, 1664. P. 152–153.

⁷⁷ См., к примеру: *Peters J.N.* «Sçavoir la carte»: allegorical maps and the cartographies of culture in seventeenth-century France. Thesis (Ph. D.). University of Michigan, 1996; *Denis D.* «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie // *Études littéraires*, 2002. Vol. 34. № 1–2. P. 179–189.

⁷⁸ [*Sorel Ch.*] *Œuvres diverses ou Discours mezlez, qui sont, I. Le nouveau Parnasse, ou les muses galantes. II. La loterie celeste, ou l'origine de la blanque et de la lotterie. III. La mascarade d'amour, ou la nouvelle des precieuses preudes. IV. Polyphile, ou l'amant de plusieurs dames; la defense de ses diuerses Amours <...>* Par M.D.S. Paris: la Compagnie des Libraires, 1663. P. 398.

⁷⁹ Следуя распространенной практике того времени, 9 декабря 1662 г. Сорель уступил ее известному издателю Шарлю де Серси, к которому затем присоединились еще два книгопродавца.

чей скандальный успех породил еще один всплеск интереса к аллегорическим картам. Можно предположить, что именно это событие подтолкнуло Сореля к созданию «Карты брака», тем более что предметом картографирования тут оказывается та территория, границы которой не хотяя пересекают героини Мольера, предпочитающие замужеству ухаживания. Примерно тогда же Сомез выпускает «Большой словарь прециозниц, или ключ к языку альковов», в котором были собраны речевые обороты, якобы характерные для этого круга. Значительная их часть была заимствована автором из литературных источников (не обязательно имевших отношение к прециозницам) и подогнана под модель, предложенную Мольером в «Смешных жеманницах», когда обычное слово заменялось своеобразным кеннингом: кресла – удобства для разговора, и проч.⁸⁰ Иначе говоря, картография и разработка якобы прециозной идиоматики шли рука об руку.

Вернемся к выражению «savoir la carte». Оно фигурирует в толковом словаре Пьера Ришле (1680), первым из лексикографов конца столетия опубликовавшим свой труд, но означает для него всего лишь знание географии⁸¹. Фюретьер предпочитает другую орфографию («sçavoir la carte») и поясняет, что так говорят «не только в прямом смысле о тех, кто знает географию, но, чаще, в переносном значении, о тех, кто знает придворные интриги, ход государственных дел»⁸². Аналогичного мнения придерживается и словарь Академии, который даже склонен видеть в выражении «этот человек знает карту» [un homme sçait la carte] нечто вроде поговорки⁸³. Возникает впечатление, что перед нами определенная динамика: речевой оборот «s(ç)avoir la carte», сперва

⁸⁰ Анализ лексики «Большого словаря прециозниц» Сомеза см.: *Lathuillère R. La Préciosité: Étude historique et linguistique. T. I. Position du problème, les origines. Genève: Droz, 1966. P. 180–200.*

⁸¹ *Richelet P. Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise <...> par P. Richelet. Geneve: J.H. Widerhold, 1680. P. 113.*

⁸² «...ceux qui connoissent les intrigues d'une Cour, le train des affaires d'un Estat». *Furetière A. Dictionnaire universel. T. I. P. 393.*

⁸³ Уточним, что там нет упоминания о дворе или о государстве; выражение интерпретируется как знание интриг, интересов, манер любого общества, от мира в целом до квартала, семьи и проч. См.: *Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 148.*

связанный с изучением географии, постепенно приобретает дополнительный смысл и закрепляется в качестве идиомы. Однако мы знаем, что перечисленные словари были ориентированы на слегка различающиеся узусы, чем объясняются многие расхождения между ними. Любопытно, что Ришле, в большей степени учитывавший языковые нормы двора и заимствовавший свои примеры из литературных текстов, игнорирует именно то значение, которое Фюретьер, фиксирующий особенности городской речи, называет более распространенным. Возможно, это связано с наличием или отсутствием необходимой дистанции: карта предполагает взгляд с птичьего полета (как мы увидим, это хорошо понимала госпожа де Скюдери), поэтому сами придворные не пользовались выражением «*sçavoir la carte*» по отношению ко двору.

За пределами словарей случаи употребления этого оборота в переносном смысле встречаются не слишком часто: одним из косвенных тому подтверждений служит опять-таки Ришле, по-видимому, не обнаруживший в доступных ему текстах следов соответствующей практики⁸⁴. Самый ранний из тех, что мне удалось найти, восходит непосредственно к «Клелии», к сцене, представляющей момент создания пресловутой карты, когда герои, желая понять, какое положение они занимают в чувствах героини, просят у нее объяснений:

Умоляю, прекрасная Клелия, – воскликнул Эрминий, – скажите, каково мое положение. Вы все еще в Новой Дружке, – отвечала она, смеясь, – и вам долго не продвинуться вперед. По крайней мере, – сказал он, тоже улыбаясь, – мне хотелось бы знать, как далеко от Новой Дружки до Нежности. Мне кажется, – подхватил Аронс, – мало кому известна карта того края [*peu de Gens sçavent la Carte de ce Païs là*]. Меж тем многие хотели бы предпринять это путешествие, – заметил Эрминий, – и заслуживают

⁸⁴ Как указывает Жорж Маторе, слово «*carte*» в качестве обозначения географической карты закрепилось только в XVII в., до этого более распространенным было использование термина «*mappemonde*» (*Matoré G. Le vocabulaire et la société du XVIe siècle. Paris: PUF, 1988. P. 103*). Однако «*carte*» можно встретить в текстах XV–XVI вв., посвященных проблемам навигации, хотя не всегда понятно, идет ли речь о карте как таковой или о фиксации маршрута на плотной бумаге (первоначальное значение слова). Таким образом, мы имеем дело с относительно новым понятием, что ставит под сомнение идею укорененности в языке выражения «*savoir la carte*».

знать, какой путь может привести их в места столь отрадные; когда бы прекрасная Клелия меня научила, я вечно был бы ей признателен. Вы, вероятно, думаете, что от Новой Дружбы до Нежности – короткая прогулка; поэтому перед тем, как вы отправитесь в дорогу, я обещаю дать вам карту этого края [la Carte de ce Païs], которой, как полагает Аронс, не существует⁸⁵.

Итак, идея карты возникает из отождествления определенных чувств (дружбы, нежности) с этапами воображаемого маршрута. Выражение «sçavoir la carte» тут, по-видимому, надо понимать в прямом смысле: мало кому известна география того края. Однако Клелия интерпретирует его не просто прямо, а буквально, и, к удивлению поклонников, снабжает их реальной картой. Иначе говоря, переносное значение появляется в результате остранения, когда один из участников разговора отказывается принимать конвенциональный – и, на самом деле, не столь прямой – смысл («карта» как метонимическое обозначение географии) и заменяет его дословным («карта» как реальная карта).

Из переписки госпожи де Скюдери и Пелиссона мы знаем, что изобретение «Карты страны Нежности» происходило в похожей последовательности: сперва появилась категория «нежных друзей»; затем она была переосмыслена в качестве одного из пунктов путешествия («из страны Дружеской Близости в страну Нежности»), которое Пелиссон намеревался совершить, обернувшись мухой; и в подспорье ему была обещана «небольшая карта этой страны»⁸⁶. Весь этот шуточный обмен построен на почти спонтанной аккумуляции микросюжетов, возникающих тогда, когда стертым речевым оборотам возвращается их непосредственный смысл: например, «humeur volante», то есть непостоянный нрав, истолковывается как желание летать, а «une fine mouche», то есть хитрая бестия, оборачивается мелкой мушкой, которую легко поймать, и проч.⁸⁷ Важно подчеркнуть, что по своей логике такая игра прямо противоположна тем речевым привычкам,

⁸⁵ Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. С. 281–282.

⁸⁶ Соответствующий фрагмент из переписки г-жи де Скюдери и Пелиссона см.: Там же. С. 259–270 (цит. С. 267, 270).

⁸⁷ Цитаты из письма Пелиссона (Там же. С. 265–267), оригинал см.: Scudéry M de., Pellisson P. et al. Chroniques du Samedi. P. 126–128.

которые приписывали прециозницам Мольер или Сомез. Обновление языка происходит не за счет замены привычных понятий экстравагантными перифразами, а, наоборот, благодаря использованию уже имеющегося метафорического потенциала повседневной речи.

Следующий случай переносного использования выражения «*sçavoir la carte*» обнаруживается лишь в середине 1660-х годов. В октябре 1665 года один из продолжателей стихотворной хроники Лоре⁸⁸ сообщал о смерти испанского короля Филиппа IV, вслед за которой последовала кончина кардинала Бальтазара де Москозо-и-Сандоваль. На этом скорбная череда не закончилась:

Un qui sçait la Carte des mieux
Touchant ce Voyage des Cieux,
Camille, le grand Astronome
Qui nous étoit venu de Rome,
Est aussi parti sur leurs pas⁸⁹.

Тот, кому лучше всех известна карта,
Связанная с этим небесным путешествием,
Камилл, великий астроном,
Прибывший к нам из Рима,
Отправился вслед за ними.

Как мы видим, провести различие между прямым и переносным значениями тут довольно трудно. С одной стороны, речь идет об астрономе, которому хорошо знакома карта звездного неба, с другой – само путешествие на небеса метафорически обозначает смерть. Поскольку именно этот образ является сюжетообразующим, то в его рамках выражение «*sçavoir la carte*» приобретает фигуративный оттенок вне зависимости от того, подразумевался ли он или нет. Ассоциация карты

⁸⁸ Как и в случае Лоре, это письма в стихах, адресованные герцогине де Немур (Мари д'Орлеан, в девичестве известной под именем мадмуазель де Лонгвиль), в которых сообщается об основных событиях светской жизни – праздниках, спектаклях, приездах, отъездах, кончинах и проч.

⁸⁹ Les continuatours de Loret, lettres en vers de La Gravette de Mayolas, Robinet, Boursault, Perdou de Subligny, Laurent et autres, 1665–1689. Recueillies et publiées par le Baron James de Rothschild. T. I: Mai 1665 – Juin 1666. Paris: D. Morgand et C. Fatout, 1881. P. 319.

с путешествием на тот свет могла бы показаться случайной, если бы не аналогичное обыгрывание этого выражения в письме Ги Патена от 18 июня 1666 года:

Mais Dieu soit loüé de tout, en attendant le Factum & le Livre de Monsieur Blondel. Nous verrons tout ce qu'il dira, s'il vient bientôt: car s'il tarde tant à venir je n'y serai peut-être plus; je pourrai être parti pour ce gîte dont Monsieur de Lorme non plus que les Courtisans ne savent pas mieux la carte que moi⁹⁰.

Но благословим Господа за все, ожидая обстоятельств дела и книги г-на Блонделя. Посмотрим, что там будет сказано, если она вскоре появится, потому что ежели она запоздает, то меня тут, возможно, уже не будет; я вполне могу отправиться в тот приют, карта которого столь же мало известна г-ну де Лорму и придворным, как и мне.

Странность соединения слов «gîte» (в это время оно обозначает не просто обиталище, но место, где путешественники проводят ночь⁹¹) и «carte», по-видимому, связана со смешением двух метафорических описаний смерти как обители покоя и как неведомой земли. Но наиболее интересно тут упоминание г-на де Лорма (одного из королевских медиков и знатока старинных анекдотов⁹²) и придворных. Почему

⁹⁰ *Patin G. Lettres choisies. T. III. P. 210–211.*

⁹¹ По-видимому, для Патена в этом существительном еще ощутима его связь с глаголом «gesir» [лежать], который, как отмечал Фюретьер, практически вышел из употребления и применялся только по отношению к покойникам. *Furetière A. Dictionnaire universel. T. II. P. 167 [gesir], 171 [giste].* Ср.: *Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 521.*

⁹² Шарль Делорм (1584–1678) в разное время был врачом различных членов королевского семейства, включая Людовика XIII; во время Фронды принял сторону противников Мазарини. Он часто упоминается в переписке Патена и показательно, что эти упоминания имеют тенденцию сопровождаться определениями двора. См., к примеру, письмо от 6 мая 1664 г.: «J'entretins hier Monsieur de Lorme, qui me semble être un merveilleux personnage, il a une prodigieuse mémoire, beaucoup d'esprit, grand sens, & de grandes connoissances: ce qui est bien extraordinaire en un âge si avancé: de plus il a fait son cours en une terrible école, qui est la Cour» [Вчера беседовал с г-ном де Лормом, который мне кажется весьма примечательным персонажем – великолепная память,

даже они не знают карту тех мест? Вероятно потому, что выражение «знать карту» начинает приобретать тот оттенок, который в конце века фиксировал Фюретьер: знание двора и придворных интриг. Так, в декабре 1672 года госпожа де Севинье писала о сестре маркизы де Помпонн:

Mademoiselle l'Avocat⁹³ est dans notre confidence, elle est très-aimable, elle savait notre Syndicat, notre Procureur, notre gratification, notre opposition, notre délibération, comme elle savait la carte & les intérêts des Princes, c'est à-dire sur le bout du doigt: on l'appelle le petit Ministre⁹⁴.

Мадмуазель Лавока в курсе наших дел, она весьма мила, ей знаком наш синдик и наш прокурор, и так же известны наши интересы, противники и ход прений, как карта и интересы государей, то есть, как свои пять пальцев: ее называют маленьким министром.

Стоит особо выделить наметившуюся в двух последних примерах связь между картой и судебным производством («обстоятельства дела»), о которых пишет Патен, отсылают к судебному процессу). Как напоминает Джоан Диджин, французская картография XVII века имела преимущественно военный характер и была связана с нуждами нападения и обороны⁹⁵. Значительное место в ней отводилось планам баталий, укреплений, атак и проч. В этом смысле карта ассоциировалась с расстановкой сил – что обыгрывается и в ряде аллегорических карт: примером тут может служить гравюра на фронтисписе «Аллегорической повести,

большой ум, рассудительность, что весьма необычно для столь преклонного возраста; кроме того, он прошел обучение в суровой школе, каковой является двор]. *Patin G. Lettres choisies*. Т. II. P. 618. Наименование двора «школой» также встречается у Фюретьера: «La Cour est une bonne escole où on apprend à vivre dans le grand monde» [Двор – отличная школа, где обучаются жизни в большом свете]. *Furetière A. Dictionnaire universel*. Т. I. P. 981.

⁹³ Речь идет о Шарлотте-Рене Лавока (Lavocat), будущей маркизе де Вэн.

⁹⁴ *Sévigné M. de Rabutin-Chantal de. Recueil des lettres de Madame la Marquise de Sévigné à Madame la comtesse de Grignan, sa fille*. Paris: Bauche, 1754. Т. II. P. 409.

⁹⁵ О реальных и метафорических аспектах картографии см.: *DeJean J. No Man's Land: The Novel's First Geography // Yale French Studies: Everyday Life*. 1987. № 73. P. 175–189.

или Истории недавних смут в королевстве Красноречия» (1659) Фюретьера, где представлена диспозиция «войск» королевы Риторики и принца Галиматьи. Суд как столкновение сторон, как попытки обойти противника, напасть с неукрепленной стороны, найти слабое место в защите и т. д. также подпадает под эту категорию. В этом смысле «знание карты» – четкое понимание ситуации в целом, соотношения разных фракций, направлений движения.

Подведем промежуточный итог: Сорель безусловно был прав, когда утверждал, что идея «карты» возникла из расхожего речевого оборота «*sçavoir la carte*». Однако обозначал он знание географии или, в более широком смысле, знание особенностей определенной местности (части света, океана, звездного неба). Выражение легко могло быть перенесено на описание картины нравов или морального рельефа, где в качестве доминирующей категории выступал «характер», нередко идентифицировавшийся с локусом⁹⁶. Этот потенциал был активизирован в кругу госпожи де Скюдери, где, одновременно, произошла и актуализация буквального смысла выражения, в результате чего «знание карты» становится не только знанием чувств, но и реальной картой. Причем все три смысловых оттенка остаются тесно связанными друг с другом и создают эффект мерцания, на котором, собственно, и строится языковая игра.

Но, как мы видим на примере писем Патена и госпожи де Севинье, семантическая эволюция выражения на этом не заканчивается, его узус постепенно сужается, и оно начинает использоваться для описания именно придворной реальности⁹⁷. Объяснить это можно несколькими факторами, один из которых нам вроде бы очевиден – коль

⁹⁶ *Delft L. van*. Littérature et antropologie: Nature humaine et caractère à l'âge classique. Paris: PUF, 1993. P. 47–51.

⁹⁷ Речь идет об общей тенденции, поскольку выражение «знать карту» может употребляться и в том смысле, на который указывает Сорель. К примеру, в комедии Монфлери «Капитан-девица» (привилегия датирована декабрем 1671 г., тираж отпечатан в январе 1672 г.) Като, прислужница одной из героинь, замечает в ответ на протесты замужней дамы о том, что ее встречи с галантным ухажером были вполне невинны: «*Nous ne jurons de rien, mais nous sçavons la carte*» [Голову на отсечение не дадим, но эта карта нам хорошо известна] (*Montfleury A. J. La Fille capitaine, comédie par A. J. Montfleury*. Paris: P. Le Monnier, 1672. P. 66). Тут, по-видимому, отчасти активизируется

скоро двор идентифицируется со страной, его знание будет «знанием карты». Подтверждением тому служит уже упоминавшаяся «Карта двора» Габриеля Гере. Несмотря на внешнюю убедительность такой логики, она имеет умозрительный характер, поскольку речь идет о метафорическом потенциале, который далеко не обязательно реализуется в живом языке. Вопрос в том, за счет чего происходит подобная реализация. Еще раз вернемся к письмам Патена и госпожи де Севинье: интересующее нас выражение лишается у них того пространственного аспекта, о котором писал Сорель. Если бы не единственное число [la carte], то можно было бы заподозрить, что оно начинает сливаться с лексически близкими речевыми оборотами, связанными с карточной игрой. В первую очередь, с выражением «voir / savoir / montrer le dessous des cartes» [видеть / знать / показать оборотную сторону карт], обозначающим знание тайной подоплеки вещей. Хотя его не фиксируют словари эпохи, оно было весьма распространено, и та же госпожа де Севинье охотно им пользовалась⁹⁸. Косвенным подтверждением постепенного сближения этих речевых оборотов может служить тот факт, что в «Королевском франко-английском словаре» Абея Бойера издания 1727 года они представлены подряд и едва ли не как вариации одной идеи:

Savoir le Dessous des Cartes: to be in the Secret.

Madame *** m'avoit informé de la Carte de la Cour: Madam *** had acquainted me how Matters stood at Court⁹⁹.

известная метафора ухаживания как военной осады, к которой мы вернемся при разговоре о «Карте страны Вертопрашества» Бюсси-Рабютена (см. ниже раздел «Две карты»).

⁹⁸ См., например, ее письмо дочери от 7 августа 1675 г., где она, в частности, пишет: «Je veux vous faire voir un petit dessous des cartes qui vous surprendra» [Хочу немного показать вам оборотную сторону карт, которая вас удивит] и «l'on voit claire quand on voit le dessous des cartes» [ясно видят тогда, когда видят оборотную сторону карт], «il faut me croire, le dessous des cartes va encore au-delà» [поверьте, оборотная сторона карт намного это превосходит]. *Séviigné M. de. Recueil des lettres de Madame la Marquise de Séviigné à Madame la comtesse de Grignan*. Т. III. P. 134, 135, 136.

⁹⁹ *Boyer A. Dictionnaire royal françois-anglois, et anglois-françois*. Par M. Boyer. Nouvelle Edition. Amsterdam: R. & G. Wetstein et al., 1727. Т. I. Sig. M4r.

Знать оборотную сторону карт: быть посвященным в тайну.
Госпожа *** объяснила мне карту двора: госпожа *** объяснила мне,
как обстояли дела при дворе.

В конечном счете карта, будь она географической или игральной, ассоциируется с умением читать и интерпретировать внешние знаки и, соответственно, планировать стратегию своего поведения.

Однако фиксируемый Патеном и госпожой де Севинье (а потом и Фюретьером) узус указывает на еще одно обстоятельство: как можно предположить, «*sçavoir la carte*» замещает более раннюю и близкую ей по звучанию и употреблению идиому «*sçavoir sa court*» [знать свой двор]. Последней нет в толковых словарях конца XVII века, но ее можно найти у более ранних лексикографов. В частности, во франко-испанском Тезаурусе (1607) Удена, согласно которому это выражение означает «быть высшей степени придворным» [*ser muy palaciego*], а тот, «кто знает свой двор» [*qui sçait sa court*] – «хороший придворный» [*buen cortisano*]¹⁰⁰. «Словарь французского и английского языков» (1611) Рэндла Котгрейва дополняет: «*sçavoir sa court*» – «быть умелым в придворном общении» [*to be skilfull in courtlie intertainment*], и даже «быть умелым придворным, хорошо знать манеру общения, комплиментарные фразы, настрой и способы ведения дел, принятые при дворе» [*to be a skilfull Courtier; to know well the fashion of intertainment, the phrases of compliment, the humors and proceedings, used in Court*]¹⁰¹. Обстоятельность экспликации указывает на популярность французской идиомы и на отсутствие прямых аналогов в испанском и английском. Как мы видим, с точки зрения лексикографов начала XVII века она обозначала искусство быть придворным, а потому подразумевала определенный набор светских навыков. Но есть основания полагать, что в предшествующем столетии ее узус был более широким и, вероятно, менее стабильным, как это свойственно выражениям, обладающим

Стоит отметить, что оба выражения отсутствуют в более ранних изданиях этого труда.

¹⁰⁰ *Oudin C. Tesoro de las dos lenguas francesa y española. Thresore de deux langues françoise et espagnolle <...> par Cesar Oudin. Paris: M. Orry, 1607. 2 partie. Sig. O^r.*

¹⁰¹ *Cotgrave R. A Dictionarie of the French and English Tongues. Compiled by Randal Cotgrave. London: A. Islip, 1611. Sig. Cccc ij^r, Y^r.*

повышенной смысловой нагрузкой (вспомним сетования Корбинелли по поводу «*honnête homme*» и проч.). Так, в стихотворении Мориса Сева, предпосланном «Придворному философу» (1547) Филибера де Вьенна, знание двора выступает в качестве залога счастливой жизни:

[Et] a pour bien vivre, et tresheureusement,
Seroit assez de bien sçavoir sa Court,
Fust au Lettré, Marchant, ou Artisan :
Mais entre tous celuy est seurement
Vray Philosophe, et tresbon Courtisan,
Qui se compose au fil du temps, qui court¹⁰².

И чтобы хорошо жить и счастливо,
Достаточно хорошо знать свой двор,
Будь ты ученым, торговцем или ремесленником.
Но среди всех тот поистине
Настоящий философ и хороший придворный,
Кто подстраивается под ход бегущего времени.

Неожиданная апелляция к представителям третьего сословия подчеркивает универсальный характер идиомы, которая воспринимается как матрица правильного поведения для всех членов общества. Попутно отметим игру со словом «*court*», построенную на совпадении (архаической) графической формы и произношения существительного «двор» и третьего лица единственного числа глагола «бежать» [*courir*]. Порой к этому ряду добавляется еще и прилагательное «короткий»¹⁰³.

¹⁰² *Philibert de Vienne*. Le Philosophe de court, édition critique avec introduction, commentaires et glossaire, par P.M. Smith. Genève: Droz, 1990. P. 53–54.

¹⁰³ Ср. с выражением из письма Джованфранческо Лоредано, опубликованного в 1653 г.: «при дворе все вещи кратки, помимо надежды» [*nella Corte tutte le cose sono corte, fuori, che le speranze*], или, как сказано во французском переводе, «à la Cour, toutes choses sont courtes, horsmis les espérances» (*Loredano G.-F. Lettres de Loredano, noble venetien*. Amsterdam: D. Donati, 1695. P. 374, 375). К этому же ряду относится игра со словами «*cours*» и «*cour*» из письма Патена от 6 мая 1664 г. (см. выше примеч. 92). О популярности омонимических игр свидетельствует Монтень (I, 54): «Недавно у меня в доме мы занялись игрой – кто подберет большее количество слов, выражающих два совершенно противоположных значения, как, например, *sire*, которое обозначает

Омонимия позволяет поставить знак равенства между двором и идеей переменчивости, нестабильности, связанной с образом бегущего времени. К примеру, в балладе Жана Мешино, вошедшей в его сборник 1522 года и также посвященной описанию двора («La court est si ung mer dont sourt / Vagues dorgueil»), столкновение омонимов дает эффект псевдоповтора¹⁰⁴:

Pour dire vray au temps qui court
Court est son bien perilleux passage
Pas sage nest qui droit la court
Court est son bien et dauantage <...>¹⁰⁵.

Сказать по правде, в наше скоротечное время
Двор – опасный путь,
Неразумын тот, кто отстаивает свои права при дворе,
Недолговечно его благополучие и преимущество.

Отзвук этой языковой игры, вероятно, присутствует в «Характерах» Лабрюйера, когда речь идет о двух путях, которые ведут к высоким чинам: один – исхоженный тракт, другой – окольная дорога, которая «много короче» [qui est le plus court] («О дворе» 49). Последняя, естественно, является и более придворной. Как бы то ни было, каламбуры с «court» придают выражению «sçavoir sa court» универсальный или, говоря словами Мориса Сева, «философский» оттенок, поскольку двор тут выступает в качестве наглядного примера ненадежности человеческого существования, скоротечности времени и проч., то есть в виде частного подтверждения глобального принципа. Это позволяет предположить, что идиома «sçavoir sa court» проходит примерно

титул, присвоенный самой высокой особе в нашем государстве – королю, но применим также к простым людям, например, к торговцам...». *Монтень М. де. Опыты. Т. I. С. 330.*

¹⁰⁴ Прием, на котором построена баллада, – созвучие конца каждой строки и начала следующей («passage» – «pas sage»), создающий эффект эхо (так наз. «vers fraternisés» или «vers enchaînés»); но меня в данном случае интересует только его семантизация при омонимической игре со словом «court».

¹⁰⁵ *Meschinot J. Les lunettes des princes avec auscuns balades & additiōs nouvellemēt cōposees par noble hōme Jehan Meschinot, escuier, en son vivant grant maistre d'hostel de la royne de Frāce. [Paris]: N. Vostre, [1522]. Sig. Mvj^e.*

такую же траекторию развития, что и «sçavoir la carte», от более широкого «общечеловеческого» применения к более специфическому «придворному».

В «Двух диалогах о новом французском языке» Анри Этьенна выражение «sçavoir sa cour» опять-таки связано с семантическим переходом от общего к конкретному, однако, на сей раз, оно играет роль своеобразного разграничителя, позволяющего обособить основные смысловые оттенки понятия «придворный». Попутно отметим, что, скорее всего, именно эта дефиниция послужила точкой отсчета для Удена, Котгрейва и других лексикографов начала XVII века:

Celt[ophile]. Je n'enten pas bonnement comme vous vsez de ce mot Courtisan.

Ph[ilavson]. Ce mot se prēden deux sortes, car tous ceux qui suiuent la cour ordinairement, (i'enten quant aux gentils-hōmes, & autres personnes de qualité, ou pour le moins qui sont en quelque reputation) sont appelez Courtisans, en parlant generalement. On en vse aussi autrement, pour signifier ceux qui sçauent leur cour. Car Sçauoir sa cour, c'est Sçauoir le mestier de faire la cour aux personnes ausquelles il est besoin de la faire : c'est Sçauoir quel est le train de la cour, & s'accommoder à iceluy. Suiuant laquelle signification on pourra bien dire de quelcun qui suit la cour, & l'aura suiuite des sa ieunesse, Il n'est pas Courtisan. C'est à dire, Il ne sçait pas sa cour, Il n'entend pas l'escrime de la cour¹⁰⁶.

Селт[офил]. Я не вполне понимаю, как вы используете слово «придворный».

Фил[авсон]. Это слово имеет два значения, поскольку все, кто обычно следуют за двором (я имею в виду людей благородных и других знатных особ, или, по меньшей мере, пользующихся уважением), в общем смысле именуются придворными. Но его используют и по-другому, для обозначения тех, кто знает свой двор. Ибо знать свой двор означает знать ремесло угождать тем, кому следует; знать, каков ход вещей при дворе, и уметь под него подладиться. В этом смысле можно сказать о том, кто следует за двором, и делал это с самой юности, что он – не придворный. Это значит, что он не знает своего двора, не разумеет придворного фехтмейстерства.

¹⁰⁶ [Estienne H.] Deux dialogues du nouveau langage francois, italianize et autrement desguize. P. 224–225.

Показательно, что речь идет не о двух, а о трех категориях людей, которые встречаются при дворе. В отличие от Сева, Этьенн отказывается именовать «придворными» тех, кто не входит в число благородных или уважаемых особ, тем самым исключая торговцев и ремесленников. Это статусное ограничение играет роль нижней семантической границы, отделяющей придворных от всех прочих, кто «следует за двором»¹⁰⁷. Следующее различие строится на контрасте между простым пребыванием в определенном месте и принадлежностью к нему. Отсюда подчеркнутая тавтологичность объяснения, кого именно следует считать истинным придворным, поскольку сам способ его артикуляции обозначает принадлежность: *courtisans* → *ceux qui sçavent leur cour* → i.e. *sçavent le mestier de faire la cour*. Причем Этьенн говорит о «ремесле» придворного (ср. с повторяющимся у Котгрейва выражением «*skilfull Courtier*»), что, по-видимому, отсылает не только к прикладному характеру соответствующего знания, но и к идее корпорации¹⁰⁸. Еще один логический шаг, и истинных придворных можно будет назвать «нацией» или «народом»¹⁰⁹, поскольку их образ действий диктуется местом обитания, и наоборот.

Дефиниция Этьенна позволяет высказать еще одну гипотезу. Как мы видим, базовым элементом определения «придворного» является

¹⁰⁷ Полезной референцией тут служит «Речь о дворе» Клода Шаппюи, который, аллегорически представляя путь ко двору (на котором ему встречаются дамы Надежда, Усердие и Трудолюбие), резко меняет регистр повествования, когда оно доходит до подступов к королевскому замку, загроможденных повозками, лошадьми, лакеями, пажами: «...ie pensoys en lieu d'auoir trouué / La court du Roy estre au camp arriué» [Мне показалось, что я прибыл / Не ко двору короля, а в военный лагерь] (*Chappuys C. Discours de la Cour. Sig. C^r*). Вся эта толпа также «следует за двором».

¹⁰⁸ Словарь Академии различает три значения слова «*mestier*»: 1) механическое искусство; 2) объединение или собрание людей, профессионально им занимающихся; 3) в расширенном смысле – призвание к какой-либо деятельности («военное ремесло», «поэтическое ремесло», «ремесло человека достойного»). *Le dictionnaire de l'Académie*. Т. II. Р. 50. Отметим, что идея прикладного характера занятия сохраняется и в последнем случае, хотя в ослабленном виде.

¹⁰⁹ Слово «*nation*» могло использоваться в качестве презрительного наименования представителей тех или иных профессий. См.: *Furetière A. Dictionnaire universel*. Т. II. Р. 710; *Le dictionnaire de l'Académie*. Т. II. Р. 110.

его готовность «следовать за двором» [suiure la cour]. Более тонкая дифференциация вводится за счет близкого по строю и по звучанию выражения «знать свой двор» [sçauoir sa cour], которое, как мы предположили, позднее сменяется на «знать карту» [sçauoir la carte]. Могла ли такая последовательность отражать реальную эволюцию идиомы, происходившую за счет замены одного из элементов исходного словосочетания? Полностью исключить этого нельзя, учитывая неоднократно отмеченную склонность языка XVI века к каламбурам. Но процесс не был однолинейным, поскольку выражение «знать свой двор» вытесняет уже существовавшее выражение «sçauoir bien son entregent», то есть уметь обращаться с людьми. Как в 1612 году свидетельствовал Вервиль:

Il y a encores vne autre façon de parler assez vsitée que ie trouue fade, possible que c'est ma faute, ou de ceux qui m'y ont induit, & cette maniere de dire est quād on veut parler de quelqu'vn qui sçait bien gouuerner, maintenir & viure parmy le monde que lon dit, il sçait bien son entregens: Et bien la parole est bonne, mais elle est desagreable, & on dit de plus belle grace il sçait bien sa court, il est de bonne cōuersation¹¹⁰.

Есть еще другой, достаточно устаревший речевой оборот, который мне кажется безвкусным, что, возможно, является моим заблуждением, или ошибкой тех, кто мне его внушил, когда о том, кто умеет себя вести, держаться и жить в свете, говорят: он «знает обращение». Слово точное, но неприятное, гораздо лучше говорить «он хорошо знает свой двор», «он приятен в общении».

Итак, механизм вытеснения не обязательно предполагал созвучие идиом, хотя принцип замены одного из исходных элементов, по-видимому, можно считать действенным. Причем языковое отторжение, которое фиксирует Вервиль, очевидно связано с устареванием определенной модели социальности, стоявшей за словом «entregent»¹¹¹ (которое, кстати, часто встречается у Монтеня: не случайно, что, имитируя его стиль, Лабрюйер использует этот анахронизм («О дворе»

¹¹⁰ [Verville F. de] Le palais des curieux. Auquel sont assemblées plusieurs diversitez pour le plaisir des doctes et le bien de ceux qui désirent scauoir. Paris: Vve Guillemot et S. Thiboust, 1612. P. 84.

¹¹¹ Ср. с аналогичным использованием слова «intertainment» у Котгрейва.

54)). В этом плане весьма примечательно, что выражение «savoir sa cour» выходит из обращения к эпохе личного правления Людовика XIV¹¹² и заменяется более отвлеченным «savoir la carte». На следующем этапе, который, по-видимому, можно датировать началом XVIII столетия¹¹³, последнее утрачивает первоначальную двусмысленность, превратившись в «savoir la carte de la cour»: именно в таком виде его можно найти у Сен-Симона и ряда его современников¹¹⁴.

«Море Лувра»

В 1663 году в Париже было опубликовано небольшое сочинение, озаглавленное «Карта двора». Его автор, Габриель Гере, предлагал воображаемому адресату – некоему Гидаспу, увлеченному охотой и

¹¹² В середине 1670-х годов шевалье де Мере, один из признанных авторитетов в искусстве светского обращения, употребляет его в слегка измененном виде и с оттенком пренебрежительности: «Il y a des Agrémens qui ne sont pas d'une fine trempe, & qu'on peut acquerir sans beaucoup se tourmenter. Les gens qui savent la Cour, & qui ne sont pas tout-à-fait sans esprit se peuvent bien assurer de plaire au plus grand nombre, ou du moins de ne le pas choquer» [Существуют прикрасы не самого тонкого разбора, которые можно приобрести без особенного труда. Люди, знающие двор и не лишенные ума, могут быть уверены, что будут приятны подавляющему большинству, или, по крайней мере, не будут его шокировать]. *Méré A. de. Les œuvres de Monsieur le chevalier de Méré. Amsterdam: P. Martier, 1692. Т. I. P. 124.*

¹¹³ Не менее любопытен тот факт, что выражение «sçavoir bien son entregent» снова вернется в активное обращение в XVIII столетии, приобретя негативно-пренебрежительный оттенок. Параллельно с ним продолжает использоваться и «savoir la carte», то есть исчезает только промежуточное звено в виде «savoir sa cour», что еще раз говорит о том, что к этому времени меняется конфигурация публичного пространства, и двор перестает быть активным культурным локусом.

¹¹⁴ См., к примеру: «elle <Mme des Ursins> savoit trop la carte de la cour pour ignorer mon intimité avec M. de Beauvillier» [она <г-жа дез Юрсен> слишком хорошо знала карту двора, чтобы быть неосведомленной о моей близости к г-ну де Бовийе] (*Saint-Simon. Mémoires. Т. II. P. 440*). Сюда же относится процитированный выше пример из «Королевского франко-английского словаря» Абеля Бойера.

пренебрегающему хорошим обществом, – описание пути, который надо пройти, чтобы достичь «Нового Света» [Monde Nouveau], то есть двора¹¹⁵. Отправной точкой этого маршрута является провинция Благородной Крови, далее идет город Латинизма, и лишь затем перед путешественником открываются просторы Нового Света. Чтобы познакомиться с местностью, неопиту лучше всего взобраться на гору Любопытства, узреть храм Славы и довериться волнам реки Знаний, впадающей в реку Желаний, которая, в свой черед, несет свои воды к Великому морю Лувра. По одну сторону от него расположена провинция Упражнений, по другую – Изысканных Манер. Центром первой является город Академии¹¹⁶, вторая же состоит из многих населенных пунктов – Стишков, Любовных Посланий и, наконец, долины Романа, которую «самый твердый и острый взгляд не может охватить от края до края; за последнее время она столь сильно распространилась, что ее можно принять за Новый Свет»¹¹⁷. Покинув ее, путник попадает в город Экипажа, где обзаводится необходимой для благородного человека экипировкой – каретой, слугами и проч., после чего он готов к плаванию по Великому морю Лувра. Это путешествие требует некоторых навигационных навыков, поскольку надо суметь пройти по проливу Вежества между островами Притворства и Искренности. В итоге он попадает в залив Любовных интрижек, где располагается остров Удовольствий, являющийся резиденцией Галантного двора, которым правит прекрасный Лисидас и божественная Мадонта (Филипп Орлеанский и его супруга, Генриетта Английская).

Прочерченный маршрут, конечно, заставляет вспомнить о «Карте страны Нежности», тем более что один из населенных пунктов (Любовные Послания) прямо заимствован у госпожи де Скюдери, которая провозглашается властительницей долины Романа и «божественной

¹¹⁵ Ср. с уже цитировавшимся фрагментом из «Характеров»: попадая ко двору, достойный человек «открывает для себя... как бы новый мир [un nouveau monde]» («О дворе» 9).

¹¹⁶ Напомним, что в то время этот термин обозначал учебное заведение, где наставляли в искусстве верховой езды, владения шпагой и другими видами оружия, и проч.

¹¹⁷ *Guéret G. La Carte de la Cour, par Monsieur Gveret. Paris: J.-B. Loyson, 1663. P. 40–41.*

Сафо»¹¹⁸. К его этапам мы еще вернемся, пока же выделим причудливый топоним «Великое море Лувра» [Grande Mer du Louvre]¹¹⁹, имеющий непосредственное отношение к нашему сюжету. Как отмечал Фюретьер, название «Louvre» использовалось не только в качестве имени собственного (парижский Лувр), но и нарицательного (любая королевская резиденция). А еще, добавлял лексикограф, «порой это слово также подразумевает двор»¹²⁰. Любопытно, что другие словари эпохи либо полностью игнорировали сам факт его существования, либо признавали лишь первое значение. Так, в словаре Академии «Louvre» появляется только в середине XVIII века (четвертое издание 1762 г.), а словарь Ришле еще в 1680 году определял его однозначно как «место, где живет король, когда находится в Париже»¹²¹. Меж тем правоту Фюретьера подтверждают многочисленные примеры, которые должны были быть известны и Ришле, и академикам. Скажем, в басне Лафонтена «Лев и его двор», наряду с «Похоронами львицы» вошедшей в сборник 1678 года, царь зверей созывает подданных «в свой Лувр» [en son Louvre]¹²². Буало во второй сатире (1664) отказывается отправляться «в Лувр поклоняться Фортуне» [Je ne vais point au Louvre adorer la Fortune]¹²³, что следует понимать, конечно, не буквально: Лувр, где царствует Фортуна, не равнозначен реальному Лувру, еще оставшемуся одной из главных резиденций Людовика XIV¹²⁴. Контраст между именем собственным и нарицательным особенно очевиден в прозаическом тексте, увидевшем свет в 1666 году, одновременно с первым авторским изданием «Сатир» Буало. Это перевод

¹¹⁸ Ibid. P. 42.

¹¹⁹ Ibid. P. 48.

¹²⁰ *Furetière A.* Dictionnaire universel. Т. II. P. 493.

¹²¹ *Richelet P.* Dictionnaire françois contenant les mots et les choses. P. 478.

¹²² *La Fontaine J. de.* Fables choisies. P. 204.

¹²³ *Boileau-Despréaux N.* Œuvres diverses du Sieur D*** avec Le Traité du sublime. Nouvelle Ed. Amsterdam: A. Wolfgang, 1683. P. 23.

¹²⁴ Ср. с неловкой попыткой другого автора сатир, преподобного Пьера Ле Муана, объяснить, что его критика имеет не конкретный, а общий характер: «La Cour représentée dans cette Poésie, n'est pas une Cour particuliere: elle est de toutes les Nations & de tous les Siecles» [Представленный в этом стихотворении двор – не какой-либо конкретный, но всех времен и народов]. *Le Moyne P.* Entretiens et lettres poétiques du P. Le Moyne, de la Compagnie de Jésus. Paris: E. Loyson, 1665. P. 213.

известного сочинения Джованни Делла Каза «Галатео, или Об обычаях» (1557), осуществленный ораторианцем Жаном-Батистом Дюамелем, который в предисловии сравнивал пропедевтические приемы своего автора с соответствующей техникой Бальдассаре Кастильоне:

Baltasar dans son parfait Courtisan, prêd à la porte du Louure vn Cauallier qui veut s'embarquer à la Cour, il luy en monstre les diuers détours, luy sert de pilote, & le conduit sur vne mer si pleine d'écueils & de tempestes¹²⁵.

Бальтазар в своем «Совершенном придворном» встречает у ворот Лувра кавалера, который хочет окунуться в придворную жизнь, и показывает ему разнообразные хитрости и обходные пути, служит ему кормчим, ведя его по морю, полному подводных камней и бурь.

Напомним, что в «Придворном» (1528) Кастильоне действие происходит при дворе герцога урбинского, и там, конечно, нет ни Лувра, ни его ворот, о чем Дюамель не мог не знать¹²⁶. Появление этого топонима выглядело бы абсурдно, если не учитывать практики его употребления в качестве обозначения любого места пребывания государя и его двора. Что возвращает нас к проблеме отсутствия «Лувра» в первых трех изданиях словаря Академии и его узкого определения у Ришле. По-видимому, оба случая объясняются ориентацией лексикографов на придворную речь, где идентификация королевской резиденции или двора с Лувром была уже не актуальна, поскольку эта символическая функция перешла к Версалю. В то время как Фюретьер фиксирует устаревший узус, который был характерен для середины века, до начала роста значения Версаля.

Эквивалентность «Лувра» и «Версаля» в качестве метонимических обозначений королевского двора делает еще более примечательным различие их метафорических репрезентаций. Как мы видели, Версаль у современников ассоциируется с «некой страной» или, если

¹²⁵ *Della Casa G. Galatée, ov L'Art de plaie dans la conversation de Monseieur de la Case. Traduction nouvelle. Paris: R. Gvignard, 1666. Sig. ãvj'–ãvij'.*

¹²⁶ Отметим, что Дюамель, вероятно, являлся автором нового перевода «Придворного» Кастильоне, вышедшего в свет в 1690 г. (*Castiglione B. Le parfait courtisan et la Dame de cour traduction nouvelle de l'italien du Comte Baltazar Castiglione. Paris: E. Loyson, 1690*).

брать чуть более поздний период, со сказочным королевством¹²⁷. Между тем как Лувр неожиданно предстает в виде водной стихии. В случае Гере это можно было бы объяснить влиянием госпожи де Скюдери. Как известно, на «Карте страны Нежности» обозначено несколько крупных водоемов: озеро Безразличия, море Неприязни и Опасное море, куда впадают три реки (Склонность, Уважение и Признательность). Разница между ними обусловлена характером тех эмоций, которые они собой воплощают, то есть наличием или отсутствием волнения. Воды озера спокойны, как безразличие, тогда как волны моря Неприязни «сильно схожи с этой бурлящей страстью». Что касается Опасного моря, названного так потому, что «женщине опасно покидать пределы дружбы»¹²⁸, то тут госпожа де Скюдери обыгрывает устойчивую ассоциацию моря с любовью, в высшей степени характерную для поэзии начала XVII века. Она отчасти продиктована аллитерацией «la mer – l’amour», или, если мы имеем дело с любовными сетованиями, «la mer – amer – l’amour», как в сонете Пьера де Марбефа (1628):

Et la mer & l’amour ont l’amer pour partage,
Et la mer est amere, & l’amour est amer,
L’on s’abîme en l’amour aussi bien qu’en la mer,
Car la mer & l’amour ne sont point sans orage¹²⁹.

Море и любовь сообща делят горечь,
И море горько, и любовь горька,
В море тонут так же, как в любви,
Поскольку ни море, ни любовь не бывают без бурь.

¹²⁷ См.: *Robert R. Le conte de fées littéraires en France de la fin du XVIIe à la fin du XVIIIe siècle*. Paris: Honoré Champion, 2002. P. 248–249.

¹²⁸ *Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV*. С. 285.

¹²⁹ *Marbeuf P. de. Recueil des vers de M. de Marbeuf, chevalier, sieur de Sahurs*. Rouen: impr. de D. Du Petit Val, 1628. P. 183. Ср. с аналогичным пассажем из трагедии Жана де Шеландра «Тир и Сидон» (1608): «O mer amere, mère à la mère d’amours» [О горькое море, мать матери любви]. *Schelandre J. de. Tyr et Sidon, ou les Funestes amours de Belcar et Méliane, tragédie*. Édition critique publiée par Jules Haraszti. Paris: E. Cornély, 1908, P. 152.

Поскольку у Гере плавание по Великому морю Лувра приводит путешественника в залив Любовных Интрижек, то можно было бы предположить, что появление моря тут обусловлено галантной тематикой. Однако такое объяснение вряд ли удовлетворительно, если принять во внимание, что и во вполне прагматическом тексте Дюамеля Лувр тоже оказывается сродни водной стихии, то есть это сближение имеет более общий характер.

Движение от «моря Лувра» к «стране Версаля» наглядно демонстрирует динамику развития интересующей нас идиомы. Действительно, вплоть до середины XVII века среди устойчивых формул описания двора часто встречается сравнение его с морем. Как сказано в уже упоминавшемся стихотворении Жана Мешино: «Двор – это море, где вздымаются / Волны гордыни, гроза зависти» [La court est si ung mer dont sourt / Vagues dorgueil denvie orage]¹³⁰. Веком ранее Алэн Шартье именовал придворных «безрассудными мореходами»:

Car comme les fols mariniers se font aucunesfois noyer par leur despourueu gouuernemet, ainsi attrait la Cour à soy, & deçoit les simples gens, & se fait conuoiter côme vne ribaude bien patee par son ris & par son baiser¹³¹.

И как это происходит с безрассудными мореходами, которые тонут без кормчего, двор притягивает и вводит в заблуждение простодушных, заставляя вождель себя, как это делает разряженная девка своим смехом и поцелуями.

Напротив, столетием позже Жан Мере видел в них «сирен», обрекающих моряков на гибель:

¹³⁰ *Meschinot J.* Les lunettes des princes avec auscunes balades. Sig. Mvj^r.

¹³¹ *Chartier A.* Les Oevvres de maistre Alain Chartier contenans l’Histoire de son temps, l’Espérance, le Curial, le Quadrilogue & autres pièces, tovtes nouvellement revuës, corrigées, & de beaucoup augmentées sur les Exemplaires écrits à la main par André Dv Chesne Tovrangeav. Paris: S. Thiboust, 1617. P. 400. Сочинение Шартье «Придворный», из которого взята цитата, датируется приблизительно серединой 1420-х годов и первоначально было написано на латыни, хотя больше известно во французском варианте. См.: *Thuillier G.* Les entourages au XV-e siècle: Le «Curial» d’Alain Chartier // *La Revue administrative.* 1983. № 214. P. 351–354.

La Cour est vne mer aux saisons plus seraines
Perfide à ses nochers,
Où tous les Courtisans sont autant de Syreines,
De bancs & de rochers.
Là les plus grâds vaisseaux font les plus grâds naufrages,
Mesme dedans le port,
Et les plus assurez remettent leurs voyages
A la merci du sort¹³².

Двор – это море, даже при самой безмятежной погоде
Коварное для кормчих,
Где все придворные – настоящие сирены
На берегах и утесах.
Там самые большие суда терпят кораблекрушения
Даже находясь в порту,
И самые надежные полагаются в путешествии
На произвол судьбы.

При всех вариациях топики мы видим, что традиционная ассоциация моря с изменчивостью и непостоянством – качествами, которые оно делит с ветром, погодой и Фортуной¹³³, – служит фоном для разработки темы навигации, центральной для большей части такого рода уподоблений. К примеру, Эташ де Рефюж в «Трактате о дворе, или Наставлении придворным» (1616) предупреждал:

¹³² *Mairet J. de. La Sylvie dv sievr Mairet, Tragi-Comedie-Pastorale. Troisième Edition. Paris: F. Targa, 1630. P. 163.* Цитата из стихотворения «Отшельник придворному», которое, по-видимому, следует датировать концом 1620-х годов. Отметим, что в целом изображение придворных в качестве искуителей встречается не слишком часто.

¹³³ Именно такой перечень дает словарь Академии в качестве примеров употребления слова «inconstance»: «L'inconstance du temps, des saisons; l'inconstance des vents, de la Mer, l'inconstance de la fortune» (*Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 675*). Отметим, что сравнение двора с морем встречается не только во французском. Оно обнаруживается и в уже цитировавшемся письме Лоредано (опубл. в 1653): «Двор – это море, где разбиваются состояния, жизни, души и репутации» [*La Corte è un Mare, dove naufragano robba, vita, anima, e riputatione*]. Или, говоря словами французского переводчика, «La Cour est une mer, où les biens, la vie, l'ame & la réputation font souvent naufrages». *Loredano G.-F. Lettres de Loredano. P. 374, 375.*

Plusieurs bons pilotes n'ont pas laissé de se perdre, nonobstant la cognoissance, & l'expérience qu'ils auoient de la nauigation : & d'autres moins entendu sans astrolabe ny boussole, sont venus à bout de lôgs & périlleux voyages. Pour cela toutefois il ne faut pas conclure que nous deuions sans art, sans science & sans boussole nous ietter à la mercy des vents¹³⁴.

Многие добрые кормчие сбивались с пути, несмотря на знание и опыт в навигации, тогда как другим, не столь сведущим, удавалось без компаса и астролябии завершить долгое и опасное путешествие. Но из этого не надо делать вывод, что следует отдаваться на волю ветров безо всякого искусства, науки и компаса.

По сути, это призыв к упражнению в одной из четырех главных добродетелей, *Prudentia*, то есть способности разумно распорядиться собой и своими поступками. Не случайно, что Рефюж использует тот же образный ряд, что и Пьер Шаррон в своем влиятельном трактате «О мудрости» (1601). Последний, рассуждая о разумном ведении дел, советовал тщательно изучать, с кем приходится сталкиваться:

Ибо нет сомнения, что в зависимости от различной природы людей и дел необходимо менять стиль и манеру поведения, как мореход, который в зависимости от того, в какой части моря он находится и каково направление ветров, по-разному распоряжается веслами и парусами¹³⁵.

За этой апологией социальной гибкости угадывается Макиавелли: а именно его мнение о тех достоинствах (*virtù*), которыми должен обладать правитель, не желающий становиться рабом обстоятельств. Отсюда известная максима, что ему необходимо уподобляться то льву, то лисе¹³⁶. Такое откровенное утверждение политического прагматизма стало камнем преткновения для большинства мыслителей эпохи, которые, резко критикуя автора «Государя», по-своему усваивали и

¹³⁴ [*Refuge E. de*]. Traicte de la cour ou Instruction des courtisans. Nouvelle edition. Paris: A. Saugrain, 1619. P. 3.

¹³⁵ *Charron P.* De la sagesse, par Pierre Charron. Réimprimée sur la vraye Copie de Bourdeaux. Paris: J. Cochart, 1664. P. 383–384.

¹³⁶ *Макиавелли Н.* Государь / Пер. Г. Муравьевой // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 351.

перерабатывали его идеи¹³⁷. Как отмечал Джон Покок, уже Гвиччардини был склонен отождествлять макиавеллиевскую концепцию *virtù* с более привычной *prudencia*, то есть со свойственной «рулевому или врачу способностью наблюдать за событиями и приноравливаться к ним, вместо того чтобы пытаться их направлять и на них воздействовать; это, скорее, политика маневрирования, чем действия»¹³⁸. Похожее искажение оптики имело место и в случае сочинения Кастильоне, тем более что обсуждение качеств, необходимых для придворного, также было связано с моралистической традицией «зерцал» (портретов идеального правителя), от которой отгалкивался Макиавелли¹³⁹. Современные исследователи склонны усматривать в «Придворном» попытку героизации соответствующего состояния, когда приближенный государя намеренно подавляет собственную индивидуальность ради того, чтобы быть ему полезным¹⁴⁰. Напротив, читатели XVI–XVII веков видели в нем оправдание дворцового лицемерия и двуличия. Скажем, в «Удалившемся от дел придворном» Жан де Ла Тай устами своего протагониста признавался:

Je sceus dissimuler & sceus bien mettre en œuvre
Tout ce que Baltazar de Chastilon descœuvre
En son Courtisan feint¹⁴¹.

Я умел прикидываться и умел пустить в ход
Все то, что открывает нам Бальтазар Кастильон
В своем фальшивом Придворном.

¹³⁷ См.: *Donaldson P.S. Machiavelli and Mystery of State. Cambridge: Cambridge UP, 1992.*

¹³⁸ *Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton UP, 1975. P. 238.*

¹³⁹ О взаимодействии «зерцал» с традицией «трактатов о придворном» см.: *Skinner Q. Republican virtues in an age of princes // Skinner Q. Visions of Politics. Volume 2: Renaissance Virtues. Cambridge: Cambridge UP, 2002. P. 118–159.*

¹⁴⁰ См., к примеру: *Ossola C. Miroirs sans visage. Du courtisan à l'homme de la rue. Trad. de l'italien par N. Sels. Paris: Seuil, 1997.*

¹⁴¹ *La Taille J. de. Œuvres. Т. III. P. xxvii–xxviii.* Ср. с более поздним пересказом доктрины «Придворного», процитированного в примеч. 236.

Подобная оценка «Придворного» была весьма распространена и, помимо прочего, имела религиозные коннотации¹⁴². Однако для нас важна ее национальная окраска, поскольку осуждение Кастильоне, как и Макиавелли, отчасти резонировало с распространившимися по Европе середины XVI столетия антиитальянскими настроениями, хотя не вполне ими объяснялось¹⁴³. В общей атмосфере антиитальянизма предложенные в «Государе» и в «Придворном» стратегии поведения начинают восприниматься как жест национального саморазоблачения, а их политический прагматизм ассоциируется с конкретной страной. Подтверждение этому мы находим в «Придворном философе», где Филибер де Вьенн набрасывает обобщенный портрет «итальянца», который «никогда не действует поспешно, холодно и расчетливо взвешивает все обстоятельства и прошупывает почву, что и есть благоразумие [*prudence*]». Представители этой нации «скрывают, утаивают и подавляют свои привязанности, терпеливы и скрытны. Одним словом, они рождаются в стране придворных [*ilz naissent au país Courtisans*]»¹⁴⁴. Как мы видим, круг замкнулся: страна «Придворного» является «страной придворных» (отметим это выражение), чьи обитатели руководствуются исключительно *prudencia*. Не случайно, что в «Карте двора» Гере рекомендует своему герою, когда тот достигает берегов Великого моря Лувра, «взойти на корабль Благоразумия (*Prudence*)», то есть вести себя, как подобает истинному придворному, и избежать судьбы безрассудных смельчаков, разбившихся о подводные рифы¹⁴⁵.

Итак, читатели Макиавелли и Кастильоне воспринимают *virtù* через призму *prudencia*, видя в последней главную придворную – а не государственную – добродетель. Это смещение смысловых акцентов заметно и на примере использования навигационной метафорики. Если корабль, ведомый мудрым кормчим, является традиционной эмблемой государственного управления, то теперь этот образ используется в качестве модели для описания придворного существования.

¹⁴² Ла Тай, как и Анри Этьенн, был протестантом, поэтому его критика «притворства» имела конфессиональный оттенок.

¹⁴³ Burk P. *The Fortunes of the Courtier. The European Reception of Castiglione's Cortegiano*. London: Polity Press, 1995. P. 113–114.

¹⁴⁴ *Philibert de Vienne. Le Philosophe de court*. P. 171.

¹⁴⁵ *Guéret G. La Carte de la Cour*. P. 49.

Перед нами предстает множество суден, каждое из которых прокладывает свой курс, руководствуясь лишь личным интересом. Как писал автор «Разочарованного придворного» (1658):

Il n'y a point de mer si inconstante qu'est la Cour; & la plûpart de ceux qui y trafiquent estans trompeurs, fourbes & dissimulez, si dans le même temps qu'ils vous assurent avec serment de leur amitié ils rencontrent une occasion de vous nuire qui leur soit tant soit peu avantageuse, ils l'embrasseront de tout leur cœur; car l'interest est l'ame de ce païs-là¹⁴⁶.

Нет более изменчивого моря, чем двор, и большинство из тех, кто по нему плавают, – обманщики, лжецы и притворщики, ибо сколь бы они ни клялись вам в своей дружбе, стоит им получить возможность вам навредить хотя бы с небольшой выгодой для себя, они радостно ею воспользуются, ибо душа этой страны – личный интерес.

Отметим незаметное перетекание «моря» в «страну»; риторическая несурязица, по-видимому, указывает на то, что новая идиома («la cour est un pays») начинает теснить более привычную («la cour est une mer»). Это вполне укладывается в намеченные нами хронологические рамки: с одной стороны, мы знаем, что уподобление двора стране уже существует в конце 1640-х годов (свидетельство Менара и Патена), с другой, оно выходит на первый план к началу 1660-х годов, после всплеска моды на галантную картографию.

Что касается искусства навигации как упражнения в *prudencia*, то отмеченное выше смещение центра тяжести от государя к придворным, безусловно, имело политический смысл. Нам уже приходилось сталкиваться с тем, что в XVI–XVII веке двор почти всегда описывается как профанное пространство, причем вне зависимости от того, имеем ли мы дело с апологией или с инвективой. Вспомним парящий замок Клода Шаппюи: если он не мог быть идентифицирован с Шамбором, Фонтенбло или Лувром, то точно так же находящийся в

¹⁴⁶ Le Courtisan désabusé, ou Pensées d'un gentilhomme qui a passé la plus grande partie de sa vie dans la cour et dans guerre. Nouvelle edition. Paris: Le Gras, 1699. P. 101. Это анонимное сочинение многократно переиздавалось на протяжении второй половины XVII в., а в 1710 г. было даже переведено на немецкий язык. Библиографы приписывают его либо некоему де Бурдонне, либо Жану Кайеру.

нем король не был равен реальному Франциску I. Говоря юридическим языком эпохи, значимость которого в свое время показал Эрнст Канторович, речь шла о мистическом теле короля и, соответственно, о его не менее спиритуальной обители. Однако двор с лакеями, пажам и мулами оставался прикован к земной тверди. Проблема его «санктификации» всерьез заботила христианских моралистов, включая преподобного Никола Коссена, автора «Святого двора» (1624), которому принадлежит это выражение. По его признанию, двор обычно именуют темницей; мельницей, где жернова вращают прикованные к ним придворные; позолоченной тюрьмой; домом Цирцеи: «короче, это место, где от природы царствует порок, по необходимости – нужда, а добродетель если и встречается, то только чудом»¹⁴⁷. Ему вторит Никола Фаре в своем «Достойном человеке, или Искусстве нравиться при дворе» (1630): «Каждый видит царящую там всеобщую развращенность, добрые дела вершатся там случайно, а злые – словно бы по призванию». Однако он же утверждает, что «принцы и вельможи окружают короля как прекрасные звезды, которые обязаны ему всем своим великолепием, и чей свет сливается с его сиянием»¹⁴⁸. Парадоксальным образом, одно другому не противоречит, поскольку, будучи «областью тьмы» (Флешье), двор лишь оттеняет сияние, исходящее из средоточия власти, от монарха. Если посмотреть на близкие к Фаре пропедевтические сочинения конца XVI – первой половины XVII столетия, то можно заметить, что, по мере укрепления французского престола, описание придворной реальности становится все более пессимистическим. Конечно, некоторую роль тут должны были играть причины психологического характера. Как отмечала госпожа де Моттевиль, «никто не бывает столь добрым христианином или философом, как избавившийся от заблуждений придворный [un courtisan détrompé]»: подобное просветление обычно подразумевало опалу или

¹⁴⁷ *Caussin N. La cour sainte, ou institution chretienne des grands. Avec les exemples de ceux qui dans les cours ont fleury en sainteté / Par le R.P. Nicolas Caussin, de la Compagnie de Jesus. Lyon: Pierre Gvillimin, 1674. T. I. P. 2–3.* Оригинальное издание первой части этого труда вышло в 1624 г. (разрешения на публикацию от Общества Иисуса и теологов Сорбонны датированы 17 ноября 1623 г.).

¹⁴⁸ *Faret N. L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire a la Cour / Par le Sieur Faret. Paris: T. du Bray, 1630. P. 71, 2.*

удаление от двора в силу возраста и болезней¹⁴⁹. Кроме того, для части ее современников пребывание при дворе изначально было тягостной обязанностью, отсюда увещевания, которые Гере адресовал воображаемому Гидаспу. Но не менее важно подчеркнуть тот факт, что осуждение двора и прославление государя являются двумя сторонами одной и той же идеологической медали. Чем ярче сияние власти, тем мрачнее картина придворной жизни, на которой, как на портрете Дориана Грея, проявляются все те черты, которые недопустимо различать на солнце-подобном лице монарха. Такая взаимозависимость, как мне кажется, объясняется не только самоцензурой и перенаправлением критики в безопасное русло. За ней, как за теориями *ragion di stato* (Джованни Ботеро) и *arcana imperii* (Арнольд Клапмар)¹⁵⁰, стояла попытка совместить новое прагматическое представление о принципах управления государством с более традиционной концепцией сакральной природы власти. Именно поэтому основными носителями эгоистического «благоразумия» оказываются придворные, что позволяет избавить властителя от подозрения в аморализме.

Отчетливые политические коннотации уподобления двора морю, вероятно, явились одной из причин его замены на более нейтральную идентификацию с некой страной. Типологически оба сравнения чрезвычайно близки, но во втором отсутствует идея «волнения» как естественного состояния придворной стихии. Помимо этого, навигационная метафорика заключала в себе еще одну нежелательную ассоциацию. Уже в начале XVI века Жан Мешино связывал образ двора-моря с идеей рабства:

Prince court est ung droit seruage
Liberte veulx trop mieulx. helas

¹⁴⁹ Motteville F. B. de. *Mémoires de Mme de Motteville*. Т. I. P. 100. Ср. с фигурами «удалившегося от дел придворного» [le courtisan retiré] из одноименной сатиры Жана де Ла Тайя и «разочарованного придворного» [le courtisan désabusé] из процитированного выше анонимного трактата. Кроме того, наблюдение госпожи де Моттевиль перекликается с изображением философствующего вельможи у Лабрюйера, который, будучи в опале, рассуждает о теще честолюбия («О дворе» 66).

¹⁵⁰ Об этих теориях и их зависимости от «Государя» Макиавелли см.: Donaldson P.S. *Machiavelli and Mystery of State*. P. 111–140.

Toy donc qui as bon patronnage
Nage aultre part pour tes esbas¹⁵¹.

Двор государя – настоящее рабство,
Свобода намного лучше. Увы,
Ты, имеющий хорошего патрона,
Пльви прогуливаться в другие места.

Однако насколько можно судить, только к 1660-м годам это сочетание мотивов дает новую комбинацию – образ придворного, который прикован ко двору, как раб к галере. Так, в «Панегирике кардиналу Берулю», опубликованном в 1664 году, аббат Удо сокрушался: «двор – это галера, где столько людей знатных страдает, не решаясь посетовать и утешиться жалобами» [la Cour est une galere où tant d'illustres souffrent sans avoir la hardiesse & la consolation de se plaindre]¹⁵². Чуть позже, в 1665 году, иезуит отец Ле Муан сравнивал придворных с каторжниками на «раскрашенной галере»:

La Cour est, ie l'auouë, vne Galere peinte,
De rubans, de festons, de clinquans elle est ceinte;
La chiourme en est riche, & les bans precieux;
Les Forçats, de leurs rangs s'y tiennent glorieux;
Leurs rames sont d'yuoire & de bouquets parées;
Leurs chaines font grand bruit, & sont toutes dorées:
Mais tant d'atours si beaux, si pompeux, si luisans,
Soulagent-ils en rien le joug des Courtisans?
Et pour estre à nos yeux si parez & si braues,
En sont-ils moins captifs, en sont-ils moins esclaves?¹⁵³

Двор, признаюсь вам, – раскрашенная галера,
Обвешанная лентами, гирляндами, мишурой;
Команда гребцов богата, их призвание драгоценно;
Каторжники гордятся своим положением;
Их весла украшены слоновой костью и букетами,

¹⁵¹ *Meschinot J.* Les lunettes des princes avec auscunes balades. Sig. Mvj^{r-v}.

¹⁵² *Oudeau J.* Les Panégyriques des fondateurs des Ordres religieux, selon les règles de la véritable rhétorique, par le sieur Oudeau, Predicateur. Paris: D. Thierry, 1664. P. 559 (отметим, что привилегия датирована августом 1663 г.).

¹⁵³ *Le Moyne P.* Entretiens et lettres poétiques. P. 220–221.

Их цепи громко звенят и все позолочены:
Но столько украшений, прекрасных, торжественных и блестящих,
Облегчает ли ярмо придворных?
И если на наш взгляд они столь нарядны и молодежаваты,
Делает ли их это в меньшей степени невольниками и рабами?

Не исключено, что такой поворот морской темы был обусловлен, с одной стороны, оживленным строительством французского флота (которое, впрочем, еще не достигло тех масштабов, которые через несколько лет придаст ему Кольбер), а с другой – постепенным усилением контроля над двором со стороны молодого Людовика XIV. Напомним, что в 1664 году был вынесен пожизненный приговор Фуке, а в 1665 году разыгрался скандал вокруг «Любовной истории галлов», в результате которого Бюсси-Рабютен сперва оказался в Бастилии, а потом был выслан в свои земли. В любом случае показательно, что это уподобление остается достоянием проповедников и людей духовного звания, и что во второй половине XVII столетия навигационная тематика в целом исчезает из описаний двора¹⁵⁴.

Две карты

Уподобление двора морю дает еще одно возможное объяснение, почему описание придворной жизни способно принимать картографический уклон. Так, в английском издании «Достойного человека, или Искусства нравиться при дворе», увидевшем свет в 1632 году, переводчик Эдвард Гримстон напрямую сравнивал труд Никола Фаре с навигационной картой:

¹⁵⁴ Один из немногих более поздних примеров, которые мне удалось обнаружить, находится в Третьей сатире Луи Пети, опубликованной в Руане в 1686 г.: «La Cour est une Mer où de gros tourbillons / Fracassent les Vaisseaux, & les coulent à fonds. / Sur le meilleur Voilier le plus sage Pilote / Se perd où le Vaisseau le pire de la Flotte / Se sauve dans le temps qu'on le croyoit perdu, / Et dans le port se trouve heureusement rendu» [Двор – это море, где сильные волнения / Разбивают и топят суда. / На лучшем паруснике самый умудренный кормчий / Погибает там, где худший из кораблей флота / Спасается, когда его считали обреченным, / И счастливо возвращается в порт]. [*Petit L.*] Discours satyriques et moraux, ou Satyres générales. Rouen: R. Lallemand, 1686. P. 25–26.

All Seamen in their courses must necessarily sail by their Cards; But this Art and Sea of the Court, and Honest Man, there prescibed¹⁵⁵.

Мореходы в своих странствиях должны прокладывать курс по картам. Эта же учит искусству ходить по морю двора и быть достойным человеком.

Следующий шаг в этой цепочке ассоциаций – открытие новых земель, что подтверждает «Карта двора» Гере. Но, хотя навигационная лексика (волнения, обманчивое затишье, опасные течения, подводные камни, бури, кораблекрушения) становится частью придворного словаря, ее сюжетный потенциал остается ограниченным и реализуется в двух-трех фразах. По-видимому, это объясняется недостаточной развитостью соответствующей литературной тематики – само по себе путешествие по морю обычно удостоивается незначительного внимания со стороны писателей. Напротив, подлинные и вымышленные рассказы путешественников о неведомых странах снабжают первопроходцев воображаемых миров готовыми нарративными моделями. В этом плане показательно, что статус «некой страны» прочно закрепляется за двором именно после вспышки увлечения аллегорической картографией середины 1650-х – начала 1660-х годов.

Публикация первого тома «Клелии» с «Картой страны Нежности», как известно, спровоцировала волну пародий и подражаний¹⁵⁶. В том же 1654 году, еще до его появления, в свет вышло «Известие о королевстве Кокетства» аббата д'Обиньяка, что позволило последнему оспаривать пальму первенства у госпожи де Скюдери. К этому спору мы обратимся чуть позже, пока же вслед за Полем Зюмтором повторим, что сам по себе вопрос о первенстве не столь важен, поскольку за «Известием» д'Обиньяка стояла традиция «аллегорических утопий», сформировавшаяся во Франции в 1640-х годах. О специфике этого жанра говорит его название: в нем сочетались черты

¹⁵⁵ *Faret N.* The Honest Man, or The Art to please in Court. Written in French by Sieur Faret. Translated into English by E.G. London: Th. Harper, 1632. Sig. A2^{r-v}.

¹⁵⁶ О некоторых из них (в частности, о д'Обиньяке) см.: *Peters J.M.* Mapping Discord: Allegorical Cartography in Early Modern French Writing. Newark: University of Delaware Press, 2004. P. 117–146.

ренессансных травелогов (включая рассказы о путешествиях в воображаемые миры) и позднесредневековых аллегорий¹⁵⁷. Так, «Известие» было представлено как «выдержка из последнего путешествия голландцев в левантийские Индии». Описание же королевства включало «говорящую» топонимику (замки Праздность и Либертинаж), аллегорических персонажей (правит страной Кокетливая Любовь) и характерологию (ее жители делятся на воздыхателей, весельчаков, авантюристов, золотых ослов и проч.)¹⁵⁸.

У «Карты страны Нежности» несколько иная генеалогия, восходящая к традиции религиозно-нравственных размышлений и аллегорических пилигримажей¹⁵⁹. Ярким (но чуть более поздним) ее примером может служить «Карта, показывающая порядок и причины спасения и гибели» (1664) Дж. Бэньяна, автора «Путешествия пилигрима» (первая часть опубликована в 1678 г.)¹⁶⁰. Решающая роль тут принадлежит моральной топографии, которая отражает переход души от одного состояния к другому. Этот же принцип, хотя и в секуляризованном виде, сохраняется в «Карте страны Нежности» и в появившихся вслед за ней пастишах – «Карте королевства Прециозниц» (приписывается Молеврие) и «Карте королевства Любви» (приписывается Тристану Л'Эрмиту), которые были опубликованы в 1659 году, но, как считается, восходят к 1654 году. В первом сочинении фигурируют река Откровенничания, порт Шушуканий, города Обожаемая, Божественная и Машерочка (отсылки к той манере общения, которая якобы отличала прециозниц), замок Галантности, ленное владение Нежных и Страстных Чувств, равнина Кокетства и проч.¹⁶¹ Второе, вслед за своим прототипом, фиксирует этапы ухаживания: равнина Безразличия,

¹⁵⁷ *Zumthor P.* La Carte de Tendre et les Précieux // *Truvium*. Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft. Jahrgang VI. Zürich, 1948. P. 266–267.

¹⁵⁸ [*Aubignac F. H. d'*]. Histoire du temps ou relation du royaume de coquerie extraite du dernier voyage des Holandois aux Indes du levan. Paris: Ch. de Sercy, 1654. P. 6–7, 18–19.

¹⁵⁹ *Zumthor P.* La Carte de Tendre et les Précieux. P. 269.

¹⁶⁰ Об этой карте и стоящей за ней традиции см.: *Delft L. van.* Littérature et antropologie. P. 69–73.

¹⁶¹ *La Carte du Royaume des Pretieuses // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie.* Paris: Ch. de Sercy, 1660. P. 322.

лес Приятного Собрания, таверна Нежных Взглядов, и т. д.¹⁶² Очевидным образом, прочерчиваемая Тристаном Л'Эрмитом (и, отчасти, Молверие) траектория представляет собой намеренно сниженный и циничный вариант любовного пилигримажа. Сама по себе карта с ее специфической – не столько нарративной, сколько демонстративной – формой и аллегорической топонимикой невольно подчеркивает прагматический аспект предлагаемого маршрута от пункта А до пункта Б, что, собственно, и дает повод для пародий. Куртуазная модель поведения превращается в набор конвенциональных жестов, за которыми стоят отнюдь не высокие чувства. Так, Сегре в своих стансах «На Карту страны Нежности» советовал воздыхателям выбрать «самую широкую и прямую дорогу из всех имеющихся, / Она проходит через Безделушку»¹⁶³. Другой остроумец рекомендовал поискать тропинку Случая, которая идет по лесу Везения и приводит к мосту Женской слабости, откуда всего лишь шаг до Неведомых Земель¹⁶⁴. Кульминацией этой отчасти женоненавистнической тенденции стала приписываемая Бюсси-Рабютену и принцу де Конти «Карта страны Вертопрашества»¹⁶⁵, где известные светские дамы представляли в виде (старых, разваливающихся, грязных) городов, у которых сменяются губернаторы.

Последнее сочинение, по-видимому, также восходит к середине 1650-х годов¹⁶⁶. Примечательным образом, при публикации в 1668 году оно получило название «Географическая карта двора». Поскольку

¹⁶² La carte du Royaume d'amour, Ou la description succincte de la Contrée qu'il regit, de ses principales Villes, Bourgades, & autres lieux, Et le chemin qu'il faut tenir pour y faire voyage // Ibid. P. 324.

¹⁶³ *Segrais J.R. de. Œuvres de Segrais.* Paris: Delormel, 1733. P. 213.

¹⁶⁴ Lettre de M.D. sur le carte du Royaume de Tendre, écrite à l'Illustre M.S. // Recueil de pièces en prose les plus agréables de ce temps. II partie. Paris: Ch. de Sercy, 1662. P. 261.

¹⁶⁵ В переводе Л.Г. Ларионовой – «Карта страны Легкомыслия» (*Бюсси-Рабютен P. de. Любовная история галлов.* М.: Ладомир, Наука, 2010. С. 112–118). Мне доводилось именовать ее «Картой страны Ухарства»; объяснение всего спектра названий см. ниже.

¹⁶⁶ Исследователи склонны датировать его все тем же 1654 г. См.: *Rouben C. Histoire et géographie galantes au Grand Siècle: L'Histoire amoureuse des Gaules et La Carte du Pays de Braquerie de Bussy-Rabutin // XVII siècle.* 1971. № 93. P. 56.

Бюсси еще в 1665 году подвергся опале из-за «Любовной истории галлов», а принц де Конти успел не только обратиться к Богу, но и умереть, такое наименование вряд ли можно считать авторским, тем более что само издание было пиратским. Об этом свидетельствует и фальшивый импринт (под маской «Пьера Марто» скрывался ряд голландских и немецких издателей), и тот факт, что все персонажи названы своими именами, что могло иметь неприятные последствия для предполагаемого автора (на титуле было указано имя Бюсси). К примеру, характеристика города д'Этамп – «Между реками Потаскуха и Кокетка расположен город д'Этамп или Валлансе, древний и один из самых тучных в стране; место грязное и заболоченное, которое, говорят, кишит заразой в силу особенности тамошней почвы...»¹⁶⁷ – сопровождалось примечанием: «госпожа де Пизье»¹⁶⁸. Заметим, что в момент публикации текста эта дама, принадлежавшая к знатному и влиятельному роду, была еще жива, как и некоторые другие жертвы злобной шутки. По-видимому, «страна Вертопрашества» становится «двором» по тем же причинам, по каким издатели порой заменяли иносказательных «галлов» в названии другого скандального сочинения Бюсси на откровенную «Францию». Этот жест указывал на принципиальный отказ от использования псевдонимов, в результате чего «роман с ключом» превращался в прямой пасквиль, что расширяло его потенциальную читательскую аудиторию¹⁶⁹.

Особый интерес для нас имеет тот факт, что переименование устанавливает эквивалентность между «*paus de Braquerie*» и «*la cour*». Интерпретация слова «*braquerie*», или, точнее, «*braque*», поскольку в тексте речь идет о «*paus de braques*», представляет некоторую проблему, как и заметная часть используемой Бюсси топонимики. Согласно

¹⁶⁷ *Bussy-Rabutin R. de. Carte géographique de la cour et autres galanteries par Rabutin. Cologne: P. Marteau, 1668. P. 7.*

¹⁶⁸ Речь идет о Шарлотте д'Этамп-Валансе (1597–1677), вдове виконта де Пюизье (или, в другом написании, Пизье).

¹⁶⁹ Кроме того, под титулом «Любовная история Франции» издатели нередко печатали приписывавшиеся Бюсси памфлеты о галантных похождениях короля, к которым опальный граф не имел никакого отношения. Таким образом, в отличие от «Любовной истории галлов», которое является авторским названием, «Любовная история Франции» – почти нарицательное обозначение определенного типа текстов.

лексикографам эпохи, им обозначалась определенная порода охотничьих псов; кроме того, добавляет Фюретьер, «braques» порой могли называть клешни рака¹⁷⁰. Других интерпретаций нет вплоть до конца XVIII века, когда словарь Академии (пятое издание 1798 г.) фиксирует использование слова в переносном смысле («сумасбродный человек»). Трудно сказать, существовало ли это значение в эпоху Бюсси: хотя словари всегда отстают от живой речи, разрыв между интересующей нас эпохой и моментом фиксации такого словоупотребления достаточно велик. Есть вероятность, что авторы «Карты» все же имели в виду сходство галантных дам не только с городами, но и с собачьей сворой. Косвенным указанием на то, что и современники не были вполне уверены, какое значение приписать подобному наименованию, служат разночтения между авторской и печатной версиями текста. Так, в издании 1668 года фигурирует не «*paus de Braquerie*», а «*paus de Braguerie*». Этот вариант более прозрачен: «*braguerie*» – реально существовавшее слово, которое восходит к среднефранцузскому термину, обозначающему подчеркнутую роскошь одежды, щегольство. Однако к XVI веку его значение постепенно изменяется. Так, в XII «Суде любви», добавленном к оригинальному тексту Марциала Овернского в 1540 году, фигурируют «*compaignons de la masquerie, tommerie, ou braguerie*»¹⁷¹, то есть речь идет о сообществе, занимающемся театральным или, точнее, игровым переодеванием, ряжением, дуракавалянием. Франко-латинский словарь (1573) Нико переводит «*bragard, bragueur*» как «*Elegans homo*», но также фиксирует существование выражения «*braguerie exceβiue*», эквивалентом которому является латинский термин «*lenocinium*»¹⁷² [соблазн, заманивание, сводничество]. Это же выражение мы видим и во франко-испанском Тезаурусе Удена,

¹⁷⁰ Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 126; *Furetière A.* Dictionnaire universel. T. I. P. 324. О том, что «braque» – охотничья собака, свидетельствует и словарь Котгрейва (*Cotgrave R.* A dictionarie of the French and English Tongues. Sig. Mijj^r).

¹⁷¹ [*Martial d'Auvergne*]. *Aresta amorum LI, accuratissimis Benedicti Curtii Symphoriani commentarius ad utriusque juris rationem, forensiumque actionum usum, quam acutissime accommodata.* Lugduni: Apud Seb. Gryphium, 1546. P. 409.

¹⁷² *Nicot J.* Dictionnaire François-Latin auquel les mots François, avec les manieres d'user d'iceulx, sont tournez en Latin. S. l.: G. de Hus, 1573. P. 95.

где оно переводится как «bizarria demasiada» [чрезмерная храбрость, галантность]¹⁷³. Но, пожалуй, наиболее показателен для нас «Словарь французского и английского языков» Котгрейва, где «bragerie» интерпретируется как «wanton tricking, lascivious bravery» [распутные хитрости, развратная удаль] и связывается со словом «braguette», т. е. «гульфик»¹⁷⁴. Таким образом, этот термин соединяет в себе несколько значений, отсылающих к своеобразному идеалу молодечества – броскости внешнего вида и поведения, бесшабашной отваги, агрессивной сексуальности, – который плохо согласуется с требованиями вежества второй половины XVII века¹⁷⁵. Не случайно его дружно игнорируют толковые словари этой эпохи, хотя, как мы видим по «Географической карте двора», он остается в обороте. К этому стоит добавить, что обитательницы страны Вертопрашества (которая в данном случае становится скорее пространством Ухарства) именуется «bragues». Тут уместно вспомнить, что «bragues» – архаическая форма слова «brayes», обозначающего «белье, которое закрывает срамные части, как, например, кальсоны или низ рубашки»¹⁷⁶. Как можно догадаться, функция вертопрашек не столь от этого далека. Кроме того, в середине XVII века существовал фразеологический оборот «sortir [d'une affaire] les brayes nettes» [выйти из положения не замавав штанов], аналогичный русскому «выйти сухим из воды». Он встречается у Мольера, причем – что показательно – в «Смешных жеманницах», где Маскариль делает абсурдный комплимент глазам Като и Мадлон: «Moi, je dis que nos libertés auront peine à sortir d'ici les braies nettes» [Я скажу, что нашей свободе будет трудно выйди отсюда не замавав штанов]. Поскольку в «Карте страны Вертопрашества» Бюсси постоянно обращается

¹⁷³ *Oudin C.* Tesoro de las dos lenguas francesa y española. 2 partie. Sig. Gijj^r. Интересно, что там же слова «bragard, bragueur» переводятся как «galant, fanfarrõ, entonado».

¹⁷⁴ *Cotgrave R.* A dictionarie of the French and English Tongues. Sig. Mij^v.

¹⁷⁵ Ср. с замечанием Монтеня (I, 23), противопоставляющего два типа приличия, визуальное и вербальное. Речь как раз идет о гульфике: мода заставляет выставлять напоказ «нелепое и бесполезное подобие того органа, назвать который мы не можем, не нарушая приличия, и воспроизведение которого, да еще во всем блеске наряда, показываем, тем не менее, всему честному народу». *Монтень М. де.* Опыты. Т. I. С. 128.

¹⁷⁶ *Furetière A.* Dictionnaire universel. T. I. P. 326.

к вопросам телесной гигиены, не исключено, что это выражение также приходило ему на ум.

Все сказанное позволяет предположить, что каламбурная игра «braquerie»/«braguerie» могла изначально подразумеваться авторами «Карты», однако ее издатели, стремясь к большей откровенности, не только расшифровали прозрачные псевдонимы, за которыми скрывались подлинные персонажи, но и заменили неясные референции более определенными. Отметим, что некоторая двусмысленность и расплывчатость свойственна и другим фигурировавшим в тексте топонимам. Например, на западе от страны вертопрашек обитают «guffiens» [распутники], а на востоке – «cornutes», то есть рогахи. Последнее наименование, хотя и семантически прозрачно, вызывает вопросы, поскольку в повседневном языке, по-видимому, использовалось однокоренное слово – «cornard»: «тот, чья жена ушла к другому», как стыдливо комментировал словарь Академии¹⁷⁷. Оно, безусловно, было в ходу и в начале века, что подтверждает его наличие у Котгрейва, который, помимо прочего, фиксировал существование деривата «cornardise»¹⁷⁸, синонимичного более привычному «sосуаге»¹⁷⁹. Любопытно, что на карте Бюсси присутствуют оба обозначения; там есть «море Рогоношения» [la mer de Cосуаге]¹⁸⁰, в которое впадает вытекающая из страны Рогачей река Потаскуха. Что скрывается за этой дифференциацией – различие смысловых оттенков, или же Бюсси обыгрывает именно синонимию? Возможный ответ на этот вопрос обнаруживается у Анри Этьенна. В «Двух диалогах о новом французском языке» он сетовал на то, что придворные предпочитают французским словам итальянские: скажем, называют рогоносцев не «сосу», а «cornar» от итальянского «cornuto»¹⁸¹. С исторической точки зрения это обвинение достаточно сомнительно,

¹⁷⁷ Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 250. Фюретьер более откровенен; кроме того, его интересует происхождение понятия, т. е. почему обманутый муж ассоциируется с рогами. *Furetière A.* Dictionnaire universel. T. I. P. 659.

¹⁷⁸ *Cotgrave R.* A dictionarie of the French and English Tongues. Sig. X^v.

¹⁷⁹ «Состояние человека, которому наставили рога». Le dictionnaire de l'Académie. T. I. P. 203.

¹⁸⁰ *Bussy-Rabutin R. de.* Carte géographique de la cour. P. 3.

¹⁸¹ [*Estienne H.*] Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize. P. 92.

поскольку слово «cornar(d)» встречается во французских текстах конца XIII – начала XIV века. Однако не исключено, что до XVI столетия оно имело несколько иной смысл. К примеру, как указывает Маторе, наименование «sonardz» или «cornardz» использовалось в Руане по отношению к членам так называемых «веселых компаний» – молодых людей, собиравшихся для устройства праздников и представлений¹⁸². В таком употреблении оно было аналогично уже упоминавшимся «compaignons de la masquerie, mommerie, ou bragueerie». Насколько можно предположить, в XVI веке, под влиянием итальянского, произошло переосмысление уже существовавшего слова. Показательно, что Те-заурус Нико (1606) связывает французское выражение «наставить рога» с соответствующими итальянскими и испанскими идиомами, по-видимому, намекая на заимствование¹⁸³. В этом плане соотношение «cornutes» с «sосуage» могло выступать в качестве лексического уточнения и, одновременно, дополнительного указания на то, что предметом описания Бюсси действительно являлась придворная среда.

Вернемся к проблеме взаимосвязи «Карты страны Вертопрашества и «Географической карты двора». Нельзя полностью исключить, что на перемену названия старого сочинения Бюсси повлиял успех «Карты двора». Однако это маловероятно, поскольку опус Гере был опубликован единожды и никогда не перепечатывался: существуют два издания 1663 года, вышедшие под разными импринтами, но они полностью идентичны, то есть речь идет об одном и том же тираже, распределенном между двумя парижскими книгопродавцами. Тем не менее, идентификация «страны Вертопрашества» как «двора» в высшей степени показательна не только как пример издательской стратегии. Она свидетельствует о существенном расширении представления о том, что такое «двор». Многих из перечисленных в «Карте страны Вертопрашества» дам никак не назвать придворными: возьмем хотя бы герцогиню де Лонгвиль¹⁸⁴, которая, если речь идет о середине 1650-х годов, принимала активное участие в беспорядках Фронды, а к концу 1660-х стала яростной защитницей янсенизма. И хотя формально она

¹⁸² Matoré G. Le vocabulaire et la société du XVIe siècle. P. 186.

¹⁸³ Соответственно, «Piantar le corna ad alcuno» и «Hazer cuernos». Nicot J. Thresor de la langue francoyse tant ancienne que moderne <...>. Revue & avgmenté par Iean Nicot. Paris: D. Douceur, 1606. P. 151.

¹⁸⁴ Bussy-Rabutin R. de. Carte géographique de la cour. P. 20.

получила прощение еще в 1653 году, за ним последовала многолетняя опала. Иными словами, для издателей сочинения Бюсси «двор» был эквивалентен знатности и/или определенному типу социальности, вне зависимости от реальных отношений представителей того или иного аристократического рода с королем. Такую логику, по видимому, можно считать своеобразным отражением реальной политики Людовика XIV, направленной на закрепление знати при дворе, чьи механизмы были описаны Норбертом Элиасом. Косвенное подтверждение этому обнаруживается и у Гере, где в качестве одной из важнейших фигур Галантного двора назван Кризант (герцог де Ларошфуко), «занимающий высокий ранг в Любви; он обладает блестящим умом, слава о котором гремит со всех сторон; и его кабинетные занятия обеспечивают ему почетное место в альковках»¹⁸⁵. Опять-таки, на самом деле автор «Максим» (первое издание – 1665 г.) не пользовался расположением Людовика XIV, всегда помнившего о его мятежном прошлом¹⁸⁶, а потому был скорее посетителем парижских салонов («альковов»), чем придворных собраний, даже если речь шла о круге Генриетты Английской. Судя по процитированной характеристике, Гере об этом знал и, тем не менее, включил его в число придворных кавалеров.

Здесь необходимо сделать две оговорки. Прежде всего, такое расширенное понимание двора соответствует позиции внешнего наблюдателя. Хотя мы не можем сказать, голландский или французский издатель был ответствен за появление «Географической карты двора», в любом случае его социальный статус вряд ли был высок. Что касается Габриеля Гере, то оценить его положение по отношению к предмету описания позволяет ряд подсказок, которые дают упоминаемые в тексте имена современников. Начнем с того, что «Карта двора» посвящена госпоже Кольбер – ей отведено особое место на Королевской возвышенности, где восседает королевская чета¹⁸⁷. Это

¹⁸⁵ *Guéret G. La Carte de la Cour. P. 62.* Практически все портреты сопровождаются авторским «ключом»: во избежание неверной идентификации, на полях указаны подлинные имена персонажей,

¹⁸⁶ По выражению Сен-Симона, Ларошфуко пребывал «в глубокой опале, из которой фавор его удачливого сына смог вернуть их дом, но не отца». *Saint-Simon. Mémoires. T. I. P. 83.*

¹⁸⁷ *Guéret G. La Carte de la Cour. P. 52.*

позволяет предположить, что молодой автор, парижский адвокат (если верить Словарю Морери, мало участвовавший в судебных процессах, но много занимавшийся юридическими консультациями¹⁸⁸) входил в окружение Жана-Батиста Кольбера¹⁸⁹. К тому же прочие его публикации в основном адресованы магистратам парижского Парламента, что подтверждает наличие связи между посвящениями и профессиональными аффилиациями¹⁹⁰. Сложнее установить степень его знакомства с теми, кто находится за пределами этого круга. Если посмотреть на характеристики, которые он дает вельможам и знатным дамам – обитателям острова Удовольствий, резиденции Галантного двора, – то многие из них начинаются с указаний на молву: «я знаю, что говорят о восхитительной Люси» (графине де Суассон), «весь свет толкует об остроумии и прелестях Кризолиты» (герцогини де Шатийон), «мне не в новинку слышать разговоры о том, что великая Ирена – чудо красоты» (госпожа де л'Опиталь), «все громко восхваляют очаровательную Жюли, и по тому, что о ней говорится, я смело сужу, что она достойна еще большего» (маркиза де Монтозье) и т. д.¹⁹¹ Исключения составляют лишь герцог де Ларошфуко («мне знаком знаменитый

¹⁸⁸ См.: *Moreri L. Le Grand Dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane <...> par Mre Louis Moreri. Paris: J.-B. Coignard, 1725. T. IV. P. 447–448.*

¹⁸⁹ В посвящении говорится о «долге», который автор возвращает госпоже Кольбер, что предполагает достаточно близкую степень знакомства. Стоит отметить, что госпожа Кольбер, в девичестве Мари Шарон, действительно играла важную роль при дворе. Как позднее вспоминал Сен-Симон, ей было доверено воспитание дочери Людовика XIV и госпожи де Лавальер (будущей принцессы де Конти), и при этом она пользовалась расположением королевы (*Saint-Simon. Mémoires. T. I. P. 370*).

¹⁹⁰ Первый труд Габриеля Гере (1641–1688), увидевший свет в 1662 г., «Характер языческой мудрости, в жизнеописаниях семи греческих мудрецов», был посвящен Луи-Франсуа Лефевру де Комартену, другу кардинала де Реца и госпожи де Севинье, представителю потомственной административной элиты: его дед был хранителем печати, отец – государственным советником, а сам он к этому времени занимал должности парламентского советника и докладчика по прошениям. Показательно, что Большой исторический словарь Морери (см. выше примеч. 188) подчеркивает «профессиональную», внутрипарламентскую логику этого посвящения.

¹⁹¹ *Guéret G. La Carte de la Cour. P. 61, 62, 64, 65.*

Кризант») и герцогиня де Сюлли («я видел прелесть Партенисы, я видел ее восхитительные очи»)¹⁹², с которыми Гере, по-видимому, действительно сталкивался. Последнее знакомство могло объясняться все теми же парламентскими связями: Шарлотта Сегье, вышедшая замуж за Максимилиана III де Бетюна (внука великого Сюлли), была младшей дочерью Пьера Сегье, канцлера Франции и покровителя Французской Академии. Что касается герцога де Ларошфуко, то его Гере мог встретить в одном из литературных салонов. Таким образом, представленная в «Карте» диспозиция отражает, в основном, не личные наблюдения автора, но коллективные представления, свойственные городской, парламентской среде, которая отождествляет двор с определенным набором имен и особым образом жизни, куда входят светские развлечения, галантные беседы и проч.

Далее, сам принцип картографирования способствует символической колонизации чужого пространства, являющегося предметом более или менее откровенных посягательств. Как мы видели, «Карта страны Нежности» выросла из галантной переписки госпожи де Сюдери и Пеллисона, когда возник вопрос о длительности путешествия «из страны Дружеской Близости в страну Нежности». Эта ситуация была затем воспроизведена в первом томе «Клелии», где героиня рисует карту для одного из своих поклонников, который, заметим, влюблен в другую даму, а потому не склонен играть роль захватчика не принадлежащих ему территорий¹⁹³. Последние в сознании современников прочно ассоциировались с *mundus muliebris*: объяснялось это, прежде всего, тем, что автором карты была (как в романе, так и в реальности) женщина. Однако существенно и то, что намеченный маршрут вскоре стал одним из символов прециозности, которая конструировалась как особый тип женского поведения. «Карту страны

¹⁹² Ibid. P. 62, 63.

¹⁹³ По замечанию одной из исследовательниц, «Карта страны Нежности» также иллюстрирует сюжетное развитие романа, в частности, соперничество Ораса и Аронса, где первый играет роль агрессора, пытаясь завоевать Клелию силой (похищает ее, и проч.), а второй следует предписаниям «Карты» и, в итоге, обретает желаемое. *Guenoun S. Clélie: terres inconnues et imaginaires. Pour une épistémologie du transport // Voyages: récits et imaginaire. Actes de Montréal / Ed. Par Bernard Beugnot. Paris; Seattle; Tubingen: PFSCS, 1984. P. 81–100.*

Нежности» упоминают героини «Смешных жеманниц» Мольера, надеющиеся быть принятыми за настоящих прециозниц. Сомез в своем «Большом словаре прециозниц» отмечает в качестве этапного события «рождение Романии» (т. е. выход «Клелии»), благодаря чему «королество Нежности» оказывается в моде¹⁹⁴. О «Карте королевства Прециозниц» мы уже говорили выше. Наконец, как видно на примере сочинения Бюсси, идея «Карты страны Нежности» коррелирует с традиционным – и отчетливо эротическим – образом женщины как города или крепости, сдающей на милость победителя¹⁹⁵. В этом плане практически все последовавшие за публикацией «Клелии» пародии и пастиши – которые, заметим, в своей массе принадлежат представителям сильного пола – можно интерпретировать как попытку вернуть себе захваченные прециозницами территории и восстановить гендерное статус-кво. Картографирование королевства Кокетства, Любви и прочих земель позволяет в буквальном смысле слова указать на причитающееся им место в общем порядке вещей.

Когда Гере составляет свою «Карту двора», то он, на первый взгляд, находится вне этого своеобразного литературно-территориального конфликта. На самом деле ситуация не столь однозначна. Как уже было сказано, появление «Карты страны Нежности» сразу спровоцировало спор среди литераторов, поскольку аббат д'Обиньяк утверждал, что честь открытия этой новой области принадлежит ему¹⁹⁶. Судя по всему, его претензии не были восприняты всерьез: с одной стороны, «Карта страны Нежности» циркулировала в кругу госпожи де

¹⁹⁴ *Somaize A.B. de. Le grand dictionnaire des pretieuses: historique, poetique, geographique, cosmographique, cronologique, armoirique où l'on verra leur antiquité, coustumes, devises, eloges <...>. Par le Sieur de Somaize. Paris: J. Ribou, 1661. P. 186.*

¹⁹⁵ Эта же идея, по сути, обыгрывается в гравюре, помещенной на фронтисписе «Аллегорической повести, или Истории недавних смут в королевстве Красноречия» (1658) Фюретьера, где королевство Красноречия, которым управляет принцесса Риторика, осаждается войсками принца Галиматы.

¹⁹⁶ По словам Сомеза, «Орас [д'Обиньяк] поссорился с Софи [госпожей де Скюдери] из-за этого королевства, исток которого, по его утверждению, он открыл раньше нее» (*Somaize A.B. de. Le grand dictionnaire des pretieuses. P. 187*).

Скюдери уже осенью 1653 года (в своем первом, не сохранившемся варианте)¹⁹⁷. С другой – Франсуа Эделен, аббат д’Обиньяк, был известен своим полемическим темпераментом. Автор трактата «Практика театра» (1657), а также нескольких трагедий и романов, он сперва рассорился с Жилем Менажем (против которого направлен его трактат «Оправдание Теренция», опубликованный в 1656 г.), а затем – с Корнелем. Результатом последней ссоры стало появление в 1663 году «Двух диссертаций о драматической поэме в форме замечаний по поводу двух трагедий г-на Корнеля, названных “Софонисба” и “Серторий”», за которыми последовала еще и «Третья диссертация», атаковавшая «Эдипа». В 1664 году д’Обиньяк выпустил в свет свой аллегорический роман «Макариза, или Королева счастливых островов», после чего у него случилась стычка с будущим лексикографом Пьером Ришле, недостаточно похвалившим это сочинение. Суть конфликта состояла в том, что аббату пришла в голову идея сопроводить публикацию романа восторженными отзывами близких ему собратьев по перу. Входивший в их число Ришле предложил несколько двусмысленные похвалы, из которых в окончательной подборке остался один мадригал, обращенный к авторам панегириков. Д’Обиньяк обрушился на него с упреками и, в итоге, стал адресатом еще более язвительной эпиграммы¹⁹⁸. Однако было бы ошибочно объяснять эту историю исключительно авторским тщеславием. Лаудативные коллекции такого рода были достаточно распространены; они не только отдавали дань заслугам сочинителя, но и свидетельствовали о наличии определенного литературного круга, участники которого были готовы поддерживать друг друга. Д’Обиньяк мог претендовать на такую поддержку, поскольку являлся идейным вдохновителем Академии изящной словесности, созданной им еще в 1655 году. В 1663 году она как раз получила право именоваться Академией Дофина, что, безусловно, должно было повысить ее престиж¹⁹⁹.

¹⁹⁷ См.: *Scudéry M de., Pellisson P. et al. Chroniques du Samedi*. P. 126, 130 (примеч.).

¹⁹⁸ Подробности этой истории см.: *Bray L. César-Pierre Richelet (1626 – 1698): Biographie et œuvre lexicographique*. Tübingen: Niemeyer, 1986. P. 220–221.

¹⁹⁹ Об этой Академии см.: [*Granet F.*] *Reflexions sur les ouvrages de littérature*. Paris: Briasson, 1742. T. IV. P. 120.

Как и Ришле, Гере был членом Академии Дофина и внес свою лепту в прославление «Макаризы». Им подписаны два панегирика: один в прозе, где он утверждает, что исповедник, десять лет назад запрещавший ему романы как «книги о магии», теперь сам зачитывается сочинением д'Обиньяка; другой в стихах, предупреждающий беспечных богов о том, что, создав аббата, они рискуют разом лишиться всех своих сокровищ²⁰⁰. Несмотря на шутивную интонацию, оба текста достаточно добросовестно выполняют поставленную задачу, чтобы их можно было принять за чистую монету. Интересно другое: в «Карте двора», где Гере перечисляет современных ему авторов, представлявших наиболее популярные в светском обществе жанры, имя д'Обиньяка отсутствует. Это можно объяснить физической удаленностью, поскольку после смерти своего покровителя, племянника кардинала де Ришелье, аббат поселился в городе Немур и не участвовал в светской жизни. Однако гораздо более радикальная удаленность – отсутствие среди живых – не помешала Гере помянуть давно покойного Вуатюра²⁰¹. Более того, его нельзя заподозрить в излишней щепетильности и нежелании преувеличивать заслуги своих собратьев по Академии Дофина. Так, согласно ему, долиной Романа правит не одна госпожа де Скудери, эту привилегию делят с ней Ла Кальпренед и сьер де Воморьер. Стоит напомнить, что Пьер д'Ортиг, сьер де Воморьер, был автором романа «Сципион Великий» (1656), который пользовался достаточной популярностью, чтобы в конце 1650-х – начале 1660-х выдержать пару перепечаток. Но его литературный вес был несравним с известностью госпожи де Скудери или Ла Кальпренеда. А Гере упоминает его дважды – и в качестве романиста, и в качестве поэта²⁰². Такое внимание, безусловно, объясняется не только общим членством в Академии Дофина; Гере явно добивался покровительства более влиятельного собрата. Хотя Ортиг де Воморьер был крайне беден²⁰³, он принадлежал к благородному роду и мог иметь связи, не доступные для молодого адвоката.

²⁰⁰ *Aubignac F. H. d'. Macarise, ou La Reine des Isles Fortunées. Histoire allegorique. Par Messire François Hedelin, Abbé d'Aubignac. Paris: J. Du Brueil & P. Collet, 1664. T. I. Sig. ēiiiᵃ, ĩijᵃ.*

²⁰¹ *Guéret G. La Carte de la Cour. P. 37.*

²⁰² *Ibid. P. 44–45, 66.*

²⁰³ Позднее Ришле будет использовать его имя для иллюстрации того, сколь бедственно положение романистов. Воморьер фигурирует в статье

В этом контексте отсутствие имени д'Обиньяка приобретает особую значимость. Вполне очевидно, что Гере стремился завоевать расположение тех собратьев по перу, которые имели определенный вес в светских кругах. Так, сама по себе картографическая форма его сочинения могла быть интерпретирована как своеобразная дань уважения «божественной Сафо», тем более что ей отведено одно из почетных мест в литературном пантеоне. Но идея путешествия в Новый Свет напрямую отсылала к традиции аллегорических утопий, включая «Известие о королевстве Кокетства». Еще более примечательно то, как Гере обращается с Корнелем. Великий драматург, единственный обитатель города Комедии, рекомендован читателям как автор «Эдипа» (1659) и «Сертория» (1662)²⁰⁴. Не будем забывать, что именно эти трагедии подверглись резкой критике д'Обиньяка, причем «Третья диссертация», направленная против «Эдипа», вышла почти одновременно с «Картой двора». Последняя была отпечатана в начале июля (ее привилегия датирована 12 июня, тираж зарегистрирован 5 июля), а первая – в конце того же месяца (повторное использование привилегии помечено 24 июля²⁰⁵, а тираж – 27 июля). Это означает, что «Две диссертации» появились несколько раньше, и, учитывая склонность аббата к саморекламе, Гере вряд ли мог не знать о скором выходе третьей. Его отзыв об авторе «Эдипа» и «Сертория», безусловно, звучит как панегирик, и обе трагедии имели достаточный успех, чтобы их выбор не казался странным. Но, с учетом критики д'Обиньяка, позиция Гере приобретает

«Vocation», где приводится такой пример переносного (и иронического) использования этого слова: «Мне советовали сочинять романы, но у меня к этому нет никакого призвания [vocation]. Быть романистом – дурное ремесло, Вомуарьер, занимаясь им, помирает с голоду» (*Richelet P. Dictionnaire françois contenant les mots et les choses. P. 541*). Стоит отметить, что к моменту выхода Словаря Ришле (1680) Воморьер (или Вомуарьер – фамилия писалась по-разному) еще здравствовал, он умер в 1693 г.

²⁰⁴ Guéret G. La Carte de la Cour. P. 75–76.

²⁰⁵ При выпуске целого ряда изданий 1660-х годов д'Обиньяк использовал привилегию, которая была получена им 15 января 1656 г., когда он опубликовал «Оправдание Теренция». Публикуя свои диссертации, он лишь перерегистрировал ее, причем в случае первых двух типограф не стал указывать дату перерегистрации и окончания печати, поэтому можно сказать лишь, что издание вышло в первой половине 1663 г.

некоторую двусмысленность. Пытается ли он возразить аббату и потому упоминает те же названия, или, наоборот, скрытым образом выступает в его поддержку? Однозначный ответ дать невозможно, и это, по-видимому, была сознательная тактика молодого юриста. Она позволяла ему и засвидетельствовать почтение стареющему Корнелю, и намекнуть д'Обиньяку, что его критика учтена. Попутно заметим, что личные симпатии Гере, вероятно, были на стороне драматурга: весь набор приводимых имен и сочинений заставляет опознать в нем сторонника «новых», даже если не знать о его вкладе в знаменитую полемическую, выразившуюся в виде двух сатирических опусов: «Реформированный Парнас» (1668) и «Война древних и новых авторов» (1671).

Итак, «Карта двора» представляет собой попытку одновременного освоения и апроприации литературного и светского пространства²⁰⁶. Причем, как мы убедились, Гере до тонкостей знал специфику первого и в общих чертах представлял себе второе. Судя по тому вниманию, которое он уделяет Галантному двору, в особенности женской его части, он надеялся заручиться покровительством кого-то из окружения Генриетты Английской. Этот контраст между реальным знанием и конвенциональными представлениями особенно очевиден, если посмотреть на начальные этапы путешествия Гидаспа по Новому Свету. По сути, речь идет о процессе воспитания, где сперва особым образом тренируется тело (провинция Упражнений), а затем – те качества, которые необходимы для светского общения (провинция Изысканных Манер). Тут сочинение Гере воспроизводит традиционную траекторию, разработанную в многочисленных трактатах о формировании придворного начиная с классического труда Бальдассаре Кастильоне. Их топосы превращаются в локализуемые на карте местности: скажем, почти все тексты такого рода обсуждают, какого происхождения должен быть придворный, отсюда провинция Благородной Крови; какими навыками он должен обладать, отсюда провинции Упражнений и Изысканных Манер, и проч. Более того, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в качестве основной модели Гере должен был использовать известный трактат Николя Фаре «Достойный человек, или Искусство нравиться при дворе». На это указывает ряд общих топик, которые не обязательно присутствуют в других текстах.

²⁰⁶ Об их соотношении см.: Denis D. «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie. P. 179–189.

Так, Фаре критикует «праздную» жизнь благородного человека и указывает, что пребывание при дворе является его моральным долгом²⁰⁷; Гере осуждает Гидаспа за нежелание покидать свои деревни и занять полагающееся ему место при дворе. Фаре предостерегает, что честолюбцев там ожидает «тайный ад», поскольку они постоянно разрываются между страхом и надеждой²⁰⁸. Гере сообщает Гидаспу, что если тот захочет добиться должности, то надо плыть через залив Происков, мимо мыса Доброй Надежды (со всеми соответствующими этому географическому обозначению коннотациями), по проливу Соперников, который разделяет острова Надежды и Страх²⁰⁹. Оба придают большое значение занятиям словесностью, подчеркивают, сколь важную роль играют при дворе дамы и т. п.

Насколько неволен этот анахронизм? Можно, конечно, увидеть в нем еще один признак того, что Гере мало представлял себе действительное положение вещей и потому ориентировался на книжное знание. Однако он называет слишком много имен современников, чтобы подозревать его в неискушенности. Как мы убедились, адвокат был тесно связан с литературными кругами и вхож в парижские салоны, где, даже при вполне искреннем восхищении молодым королем, превалировали сложные чувства по отношению к его окружению. Стоит напомнить, что «Карта двора» вышла в свет во время процесса над Фуке, с которым были связаны многие из упомянутых в тексте персонажей начиная с Корнеля, посвятившего ему все того же «Эдипа». В «Карте двора», по-видимому, есть смутный намек на это событие. Во время плаванья по Великому морю Лувра путешественники должны опасаться острова Воспарения, поскольку именно об него разбиваются корабли неосмотрительных честолюбцев. Гере приводит эпиграфии трех из них: это дерзкий Лизис, несчастный Адраст и юный Эвримедон (ни один из псевдонимов не раскрывается)²¹⁰. Первый пустился в плаванье по бурному морю, был вознесен к небу волнами, а затем рухнул вниз; второй положился на попутный ветер, а не на рулевого, и потерял управление своим судном; третий, подобно Цезарю, решил бросить вызов ветрам, но, не обладая его удачей, также погиб.

²⁰⁷ *Faret N.* L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire à la Cour. P. 82–86.

²⁰⁸ *Ibid.* P. 73.

²⁰⁹ *Guéret G.* La Carte de la Cour. P. 86–89.

²¹⁰ *Ibid.* P. 49–50.

Поскольку история Фуке подразумевает взлет и падение, его, скорее, можно отождествить с Лизисом, хотя эта идентификация вполне условна, и не исключено, что Гере специально приводит три примера, чтобы избежать прямых параллелей. Его собственная позиция была не простой, учитывая возможную (или желаемую) близость к семейству Кольбера. Тем не менее, как и в случае конфликта между Корнелем и д'Обиньяком, он отказывается открыто принимать ту или иную сторону.

Отношение Гере к процессу над Фуке имеет для нас определенное значение, поскольку позволяет затронуть вопрос политической прагматики «Карты двора». Чем должно закончиться путешествие Гидаспа? Как выясняется, отнюдь не отправлением конкретных обязанностей или достижением важных должностей. Главный резон его пребывания при дворе состоит в возможности смотреть на государя:

Вы сможете созерцать вблизи и без спешки то солнце, которому мы обязаны всем нашим счастьем, или, если объясняться яснее, вы сможете лицезреть сего великого монарха, которому ваши деревни обязаны своим изобилием²¹¹.

Более того, Гере не советует своему герою стремиться в город Службы²¹², который в выстраиваемой «Картой» системе ценностей занимает едва ли не последнее место, поскольку упоминается после города Балета. Столь откровенная апология праздности придворного, который лишен каких-либо функций помимо поклонения «солнцу», заставляет подозревать присутствие скрытой иронии. В этом плане использование топосов из глубоко пессимистического и вполне практического трактата Фаре подчеркивает контраст между «тогда» и «сейчас». Фаре описывал ситуацию, в которой успех «человека достойного» зависел от его умения общаться с государем, вельможами, дамами и проч., то есть социабельность являлась одним из инструментов карьерного продвижения. У Гере полностью отсутствует идея коммуникации с властью: король исключен из светского общения, его можно только созерцать, а социабельность становится самоцелью. Молитвенное предстояние перед государем, о котором

²¹¹ Ibid. P. 93.

²¹² Ibid. P. 81.

позднее будет писать и Лабрюйер²¹³, приходит на смену более открытой позиции, ранее сформулированной маршалом де Монлюком, который (в связи с «игрой в выбивалы») так объяснял взаимодействие между монархом и придворными:

Тут ничего не поделаешь: отважные сердцем не должны сидеть дома, и коли хочешь согреться, так надо приблизиться к солнцу. Наше солнце – король; где бы мы ни были, нас всех освещают и согревают его лучи, и коли кто-то подошел к нему поближе, то надо запастись терпением, согласно девизу господина де Гиза «Всякому свой черед»²¹⁴.

Это сравнение монарха с солнцем отсылает не столько к «абсолютистской» модели правления, сколько к более архаическому этосу благородного сословия. С точки зрения последнего, пребывание рядом с государем является и нравственным императивом, и практическим способом продвижения личных интересов. Под пером писателей-моралистов начала XVII века такое двойное целеполагание переосмысливается в терминах почти трагического конфликта между сословными обязательствами и религиозно-нравственными требованиями. К примеру, Фаре рассматривал придворное существование как своеобразную жертву, которую благородный человек обязан принести своему государю, несмотря на все практические неудобства и духовные опасности²¹⁵. О том, что пребывание рядом с монархом является долгом, писал и автор «Разочарованного придворного», предостерегая от душевной привязанности ко двору, поскольку сердцем необходимо стремиться к «более возвышенным целям»²¹⁶. Несмотря на внешнюю бескорыстность подобной позиции, на деле она, не в меньшей степени,

²¹³ В неоднократно цитировавшемся отрывке из «Характеров», где речь идет о «неком крае», чьи жители «по-видимому, поклоняются государю, а государь поклоняется Господу» («О дворе» 74). Такое выражение благоговения безусловно травмирует молитвенную позу короля из парящего замка Клода Шапнюи, причем Лабрюйер предлагает расценивать его как «своеобразную субординацию» [une espèce de subordination].

²¹⁴ *Montluc B. de. Commentaires de Messire Blaise de Montluc. T. I. P. 214.*

²¹⁵ О позиции Фаре см.: *Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. С. 53–60.*

²¹⁶ *Le Courtisan désabusé. P. 117.*

чем простодушный цинизм Монлюка, отражала идею личного интереса или взаимозависимости правителя и дворянства, поскольку жертвенность последнего налагала на государя определенные обязательства. У Гере этот мотив переворачивается: Гидасп должен созерцать монарха и в силу собственного происхождения, и потому, что под лучами «солнца» его деревни процветают, то есть он находится в двойном долгу перед королем. Как мы видим, солярная метафорика не претерпевает изменений и продолжает использоваться в одних и тех же случаях (властитель сравнивается с солнцем²¹⁷), однако ее смысловые импликации довольно сильно расходятся в зависимости от контекста. Иначе говоря, общее место превращается в «поле битвы, в настоящий театр действий культурного противостояния»²¹⁸, где внешне ригидная форма высказывания маскирует вполне реальное столкновение нескольких – зачастую противоположных – точек зрения. Так, будучи практикующим правоведом и историком парижского Парламента, Гере, по-видимому, понимал, в каком направлении идут административные реформы, особенно учитывая его (вероятную) принадлежность к окружению Кольбера. Более того, насколько можно судить, он их поддерживал. При этом его актуальное знание социума (взаимосвязей внутри литературных и даже придворных кругов) шло вразрез с его же вполне архаическим представлением об институции, абстрагированным от живых отношений (город Службы и проч.). В итоге предлагаемая им модель «карты» *de facto* противостоит иерархической логике этикета, постепенно разрабатываемого и совершенствуемого Людовиком XIV. Можно сказать, что пресловутое «знание карты» отражает тут не только традиционную для XVII столетия любовь к таксономии и к перечислению реальных и риторических «мест», но и отчетливое предпочтение горизонтальных социальных связей.

²¹⁷ Напомним, что сравнение с солнцем не было исключительной привилегией монархов (тем более, как мы уже убедились, Людовика XIV): подобным образом описывался и кардинал де Ришелье, и некоторые другие влиятельные фигуры.

²¹⁸ *Scholar R.* Le Je-ne-sais-quoi: Enquête sur une énigme. P. 40. Естественно, в цитируемом отрывке речь идет о выражении «je-ne-sais-quoi», однако это наблюдение, по-видимому, применимо к ряду общих мест классической эпохи.

В свое время Л.П. Хартли заметил: «the past is a foreign country, they do things differently there» [прошлое – чужая страна, там все делается по-другому]. Эта строчка из его романа «Посредник» (1953) стала крылатым выражением и дала название, по крайней мере, одному заметному исследованию: книге Дэвида Лоуэнтала о взаимодействии прошлого и настоящего²¹⁹. Метафора, сводящая воедино время и пространство, подменяющая историю географией, оказалась удивительно созвучна современному «антропологическому» уклону в сфере гуманитарного знания, все чаще обращающегося к непосредственному человеческому опыту. Слова Хартли позволяют задуматься не только о том, в какие риторические формы мы облакаем идею прошлого, но и о культурно-семантической нагрузке второго компонента сравнения. «Чужая страна» в равной степени апеллирует и к личным туристическим впечатлениям, и к литературной традиции записок путешественников, травелогов, рассказов о блаженных островах и проч. При некотором желании в ней можно разглядеть отблеск действительно иного – перевернутого, потустороннего – мира, где «все делается по-другому»²²⁰.

Устойчивое уподобление королевского двора «некой стране», встречающееся во французских текстах XVII века, структурно и лексически напоминает слова Хартли. Хотя прямой связи между ними, скорей всего, нет, ассоциация возникает неслучайно. Заложенный в формуле «la cour est un pays» эффект дистанцирования от привычного («остранения») связан со специфической оптикой, когда предельно близкое и понятное описывается как чуждое и удаленное. Исследователи культуры раннего Нового времени в таких случаях говорят о «моралистической антропологии»²²¹. Конечно, у объективирующего взгляда

²¹⁹ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2004. Оригинальное издание вышло в 1985 г.

²²⁰ Ср. с известным замечанием Ильфа о том, что «заграница – это миф о загробной жизни» и «последний город – это Шепетовка, о берега которой разбиваются волны Атлантического океана» (Ильф И. Записные книжки 1925–1937. Первое полное изд. / Сост. и коммент. А.И. Ильф. М.: Текст, 2000. С. 294, 223).

²²¹ См.: Delft L. van. Littérature et antropologie.

XVII века мало общего с современным пониманием антропологического подхода, хотя исток их един: эпоха Великих географических открытий, знакомство с новыми, ранее неизвестными народами, побудившая европейские культуры переосмыслить собственное место в общемировом порядке. И если на пороге классической эпохи Монтень отстаивал разумность обычаев каннибалов (I, 31), то уже в начале следующего века Монтескье посмотрит на Европу глазами воображаемых персидских путешественников. Приравнение двора к «некой стране», безусловно, принадлежит к этой же культурной и литературной традиции.

Если продолжить параллель с XX столетием, то, в отличие от цитаты из Хартли, выражение «*la cour est un pays*» имеет безавторский характер: это общее место эпохи со всеми сопутствующими такому типу высказывания эстетическими и этическими особенностями. Кроме того, перед нами принципиально разомкнутая риторическая конструкция, провоцирующая дальнейшую разработку и конкретизацию исходного сравнения («двор – это страна, где...»). Она моделирует определенный тип описания и, в более широком смысле, восприятия двора, значение которого, как мы убедились, выходит за рамки чисто литературной сферы. Еще не став «нацией» (одно из ключевых слов революционной эпохи), подданные французского короля уже смотрят на его окружение как на чуждую им сферу, уподобляясь путешественникам, взирающим на неведомые земли. Потенциальный антагонизм между двором и обществом, конечно, фиксирует не только интересовавшая нас формула. В начале 1950-х годов Эрик Ауэрбах привлек внимание к устойчивому словосочетанию «*la cour et la ville*» [двор и город], которое многократно повторяется во французских источниках второй половины XVII столетия²²². По мнению исследователя, его появление свидетельствовало об усложнении структуры общества. Для описания последнего уже не хватало традиционных категорий: так, «двор» не был равен благородному сословию, поскольку важную роль в нем могли играть люди не самого высокого происхождения (вспомним хотя бы министров Людовика XIV: династии Кольберов, Ле Телье – Лувуа и проч.). Точно так же «город» – Париж – нельзя было идентифицировать с третьим сословием, поскольку тон в нем

²²² Эта статья вошла в его сборник 1951 г. Я цитирую ее по английскому переводу: *Auerbach E. "La Cour et la Ville" // Auerbach E. Scenes from the Drama of European Literature. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1973. P. 133–179.*

задавали не только крупные магистраты и мелкие лавочники, но и опальные вельможи. Иными словами, выражение «la cour et la ville» фиксировало возникновение новой социокультурной реальности, а именно сближения различных страт за счет общего образа жизни и сходства интересов. Наглядным индикатором этого процесса может служить феномен театральной публики, анализу которого посвящена большая часть статьи Ауэрбаха. Заметим, что его аргументация оказала существенное влияние на дальнейшие исследования публичной сферы, включая известный труд Хабермаса²²³.

Однако если обратиться к конкретным случаям использования фразеологизма «la cour et la ville» в текстах эпохи, то многие из них, очевидно, оказываются связаны с вполне традиционной ценностной иерархией (двор выше столицы, а та – провинции, и проч.). Как писал Лабрюйер, «город отвращает от провинции, двор заставляет разочаровываться в городе и излечивает от двора» («О дворе» 101). Это не отменяет справедливости выводов Ауэрбаха, но указывает на присутствие в выражении нескольких возможностей. В одном контексте значим сам факт отделения «двора» от «города», в другом – их совокупное присутствие. Позволим себе еще одно теоретическое отступление. Почти одновременно с Ауэрбахом французский лексикограф Жорж Маторе в своем «Метод в лексикологии» (1953) попытался описать механизм взаимодействия языка (в особенности, словарных новшеств) и историко-культурной реальности. Для этого он предложил различать среди новообразований «слова-ключи» и «слова-свидетельства». Первые соотносятся с выдвигаемыми обществом идеалами: скажем, такова важнейшая для XVII века концепция «honnête homme» [человек достойный]. Вторые – с изменением исторических реалий, о котором сигнализирует появление неологизмов (например, англицизм «соке» [кокс], пришедший во Францию в 1770-х годах, указывает на начало индустриальной революции)²²⁴. Как легко заметить, подобная дифференциация во многом зависит от точки зрения исследователя на изучаемое общество, а потому в чистом виде не слишком функциональна. Тем не менее, она мне кажется полезной в качестве комплексной

²²³ См.: *Merlin-Kajman H. Public et littérature en France au XVIIe siècle.* Paris: Les Belles Lettres, 2004. P. 24–28.

²²⁴ *Matoré G. La méthode en lexicologie: domaine français.* Paris: Didier, 1953. P. 65–70.

модели. Если вернуться к выражению «la cour et la ville», то его иерархический аспект, безусловно, отсылает к общественным идеалам определенной эпохи. Но, одновременно, сам факт его возникновения фиксирует изменение исторической реальности, о чем писал Ауэрбах. Иначе говоря, в нем как бы два смысловых уровня, один из которых можно назвать «идеальным», а другой – «свидетельским».

В этой двойственности, по моему мнению, состоит специфика функционирования общих мест классической эпохи. Их формульный характер соответствует риторическому и политическому идеалу стабильности, в высшей степени актуальному для эпохи Людовика XIV. Однако их происхождение и реальный – в противоположность идеальному – узуз, как правило, демонстрируют значительный уровень нестабильности и в том, что касается формы, и в том, что относится к семантике. Другое дело, что нестабильность эта выражается специфически. В ситуации, когда, по словам Лабрюйера, уже «все сказано» («О произведениях ума» 1), важную роль начинают играть не столь чувствительные для современного читателя отклонения – изменение порядка слов, артикля или предлога. Если говорить о более общем уровне, то существенное значение имеет конфигурация топосов, способы их стыковки и положение внутри текста, поскольку все эти элементы способны нести в себе полемический заряд.

Уподобление двора «некой стране», может быть, более наглядно, чем другие идиомы, обнаруживает эту внутреннюю динамику стабильности / нестабильности, поскольку оно включает устойчивый зачин «la cour est un pays» и более или менее свободные вариации на заданную тему. Впрочем, как мы убедились, их спектр ограничен если не лексически, то этически и эмоционально. За редкими исключениями, «географические» описания двора предполагают его негативную оценку. Так, к уже приводившимся примерам можно добавить, что аббат де Бельгард в своих «Образцах разговоров для учтивых людей» (1697) писал: «La Cour est un país incomprehensible <...>, on n'y est pas toujours agréable avec de rares talents, un grand mérite & de grands services» [Двор – непонятная страна, где редкие таланты, высокое достоинство и большие заслуги не всегда встречают одобрение]²²⁵.

²²⁵ *Bellegarde J.B.M. de. Modèles de conversation pour les personnes polies par M. l'abbé de Bellegarde. Troisième édition. Paris: Chez Jean & Michel Guignard, 1701. P. 69*

В «Краткой истории Франции» (1713) преподобный Габриель Даниэль, рассказывая о правлении Карла Лысого, рассуждал: «La Cour est un País où la calomnie ose tout, & où la politique dissimule tout» [Двор – это страна, где клевета осмеливается на все, а политика все покрывает]²²⁶. А уже в середине XVIII столетия граф де Кайлюс в одной из своих повестей заметит: «La cour est un pays où l'on ne pardonne rien» [Двор – это страна, где ничего не прощается]²²⁷. Этот список легко продолжить. В тех немногих случаях, когда авторы используют менее мрачную палитру, их краски не внушают доверия. К примеру, в «Серьезных и комических забавах» (1699) Шарль Дюфрени утверждает: «La Cour est un pays très amusant. On y respire le bon air; les avenues en sont riantes, d'un abord agréable. Elles tendent toutes à un seul point. Et ce point, c'est la fortune» [Двор – весьма забавная страна. Там дышат хорошим воздухом, пути его радостны, их вид приятен. Все они стремятся к одной точке, и эта точка – фортуна]²²⁸. Уже привычная для нас языковая игра («bon air», конечно, указывает не только на качество воздуха, но и на хорошие манеры) подчеркивает внутреннюю связь этого высказывания с фарсовыми характеристиками двора в текстах XVI века. Хотя, в отличие от них, Дюфрени не допускает откровенных грубостей, он также строит свое описание на контрасте между видимой (тут – стилистической) приятностью и сущностным прагматизмом придворного мира. Не замечать этой двойственности может только такой наивный персонаж, как юная героиня из «Принцессы Наваррской» (1745) Вольтера, восторженно восклицающая: «On m'a dit que la cour est un pays si beau!» [Мне говорили, что двор – столь прекрасная страна!] (II, 2)²²⁹.

Негативный потенциал, который, несомненно, заложен в интересующем нас сравнении, указывает на его принадлежность к риторической

²²⁶ *Daniel G. Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie françoise dans les Gaules. Dediée au Roy, par le P.G. Daniel, de la Compagnie de Jesus. Paris: D. Marriette, 1713. T. I. P. 676.*

²²⁷ *Caylus A.C. Ph. de. Bleuette et Coquelicot // Caylus A.C. Ph. de. Œuvres badines complottes du comte de Caylus. Amsterdam: Visse, 1787. T. II. P. 110.* Первая публикация сочинения датируется 1741 г.

²²⁸ *Rivière-Dufresny Ch. Entretiens ou amusements sérieux et comiques par Rivière-Dufresny, publiés par D. Jouaust. Paris: D. Jouaust, 1869. P. 10.*

²²⁹ *Voltaire. Œuvres complètes de Voltaire. [Kehl]: la Société littéraire-typographique, 1785. T. IX. P. 95.*

и духовно-моралистической традиции «*menosprecio de corte*» [презрения ко двору]. Напомним, что это наименование дал ей трактат «Презрение ко двору и похвала сельской жизни» (1539) испанского епископа Антонио де Гевары, пользовавшийся необычайной популярностью во второй половине XVI – начале XVII столетия. По справедливому замечанию Питера Берка, его можно охарактеризовать как собрание общих мест, почерпнутых из античных и средневековых текстов²³⁰. С их помощью ученый хронист Карла V стремился убедить своих читателей, что человеку благородному лучше оставить двор и жить в своих землях, где больше свободы, комфорта и возможностей подумать о спасении души. Уже в 1542 году «Презрение ко двору» было переведено на французский язык Антуаном Алегром, и до конца века вышло несколько десятков его переизданий²³¹. Заимствования из него, будь то прямые цитаты или перифразы, можно найти в большинстве французских сочинений соответствующей тематики конца XVI – начала XVII столетия. Обычно они никак не маркированы, и могут быть легко приняты за выражение личной точки зрения автора. Так, к примеру, произошло с сатирой «Удалившийся от дел придворный» Жана де Ла Тайя. Пока Полин Смит не показала, что, по сути, это стихотворное переложение трактата Гевары²³², исследователи были склонны видеть в ней непосредственное описание злоключений поэта при дворе Генриха II.

«Презрение ко двору», конечно, было не единственным источником вдохновения для «антипридворных» настроений. Скажем, в трактате с характерным названием «Театр мира, где представлена обширная речь

²³⁰ *Burk P.* The Fortunes of the *Courtier*. P. 111.

²³¹ Полин Смит насчитывает 26 французских изданий перевода Алегра, вышедших в период между 1542 и 1568 гг. (*Smith P.M.* The Anti-Courtier Trend in Sixteenth Century French Literature. P. 33). По-видимому, часть из них являлась допечатками или антологиями, так как, по крайней мере с 1545 года, текст Гевары публикуется с набором других произведений о дворе (см., например: *Le Mespris de la court, avec la vie rustique. Nouvellement traduit d'espagnol en francoys. L'Amye de court; la Parfaicte amye; la Contreamye; l'Androgyne de Platon; l'Expérience de l'amy de court contre la contreamye.* Paris: J. Ruelle, 1545).

²³² *Smith P.M.* The Anti-Courtier Trend in Sixteenth Century French Literature. P. 165.

о людских бедствиях» (1558), Пьер Боэстю указывал, что в вопросах невзгод придворного существования авторитетом считается не только Гевара, но и «Эний Сильвий» (Пикколомини, впоследствии папа Пий II)²³³. Парадоксальным образом к этим именам можно добавить Кастильоне. Его «Придворный» оставался точкой отсчета практически для всех, кто брался писать о дворе, вне зависимости от отношения к проповедуемой им доктрине²³⁴. Кроме того, как мы уже убедились, некоторые читатели видели в нем своеобразное самоизобличение «итальянца»²³⁵. Такой опыт «неправильного прочтения» (пользуясь терминологией Харольда Блума) имел менее выраженный идеологический характер, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в своем сочинении Кастильоне использовал ряд общих мест, которые были хорошо известны публике. К примеру, во второй книге, где обсуждаются трудности положения молодого придворного, ему предлагается подстраиваться под «нравы тех, с кем

²³³ *Boaistuau P. Le Theatre dv monde. P. 47^{r-v}.*

²³⁴ См.: *Burk P. The Fortunes of the Courtier. The European Reception of Castiglione's Cortegiano. P. 122–125.* Вопрос о литературных и личных отношениях Кастильоне и Гевары остается открытым. Скорее всего, они встречались при дворе Карла V, где Кастильоне находился с дипломатической миссией. Однако свидетельств их прямого знакомства нет, как нет и текстуальных подтверждений тому, что «Презрение ко двору» написано в пику «Придворному», хотя современники и потомки воспринимали его именно так.

²³⁵ Попутно заметим, что трактат Кастильоне был «офранцужен» Жаком Коленом в 1537 г. (два издания, в Париже и в Лионе) и, судя по скромному числу переизданий (всего два, в 1538 и 1540 гг.), настоящего успеха не имел. Об этом же свидетельствует тот факт, что в 1580 г. Габриель Шапнюи (племянник известного нам Клода) счел необходимым представить публике новую версию «Придворного», поскольку французы «ранее его не слишком почитали» (*Castiglione B. Le Parfait covrtisan dv comte Baltasar Castillonnois, es deux Langues, respondans par deux colonnes, l'vne à l'autre <...> de la traduction de Gabriel Chapvis Tourangeau. Paris: N. Bonfons, 1585. Sig. ãiiij^v*). За два десятилетия перевод Шапнюи выдержал примерно пять переизданий (см.: *Traité de savoir-vivre en Italie. Sous la dir. de Alain Montandon. Clermont-Ferrand: Presses Univ. Blaise Pascal, 1993. P. 311*), но есть подозрение, что даже такое достижение объясняется билингвальным характером издания, которое могло использоваться для изучения итальянского языка.

имеешь дело»²³⁶. О подобной необходимости в предшествующем столетии писал Пикколомини в своем послании «О бедствиях придворной жизни» («De Curialium Miseriis»), датированном 1444 годом (опубл. в 1473 г.). Прочитируем соответствующий пассаж в изложении Боэстюо:

Il faut obeyr à tous, alterer & changer du tout sa nature, estre seure avec les seueres, triste avec les tristes, & quasi se transformer en la nature de celuy à qui ilz veulent plaire ou n'avoir rien²³⁷.

Следует подчинять себя кому угодно, во всем изменять и извращать свою натуру, быть суровым с суровыми, печальным с печальными, и

²³⁶ *Castiglione B.* Le Parfait covrtisan. P. 189. Ср. с более поздним изложением этой доктрины в трагикомедии «Совершенный придворный» (1668), действие которой происходит при урбинском дворе, но после кончины герцога. «Il faut qu'un Courtisan sans celle dissimule, / Il faut qu'il s'étudie à feindre chaque jour, / Il doit former ses mœurs sur celles de la Cour, / Prendre bien de chacun l'air & le caractere, / Sans paroistre jamais de sentiment contraire: / Estre un adroit flateur, & pour se faire aimer, / En tous ceux qu'il frequente, il se doit transformer, / Imiter leurs façons, leur humeur, leur langage, / Sans paroistre jamais, ny plus fou, ny plus sage» [Необходимо, чтобы придворный постоянно скрытничал, / Чтобы всякий день он упражнялся в притворстве, / В своих нравах он должен следовать за двором, / Точно оценивать дух и характер каждого, / И никогда не высказывать противных им мнений; / Быть умелым льстецом, и, чтобы заставить себя полюбить, / Он должен преобразаться в тех, с кем имеет дело, / Имитировать их манеры, нрав, язык, / Никогда не обнаруживая ни большей глупости, ни большего ума] ([*Gilbert*]. Le Courtisan parfait. Tragicomédie par Monsieur D. G. L. V. T. Grenoble: I. Nicolas, 1668. P. 26). Любопытно, что эти слова вложены в уста Аретино (а отнюдь не Кастильоне, которого в пьесе нет), репутация которого усиливает цинизм высказывания.

²³⁷ *Boaistuau P.* Le Theatre dv monde. P. 45^v–46^r. Ср. с оригиналом: «Oportet in curiis obsequi omnibus, communicare quod habes, seruire temporibus, uersare naturam tuam et regere necnon ad tempus huc et illuc torquere et flectere, cum tristibus seure, cum remissis iocunde, cum senibus graviter, cum iuuentute comiter, cum facinorosis audacter, cum libidinosis luxuriose uiuere. Quod nisi feceris nec magnus in curia nec diuturnus esse poteris». Цит. по: *Smith P.M.* The Anti-Courtier Trend in Sixteenth Century French Literature. P. 73. Как указывает исследовательница, этот же пассаж в слегка переработанном виде присутствует у Жана Л'Эпина дю Понтале в «Возражениях Пустомечтателя» (1530).

почти преобразовать себя в соответствии с натурой того, кому они хотят угодить, или же ничего не добиться.

Но Пикколомини в данном случае также не самостоятелен, поскольку эти слова принадлежат Цицерону и взяты из его речи в защиту Марка Целия Руфа («Pro Cœlia»), где ими характеризуется Катилина²³⁸ (который, попутно отметим, *de facto* становится прототипом царедворца). Таким образом, когда Кастильоне ратовал за умение подстраиваться под других, он превращал в добродетель то, что до него считалось одним из главных пороков придворной жизни. Само по себе требование повышенной психологической гибкости остается неизменным что у Пикколомини, что у Кастильоне, но его значение полностью переосмысливается²³⁹. Судя по яростному сопротивлению, которое вызывал «Придворный» у заметной части читательской аудитории XVI–XVII веков, подобная переработка общих мест воспринималась болезненно, отсюда постоянные обвинения автора во лжи, фальши и т. д. В этом плане появление «Презрения ко двору» и аналогичных ему трудов как бы восстанавливало нарушенный порядок вещей, возвращая избитые истины в привычный контекст.

Уподобление двора «некой стране» не входит в число топосов, представленных у Гевары и или у Кастильоне и вместе с их сочинениями перекочевавших во французскую словесность. Испанский епископ использовал метафору театра, приравняв двор к комическим

²³⁸ Катилина «умел изменять свой природный характер и владеть собой при любых обстоятельствах, был гибок и изворотлив, умел с суровыми людьми держать себя строго, с веселыми приветливо, со старцами с достоинством, с молодежью ласково; среди преступников он был дерзок, среди развратников расточителен» (*Цицерон М.Т. Речи*: В 2 т. Т. II: (62–43 гг. до н. э.) / Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 159). Зависимость Пикколомини от Цицерона отмечена в изд.: *Lemaire J.Ch. La traduction en moyen français de la lettre anticuriale De curialium miseris epistola d'Ænas Silvius Piccolomini*. Lille: Septentrion, 2007. P. 162.

²³⁹ См. также знаменитый пример с военным, который при общении с дамами оказывается неспособен выйти за рамки своего призвания: *Кастильоне Б. Придворный* / Пер. О.Ф. Кудрявцева // *Сочинения великих итальянцев XVI в.* / Сост. Л.М. Брагина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 204. См. также: *Неклюдова М.С. Искусство частной жизни*. С. 34–41.

подмосткам²⁴⁰. Правда, сделал он это в менее известном трактате «Совет фаворитам и поучение придворным», который был опубликован вместе с «Презрением ко двору» в 1539 году. Его французский перевод вышел существенно позже, в 1556 году, и перепечатывался только пару раз. Переводчик, Жак де Рошмор, изменил оригинальное название на «Придворного фаворита», вероятно убоявшись писать о любимцах государя во множественном числе, тем более что свой труд он посвятил одному из них – могущественному коннетаблю де Монморенси. В отличие от «Презрения ко двору», этот текст действительно содержит практические рекомендации (скажем, когда следует отдавать визиты министрам или фаворитам, надо ли это делать, если они заняты, больны, отличаются необщительностью, и проч.), хотя его вступительная часть опять-таки посвящена описанию тягот придворной жизни. Среди последних фигурирует невозможность заслужить одобрение окружающих: какой бы манеры поведения ни придерживался человек, ему не избежать осуждения. Если он усердно посещает знакомых, его назовут надоедливым и докучным, если держится в стороне – лицемером, и т. д. Именно поэтому, говоря словами Рошмора, «la Court se peut à bon droit nommer vn Theatre ou l'on se moque les vns des autres, & toutesfois à la fin presque tous se trouuēt moqués en icelle»²⁴¹ [двор по праву можно называть подмостками, где одни насмеяются над другими, и, в конце концов, почти все оказываются осмеяны]. Из «Придворного фаворита» этот образ попадает в «Удалившегося от дел придворного», который, стоит добавить, находится в прямой зависимости от обоих трактатов испанского епископа:

²⁴⁰ «...la corte es vn teatro do vnos de otros burlan, y al fin andan alli todos burlados». *Guevara A. de. Menosprecio de Corte y alabanza de aldea: En en qual se tocan muchas y muy buenas doctrinas, para los hombres que aman el reposo de sas casas, y aborrecen el bullicio de las Cortes. Copilado por el Illustre y Reuerendissimo señor Don Antonio de Gueuara. Barcelona: H. Margarit, 1613. P. 106*. Французский и русский перевод см. ниже в тексте.

²⁴¹ [*Guevara A. de*]. *Le favory de la court. Nouuellement traduit de l'Espagnol en Françoÿ par maistre Iaques de Rochemore. Lyon: G. Roville, 1556. P. 64*. Как отмечает Маторе, франц. «theatre» в конце XVI – начале XVII вв. означает скорее «помост, предназначенный для представлений», чем «сцена» или, тем более, «театральное здание». См.: *Matoré G. Le vocabulaire et la société du XVIe siècle. P. 185*.

La Cour est un théâtre où nul n'est remarqué
Ce qu'il est, mais chacun s'y mocque estant moqué:
Où fortune jouant, de nos estats se joue.
Qu'elle tourne & renverse & change avec sa roue²⁴².

Двор – подмостки, где никто не бывает отмечен
За то, каков он есть, но всякий высмеивает других и сам осмеян;
Где фортуна играет нашими состояниями,
Оборачивая, опрокидывая и меняя их поворотом своего колеса.

Любопытно, что у Гевары в соответствующем месте нет упоминания колеса Фортуны. Перед нами еще один случай возвращения топоса в привычный контекст, поскольку исходная метафора (*theatrum mundi*) часто согласуется с констатацией непредсказуемости и изменчивости человеческого жребия. Скажем, в стихотворении Ронсара, написанном в качестве эпилога к одному из театральных представлений в Фонтенбло (опубл. в 1565 г.), сопряжение «театра» и «Фортуны» как раз служит для характеристики мира в целом:

Le monde est le Théâtre, & les hommes, acteurs.
La fortune qui est maîtresse de la Scène
Apreste les habitz, & de la vie humaine
Les cieux & les destins sont les grands spectateurs²⁴³.

Мир – подмостки, а люди – актеры.
Фортуна, будучи распорядительницей сцены,
Предоставляет наряды, и человеческой жизни
Главные зрители – небеса и судьбы.

И еще один важный момент. Когда Гевара и его подражатели модифицируют метафору *theatrum mundi*, то тем самым они устанавливают метонимическую связь между «миром» и «двором». Причем «мир» в данном случае подразумевает именно земную твердь: не будем забывать, что латинским термином «*theatrum*» в XVI веке называли сборники

²⁴² *La Taille J. de. Œuvres. P. xxxv.*

²⁴³ *Ronsard P. de. Œuvres complètes. T. XIII: La promesse (1564). Le procès (1565). Elégies, mascarades et bergerie (1565). Les nues ou Nouvelles (1565), éd. critique avec introd. et comment. par Paul Laumonier. Paris: M. Didier, 1948. P. 212.*

географических и космографических карт. Уподобляя двор «театру», авторы испытывают потребность соотнести новый образ с более традиционным. Рефюж, к примеру, писал: «Toutes fois pource que la Cour est vn theatre haut esleué & exposé à la veue de tout le monde, l'on y remarque mieux les jeux de la fortune»²⁴⁴ [Ибо в силу того, что двор – высоко вознесенные подмостки, выставленные на обозрение всего света, там заметнее всего игры Фортуны]. Иерархический принцип (двор «выше» прочих общественных структур) находит воплощение в идее высокой сцены; все происходящее на ней приобретает образцовый характер хотя бы по причинам лучшей видимости. Однако примечательно другое: метафора *theatrum mundi* распадается на две составляющих, где двор становится сценой, а народ – зрителем²⁴⁵. Иными словами, двор-театр оказывается локализован внутри мира-театра (еще одна вариация барочной темы «театра-в-театре»), что, по-видимому, способствует формированию образа «страны» как следующего звена ассоциативной цепочки (если мир равен театру, а двор – театральным подмосткам, то он соотносится с миром как часть с целым).

Как и уподобление двора морю, метафора «la cour est un théâtre» объединяет в себе мотивы тягостной изменчивости и зависимости. С одной стороны, придворное существование характеризуется причудами Фортуны, стремительной сменой декораций (в марте 1663 года Патен писал об изменении «сцены и театра двора»²⁴⁶), «игрой в вы-

²⁴⁴ [Refuge E. de]. Traicte de la cour ou Instruction des courtisans. P. 3. Ср.: «La Cour est le theatre de la fortune» [Двор – театр Фортуны]. Le dictionnaire de l'Académie françoise. T. I. P. 480.

²⁴⁵ Ср. с более поздним преломлением этого мотива в стихотворной «Карте Парижа» преподобного Ле Муана: «La Cour est vn Theatre, où les Princes Acteurs / Donnent la Comedie aux Peuples Spectateurs» [Двор – подмостки, на которых актеры-государы / Разыгрывают спектакль перед народом-зрителем]. Несколькими строками ниже появляется Фортуна, распределяющая между актерами соответствующие костюмы. *Le Moune P. Entretiens et lettres poétiques*. P. 66.

²⁴⁶ Интересно, что эта формула опять-таки связана с рассказом о жизни Делорма (см. выше примеч. 92). Речь идет о «дне Одураченных» [journée des Dupes], окончательно упрочившем положение кардинала де Ришелье. Патен пишет: «enfin la Scène & le Théâtre de la Cour étant changés...» [наконец, после изменения сцены и театра двора...]. *Patin G. Lettres choisies*. T. II. P. 539.

бывалы»²⁴⁷. С другой – вынужденным «извращением природы», уже знакомым нам по «Театру мира» Бозэстю (а также Пикколомини, и проч.) и «Удалившемуся от дел придворному» Жана де Ла Тайя, где оно имеет более выраженный физиологический оттенок (царедворец должен «поститься, когда надо бы поесть», и т. д.²⁴⁸). Насилие над собственной природой лежит в основе придворного лицедейства, поскольку, подобно актеру, царедворец совершает лишь намеренные действия:

La Cour est un theatre où l'on void à toute heure,
Tantost quelqu'un qui rit, tantost quelqu'un qui pleure,
La Cour est un theatre, où l'on voit tous les ans
Iouïer diuuersement les pauures Courtisans. <...>
La Cour est un theatre, où l'on void le plus sage
Pour viure en courtisan iouïer ce personnage,
Se trouuer au lever de ceux, dont la faueur,

²⁴⁷ Напомним, что, по выражению Беняня Пуассено, двор – это «подмости, на которых на разные лады играют в выбивалы» [un theatre où l'on joue au boutehors à toute façon]. *Poissenot B. L'Esté*: 1583. P. 98.

²⁴⁸ Описание неудобств придворного существования играет важную роль в «Презрении ко двору», однако сходство выражений в текстах Бозэстю и Ла Тайя («changer... sa nature» / «forcer sa nature») позволяет предположить, что последний мог быть знаком с «Театром мира». Ср. с более поздним преломлением мотива в сонете Сен-Мартена, начинающемся строками «Servir le Souverain, ou se donner un Maistre; / Dépendre absolument des volontez d'autrui», где также присутствует перечень физических тягот: «Manger toujours fort tard, changer la nuit au jour; / N'avoir pas un ami, bien que chacun on baise; / Etre toujours debout, & jamais à son aise» [Всегда есть поздно, превращать ночь в день; / Не иметь ни единого друга, хотя со всеми обниматься; / Всегда быть на ногах, и никогда не чувствовать себя принужденно]. *Recueil de vers choisis par la R.P. Bouhours*. Paris: G. & L. Josse, 1693. P. 181. Интересно, что в очень точном переводе С.А. Тучкова (1789) («Быть предану властям и оным лишь служить, / Зависеть от других и воли не иметь») последнее из упомянутых неудобств из физического превращается в нравственное: «Казать веселый вид, спокойствия ж не зреть». Об «инфинитивной» традиции, к которой принадлежит сонет Сен-Мартена, см.: *Жолковский А.К.* Русское инфинитивное письмо на rendez-vous: Фет/Мюссе // *De la littérature russe: mélanges offerts à Michel Aucouturier* / Ed. Catherine Depretto. Paris: Institut d'études slaves, 2005. P. 34–49.

Bastit, & debastit des hommes la grandeur;
Faire la mine à l'un & montrer bon visage
A tel que l'on voudroit voir mort dans le courage²⁴⁹.

Двор – подмостки, на которых всякий час мы видим,
Что один рыдает, а другой – смеется;
Двор – подмостки, на которых всякий год мы видим,
Как несчастные придворные по-разному играют свои роли <...>.
Двор – подмостки, на которых мы видим, что самый разумный
человек,
Чтобы жить, как придворный, вынужден играть такого персонажа:
Присутствовать при пробуждении тех, чей фавор
Создает и разрушает величие других людей;
На одного смотреть хмуро, и любезно на того,
Кого, если бы достало смелости, хотели бы видеть мертвым.

Как можно видеть, в своей элегии Клод де Треллон создает эффект театрального представления, пуская в ход риторические повторы, ставя рядом противоположные эмоции и подчеркивая нарочитость реакций придворного, чье лицо выполняет функции маски (см. выражения «faire la mine à quelqu'un», «montrer bon visage»). При этом одновременное присутствие смеха и слез связано не только с идеей переменчивости земного существования (и, конечно, с двумя основными театральными жанрами, комедией и трагедией), но и с конкретным тропом, часто встречающимся в описаниях двора. Один из его вариантов мы находим у Бозэстю, который констатирует:

Il fault qu'ils obeissent & obtemperent à tous commandemens, iustes ou injustes, qu'ils se contraignent de rire quand le prince rit qu'ils pleurent quand il pleure, approuuent ce qu'il approuue, qu'ilz condamnent ce qu'il condamne²⁵⁰.

²⁴⁹ *Trellon C. de*. Le Cavalier parfait, du sieur de Trellon. Où sont comprins toutes ses oeuvres, divisees en quatre liures. Lyon, chez Pierre Rigaud, 1614. P. 265^r. Первая публикация датируется 1597 г.

²⁵⁰ *Boaistuau P*. Le Theatre dv monde. P. 45^v. Эти слова предшествуют процитированному выше заимствованию из Пикколомини / Цицерона. Как и у Треллона, у Бозэстю также присутствует мотив «убийственной любезности», когда за вежливыми формами общения скрывается желание физически уничтожить собеседника: «Beaucoup à la court t'ostèt le bonnet, qui te

Они <придворные> должны подчиняться и повиноваться любым повелениям, праведным и неправедным, принуждать себя смеяться, когда смеется государь, плакать, когда он плачет, одобрять то, что он одобряет, и осуждать то, что он осуждает.

Если наша догадка справедлива, то весь арсенал используемых Треллоном средств призван создавать впечатление полумеханического существования. Действительно, по мере угасания сочувствия к «несчастливым придворным», которое достаточно сильно у авторов XVI века, метафора театра начинает разворачиваться в сторону машинерии, сперва театральной, а потом вполне абстрактной. Отсюда образ людей-пружин, частичек механизма («les gens sont de simples ressorts») в «Похоронах львицы» Лафонтена, или уподобление придворного часовой стрелке у Лабрюйера («О дворе» 65). Попутно заметим, что в «механическую» категорию попадают также все анималистические сравнения: не будем забывать, что Декарт видел в животных подобие автоматов. Любопытный синтез всех трех компонентов (двор как театр, как страна и как механизм) присутствует в пьесе Жана-Шарля-Франсуа Эно «Франциск II», который в 1747 году так представлял себе беседу придворных XVI столетия:

Madame, le Maréchal de Brissac se trouve ici dans une Terre étrangere; la Cour est un pays qu'il ne faut pas quitter un seul jour si l'on veut s'y reconnoître, la surface reste à-peu-près la même, mais les ressorts en changeant à tous les momens²⁵¹.

Мадам, маршал де Бриссак находится тут на неведомой ему территории; двор – это страна, которую нельзя оставлять ни на день, если хочешь в ней ориентироваться, внешний вид ее остается примерно одним и тем же, но внутренняя механика постоянно изменяется.

В основе пастиша лежит фрагмент из «Характеров» («О дворе» 4), в котором нет ни малейшего намека на пространственную метафорику:

vouldroient auoir osté la teste» [Многие при дворе снимают перед тобой шляпу, а желали бы снять с тебя голову]. Ibid. P. 46^v.

²⁵¹ [Hénault Ch.-J.-F.]. Nouveau théâtre François. François II, roi de France. En cinq actes. Seconde Edition. S. 1., 1768. P. 119.

Se dérober à la cour un seul moment, c'est y renoncer: le courtisan qui l'a vue le matin la voit le soir pour la reconnaître le lendemain, ou afin que lui-même y soit connu.

На мгновение устранившись от двора значит от него отречься: придворный, видевший его утром, смотрит на него вечером, чтобы завтра его опознать, или чтобы его самого там признали.

Эно скрешивает его с уподоблением двора стране, которое, насколько можно судить, к тому времени прочно ассоциируется с Лабрюйером: во всяком случае, его присутствие в литературных текстах становится более заметным после выхода «Характеров». Получается, что пресловутую «страну» трудно узнать, поскольку как театральная сцена она постоянно меняется. Однако автор пополняет свой букет общих мест не менее избитым противопоставлением внешнего и внутреннего. В результате сцена/страна оказывается константной, а изменения касаются внутренней машинерии (что, в сущности, и выдает театральную природу «страны»). Этот метафорический конволют, скорей всего, возникает не вполне осознанно. Но важно подчеркнуть, что им управляет как бы естественная аттракция, сводящая воедино различные аватары одной метафоры. Добавим, что в менее карикатурном – а потому менее отчетливом – виде подобное притяжение заметно и у самого Лабрюйера. К примеру, в одном из его «географических» описаний, где внешнее веселье противопоставлено внутренней печали («О дворе» 63), обитателей «некой страны» отличает вроде бы малообоснованная одержимость театром:

Il y a un pays où les joies sont visibles, mais fausses, et les chagrins cachés, mais réels. Qui croirait que l'empressement pour les spectacles, que les éclats et les applaudissements aux théâtres de Molière et d'Arlequin, les repas, la chasse, les ballets, les carrousels couvrirent tant d'inquiétudes, de soins et de divers intérêts, tant de craintes et d'espérances, des passions si vives et des affaires si sérieuses?

Есть некая страна, где радости заметны, но ложны, а печали скрыты, но истинны. Кто бы подумал, что за этой погоней за зрелищами, что за этими кликами и аплодисментами в театрах Мольера и Арлекина, пирами, охотой, балетами и турнирами скрывается столько тревог, забот и различных интересов, столько страхов и надежд, столько живых страстей и серьезных дел?

Если не принимать во внимание аттракцию между «страной» и «театром», то не очень понятно, почему на первых двух позициях в этом вполне паскалевском списке развлечений оказывается именно он, а не охота и, скажем, пиры.

Итак, судя по взаимному притяжению двух метафорических рядов²⁵², предложенное Геварой сравнение двора с театром подготавливает почву для появления «некой страны». Но решающая роль тут, опять-таки, принадлежит Кастильоне. Его апология придворного, увиденная французской публикой сквозь призму «*menosprecio de corte*», воспринимается как описание «перевернутого мира»: так в 1665 году именует двор отец Ле Муан, добавляя, что там «природа... не узнает саму себя, столь она искажена»²⁵³. Не в последний черед это происходит из-за «неправильного» использования привычных общих мест, что усиливает ощущение неестественности, «фальши», причем и апологетического дискурса, и самой придворной реальности. В результате во французском языке XVI века возникает ряд идиоматических оборотов, формально и содержательно передающих соответствующую идею «перевернутого мира», а потому характеризующих двор как особое место, где люди благородного происхождения ведут себя как простолюдины, а за внешней благосклонностью скрывается желание навредить, и проч. Когда под влиянием распространяющихся по Европе антиитальянских настроений «Придворный» начинает восприниматься как портрет «итальянца», а Италия предстает «*païs Courtisans*» (Филибер де Вьенн), французский двор, в силу своей италофилии,

²⁵² В некоторых случаях «театр» и «страна» оказываются взаимозаменяемы. См. письмо Ги Патена от 31 июня 1669 г., где он, почти дословно повторяя фразу Пуассено о дворе как о «подмостках, на которых на разные лады играют в выбивалы» (см. выше примеч. 247), пишет о нем же, как о «стране, где всякий день играют в выбивалы и занимают место своего товарища» [*La Cour est un païs où l'on joue tous les jours à Boutehors, & à prendre la place de son compagnon*]. *Patin G. Lettres choisies*. Т. III. P. 433.

²⁵³ «Encore maintenant, comme du temps passé, / La Cour se peut nommer vn Monde renuersé. / La Nature par tout si justement rangée, / Ne s'y reconnoit point, tant on l'y voit changée» [И теперь, как в прошлые времена, / Двор можно назвать перевернутым миром, / И природа, везде столь разумно организованная, / Не узнает саму себя, столь она искажена]. *Le Moyne P. Entretiens et lettres poétiques*. P. 222.

по-видимому, приобретает статус своеобразной провинции «страны придворных». Это, конечно, только гипотеза, однако косвенные подтверждения ей найти можно. Так, в начальных строфах сатиры Жана де ла Тайя «Удалившийся от дел придворный» повествователь – не путать с протагонистом – вступает в беседу с печальным дворянином, встреченным им неподалеку от королевского замка. На вопрос, как его зовут и откуда он родом, тот отвечает:

Mais pour te dire au vray ma vie, je ne puis,
Mon païs, ny mon sort, ny encor qui je suis.
Premièrement ma vie est la pire du monde,
Si celle de Caïn, fuitive & vagabonde,
Est vie dont je vis, mon païs est la cour
Ou sejournant tousjours je n'ay aucun sejour,
Errant comme elle fait, ny vie qui soit vie,
Sinon celle qui porte a la mort mesme envie²⁵⁴.

Но, дабы по-настоящему поведать тебе о моей жизни, я не могу
Рассказать ни о моем крае, ни о жребии, ни о том, кто я таков.
Прежде всего, хуже моей жизни на свете нет,
Ибо существование Каина, беглеца и скитальца –
Мое существование, мой край – двор,
Где, постоянно находясь, я не имею приюта,
Блуждая вместе с ним, и эта жизнь – не жизнь,
А существование, заставляющее желать смерти.

Сразу скажем, что примечательная параллель между скитаниями Каина и жизнью царедворца опять-таки заимствована из «Придворного фаворита»:

И поелику сие каиново проклятие было среди первых, определенных Господом, решушь утверждать, что по сей день длится оно для придворных, ибо видим мы, что вечно их носит и шатает по чужеземным землям и странам, и всякий день ищут они новый приют...²⁵⁵

²⁵⁴ *La Taille J. de. Œuvres*. P. xxv–xxvi.

²⁵⁵ «Et combien que ceste malediction de Cain fust des premieres que Dieu ordonna i'oseray bien affermer toutes fois qu'elle dure encores iusques aujourd-huy entre les courtisans puis que les voyons tousiours troter & courir par terres & pais estranges, changeâs tous les iours de nouueaux logis...» [*Guevara A. de*]. *Le Favori de court*. P. 47.

За этой жалобой просматривается историческая реальность. Владения Карла V охватывали значительную часть Европы; кроме того, император много воевал, поэтому он сам и его свита действительно вели кочевое существование. В «Презрении ко двору» Гевара тоже страдал тем, кто влачится за королем «из города в город, скверно ест, и еще хуже устраивается на ночлег»²⁵⁶. Вынужденная подвижность – один из признаков придворной «неволи», – как мы знаем, была свойственна и французскому двору. Но обратим внимание на то, что придворный Ла Тайя оказывается неспособен назвать ни свое имя, ни из каких мест он происходит («païs» в данном случае обозначает малую родину). Отсутствие имени равнозначно отсутствию связи с конкретной территорией, что, конечно, отнюдь не случайно, поскольку речь идет о благородном человеке, для титулования которого использовались топонимы – названия родовых владений. Когда он становится обитателем «кочующего» двора – своего рода Лапуты XVI столетия, – то, в буквальном смысле, отрывается от земли и утрачивает идентичность. Отсюда мрачная констатация: «mon païs est la cour». Эта фраза, конечно, не равнозначна выражению «la cour est un pays», чью историю мы пытались проследить, но основные элементы будущей конструкции, «двор» и «страна», тут уже присутствуют.

²⁵⁶ [Guevara A. de]. Du mespris de la court et de la louange de la vie rustique. Nouvellement traduit d'hespaignol en françoys. Lyon: E. Dolet, 1542. P. 84.

Источники и литература

Источники

- Бюсси-Рабютен Р. де.* Любовная история галлов. М.: Ладомир, Наука, 2010.
- Декарт Р.* Сочинения в 2 т. Т. I / Сост., ред., вступит. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
- Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. I: Стихотворения 1797–1814 гг. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Кастильоне Б.* Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. Сост. Л.М. Брагина. СПб.: Алетейя, 2002.
- Макиавелли Н.* Государь / Пер. Г. Муравьевой // Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982.
- Монтень М. де.* Опыты / Пер. А.С. Бобовича. М.: Голос. 1992.
- Паскаль Б.* Мысли / Пер. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
- Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1966.
- Рец кардинал де.* Мемуары / Пер. Ю.Я. Яхниной. М.: Ладомир, 1997.
- Сент-Эвремон Ш. де.* Избранные беседы // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эвремон Ш. де Сент-Дени де. Избранные беседы. Вовенарг Л. де Клапье де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. Шамфор С. Максимы и мысли / Сост., вступит. ст. и примеч. М.С. Неклюдовой. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; Изд-во АСТ, 2004. С. 461–510.
- Цицерон М.Т.* Речи. В 2 т. Т. II: (62–43 гг. до н. э.) / Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М.: АН СССР, 1962.
- [*Aubignac F.H. d'.*] Histoire du temps ou relation du royaume de coqueterie extraite du dernier voyage des Holandois aux Indes du levan. Paris: Ch. de Sercy, 1654.
- Aubignac F. H. d'.* Macarise, ou La Reine des Isles Fortunées. Histoire allegorique. Par Messire François Hedelin, Abbé d'Aubignac. Paris: J. Du Brueil & P. Collet, 1664.
- Bellegarde J.B.M. de.* Modèles de conversation pour les personnes polies par M. l'abbé de Bellegarde. Troisieme edition. Paris: Chez Jean & Michel Guignard, 1701.
- Boaistuau P.* Le Theatre dv monde, ov il est fait vn ample discours des miseres humaines, composé en Latin par Pierre Boaystuaau, surnommé Launay, na-

tif de Bretagne, puis traduit par luy mesme en François. Paris: G. Robinot, 1559.

Boileau-Despréaux N. Œuvres diverses du Sieur D*** avec Le Traité du sublime. Nouvelle Ed. Amsterdam: A. Wolfgang, 1683.

Boisrobert F. de. Les Epistres dv sievr de Bois-Robert-Metel, abbé de Chatillon. Paris: C. Besonge, 1647.

Bossuet J.B. Oraison funèbre de tres-haute et tres-puissante princesse Anne de Gonzague de Clèves, princesse palatine. Par messire Jacques Benigne Bossuet. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1685.

Boyer A. Dictionnaire royal françois-anglois, et anglois-françois. Par M. Boyer. Nouvelle Edition. Amsterdam: R. & G. Wetstein et al., 1727.

Bussy-Rabutin R. de. Carte geographique de la cour et autres galanteries par Rabutin. Cologne: Pierre Marteau, 1668.

Bussy-Rabutin R. de. Correspondance de Roger de Rabutin, comte de Bussy avec sa famille et ses amis (1666–1693). Nouvelle éd. revue sur les manuscrits et augmentée d'un très-grand nombre de lettres inédites par Ludovic Lallanne. Paris: Charpentier, 1858.

La Carte du Royaume des Pretieuses // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. Paris: Ch. de Sercy, 1660. P. 322–323.

La carte du Royaume d'amour, Ou la description succincte de la Contrée qu'il regit, de ses principales Villes, Bourgades, & autres lieux, Et le chemin qu'il faut tenir pour y faire voyage // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. Paris: Ch. de Sercy, 1660. P. 324–331.

Castiglione B. Le Parfait covrtisan dv comte Baltasar Castillonnois, es deux Langues, respondans par deux colonnes, l'vne à l'autre <...> de la traduction de Gabriel Chapvis Tourangeau. Paris: N. Bonfons, 1585.

Castiglione B. Le parfait courtisan et la Dame de cour traduction nouvelle de l'italien du Comte Baltazar Castiglione. Paris: E. Loyson, 1690.

Caussin N. La cour sainte, ou institution chretienne des grands. Avec les exemples de ceux qui dans les cours ont fleury en sainteté. Par le R.P. Nicolas Caussin, de la Compagnie de Jesus. Lyon: Pierre Gvillimin, 1674.

Caylus A.C. Ph. de. Œuvres badines completees du comte de Caylus. Amsterdam: Visse, 1787.

Chappuys C. Discours de la Court, présenté au Roy par M. Claude Chappuys. Paris: Roffet, 1543.

Charron P. De la sagesse, par Pierre Charron. Réimprimée sur la vraye Copie de Bourdeaux. Paris: J. Cochart, 1664.

Chartier A. Les Oevvres de maistre Alain Chartier contenans l'Histoire de son temps, l'Espérance, le Curial, le Quadrilogue & autres pièces, tovtes no-

- vvement revuës, corrigées, & de beaucoup augmentées sur les Exemplaires écrits à la main par André Dv Chesne Tovrangeav. Paris: S. Thiboust, 1617.
- Les continueurs de Loret, lettres en vers de La Gravette de Mayolas, Robinet, Boursault, Perdou de Subligny, Laurent et autres, 1665–1689. Recueillies et publiées par le Baron James de Rothschild. T. I: Mai 1665 – Juin 1666. Paris: D. Morgand et C. Fatout, 1881.
- Cotgrave R.* A dictionarie of the French and English Tongues. Compiled by Randal Cotgrave. London: A. Islip, 1611.
- Le Courtisan désabusé, ou Pensées d'un gentilhomme qui a passé la plus grande partie de sa vie dans la cour et dans guerre. Nouvelle edition. Paris: Le Gras, 1699.
- Daniel G.* Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie françoise dans les Gaules. Dediée au Roy, par le P.G. Daniel, de la Compagnie de Jesus. Paris: D. Marriette, 1713.
- Della Casa G.* Galatée, ov L'Art de plaire dans la conversation de Monseieur de la Case. Traduction nouvelle. Paris: R. Gvignard, 1666.
- Le dictionnaire de l'Académie françoise, dédié au Roy. Paris: J.B. Coignard, 1694. [*Estienne H.*]. Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize principalement entre les courtisans de ce temps. Envers: G. Niergue, 1579.
- Du Cange Ch.* Glossarium novum ad scriptores Medii Aevi, cum Latinis tum Gallicis: seu supplementum ad auctiorem Glossarii Cangiani editionem: subditae sunt, ordine alphabetico, voces Gallicae usu aut significato obsoletae, quae in glossario et supplemento explicantur; accedunt varii indices <...>. Parisiis: apud Le Breton-Saillant-Desaint, 1766.
- Du Fail N.* Contes et Discours d'Eutrapel. Par le feu Seigneur d'Herissaye. Rennes: N. Glamet, 1587.
- Faret N.* L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire a la Cour. Par le Sieur Faret. Paris: T. du Bray, 1630.
- Faret N.* The Honest Man, or The Art to please in Court. Written in French by Sieur Faret. Translated into English by E.G. London: Thomas Harper, 1632.
- Fléchier E.* Panegyriques et Autres Sermons, Prêchez par Messire Esprit Flechier. Lyon: Frères Bruyset, 1741.
- Furetière A.* Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes <...> Recueilli & compilé par le feu Messire Antoine Furetiere. La Haye & Rotterdam: A. & R. Leers, 1690.
- [*Gilbert*]. Le Courtisan parfait. Tragicomedie par Monsieur D.G.L.B.T. Grenoble: I. Nicolas, 1668.

- [*Granet F.*] Reflexions sur les ouvrages de littérature. Paris: Briasson, 1742.
- Guéret G.* La Carte de la Cour, par Monsieur Gveret. Paris: J.-B. Loyson, 1663.
- [*Guevara A. de.*] Le favory de la court. Nouuellement traduit de l'Espagnol en François par maistre Jaques de Rochemore. Lyon: G. Roville, 1556.
- Guevara A. de.* Menosprecio de Corte y alabança de aldea: En en qual se tocan muchas y muy buenas doctrinas, para los hombres que aman el reposo de sas casas, y aborrecen el bullicio de las Cortes. Copilado por el Illustre y Reuerendissimo señor Don Antonio de Gueuara. Barcelona: H. Margarit, 1613.
- [*Guevara A. de.*] Du mespris de la court et de la louange de la vie rusticque. Nouuellement traduit d'hespagnol en françoys. Lyon: E. Dolet, 1542.
- [*Hénault Ch.-J.-F.*] Nouveau théâtre françois. François II, roi de France. En cinq actes. Seconde Edition. S. 1., 1768.
- La Bruyère J. de.* Les Caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les Caractères ou les mœurs de ce siècle, par M. de La Bruyère, et la Clef en marge et par ordre alphabétique. Paris: E. Michallet, 1697.
- La Bruyère J. de.* Les Caractères de La Bruyère. Nouvelle Edition. Revue par M. B. de B. de l'Academie des Inscription et Belles-Lettres. Paris: J.-F. Bastien, 1790.
- La Bruyère J. de.* Les Caractères de La Bruyère, suivis des Caractères de Théophraste, traduits du grec par le même. Paris: Lefèvre, 1824.
- La Fayette M. de.* Correspondance. Ed. A. Beaunier. Paris: Gallimard, 1942.
- La Fontaine J. de.* Fables choisies, mises en vers par M. de La Fontaine. Amsterdam: P. Mortier, 1693.
- La Taille J. de.* Œuvres de Jean de La Taille, seigneur de Bondaroy, publiées d'après des documents inédits par René de Maulde. Paris: L. Wilem, 1882.
- Le Moyne P.* Entretiens et lettres poétiques du P. Le Moyne, de la Compagnie de Jésus. Paris: E. Loyson, 1665.
- Lettre de M.D. sur le carte du Royaume de Tendre, escrite à l'Illustre M.S. // Recueil de pièces en prose les plus agréables de ce temps. II partie. Paris: Ch. de Sercy, 1662. P. 259–262.
- Loredano G.-F.* Lettres de Loredano, noble venetien. Amsterdam: D. Donati, 1695.
- Mairet J. de.* La Sylvie dv sievr Mairet, Tragi-Comedie-Pastorale. Troisiesme Edition. Paris: F. Targa, 1630.
- Marbeuf P. de.* Recueil des vers de M. de Marbeuf, chevalier, sieur de Sahurs. Rouen: impr. de D. Du Petit Val, 1628.
- [*Martial d'Auvergne.*] Aresta amorum LI, accuratissimis Benedicti Curtii Symphoriani commentarius ad utriusque juris rationem, forensiumque actio-

- num usum, quam acutissime accommodata. Lugduni: Apud Seb. Gryphium, 1546.
- [*Massillon J.B.*] Sermons sur les Evangiles de Carême et sur quelques misteres de la Sainte Vierge: avec trois Panégyriques; un Sermon de Vêture, un autre de Profession de Religieuse. Trevoux: Ganeau, 1711.
- Maynard F.* Les Œuvres de Maynard. Paris: Aug. Courbé, 1646.
- Mercure galant, dédié à Monseigneur le Dauphin. Septembre 1685. Lyon: Th. Amaury, 1685.
- Méré A. de.* Les œuvres de Monsieur le chevalier de Méré. Amsterdam: Pierre Martier, 1692.
- Meschinot J.* Les lunettes des princes avec auscunes balades & additiōs nouvellemēt cōposees par noble hōme Jehan Meschinot, escuier, en son vivant grant maistre d’hostel de la royne de Frâce. [Paris]: Nicole Vostre, [1522].
- Montfleury A.J.* La Fille capitaine, comédie par A.J. Montfleury. Paris: P. Le Monnier, 1672.
- Montluc B. de.* Commentaires de Messire Blaise de Montluc, Marechal de France. Diuisés en deux Tomes. Lyon: L. Clesinet, 1593.
- Montpensier A.-M.-L.-H. de.* Mémoires de Mlle de Montpensier, petite-fille de Henri IV. Collationnés sur le manuscrit autographe, avec notes biographiques et historiques par A. Chéruel. Paris: Charpentier, 1859.
- Moreri L.* Le Grand Dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l’Histoire sacrée et profane <...> par Mre Louis Moreri. Paris: J.-B. Coignard, 1725.
- Motteville F. B. de.* Mémoires de Mme de Motteville sur Anne d’Autriche et sa cour. Nouvelle édition par M.F. Riaux. 4 vol. Paris: Charpentier, 1855.
- Nicot J.* Dictionnaire françois-latin auquel les mots François, avec les manieres d’user d’iceulx, sont tournez en Latin. S. l.: G. de Hus, 1573.
- Nicot J.* Thresor de la langue francoyse tant ancienne que moderne <...>. Revev & avgmenté par Iean Nicot. Paris: D. Douceur, 1606.
- Oudeau J.* Les Panégyriques des fondateurs des Ordres religieux, selon les règles de la véritable rhétorique, par le sieur Oudeau, Predicateur. Paris: D. Thierry, 1664.
- Oudin C.* Tesoro de las dos lenguas francesa y española. Thresore de deux langues françoise et espagnolle <...> par Cesar Oudin. Paris: M. Orry, 1607.
- Patin G.* Lettres choisies de feu M. Guy Patin, docteur en medecine, dans lesquelles sont contenuës plusieurs particularitez historiques, sur la vie & la mort des sçavans de ce siècle, sur leurs ecrits & plusieurs autres choses curieuses depuis l’an 1645 jusqu’en 1672. Cologne: P. Du Laurens, 1691.
- [*Petit L.*] Discours satyriques et moraux, ou Satyres générales. Rouen: R. Lalle-mant, 1686.

- Philibert de Vienne*. Le Philosophe de court, édition critique avec introduction, commentaires et glossaire, par P.M. Smith. Genève: Droz, 1990.
- Poissonot B.* L'Esté: 1583. Ed. établie, commentée et annotée par G.-A. Pérouse et M. Simonin. Genève: Droz, 1987.
- Rabelais F.* Œuvres de Rabelais: éd. variorum, augmentées de pièces inédites, des Songes drolatiques de Pantagruel <...> ; et d'un nouveau commentaire historique et philologique par Esmangart et Eloi Johanneau. Paris: Dalibon, 1823.
- Recueil de vers choisis par la R.P. Bouhours. Paris: G. & L. Josse, 1693.
- [*Refuge E. de*]. Traicte de la cour ou Instruction des courtisans. Nouvelle edition. Paris: A. Saugrain, 1619.
- Cardinal de Retz*. Mémoires. Texte établi avec introduction, chronologie, notes, etc. par Simone Bertière. T. I. 1613–1649. Paris: Editions Garnier, 1987.
- Richelet P.* Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise <...> par P. Richelet. Geneve: J.H. Widerhold, 1680.
- Rivière-Dufresny Ch.* Entretiens ou amusements sérieux et comiques par Rivière-Dufresny, publiés par D. Jouaust. Paris: D. Jouaust, 1869.
- Ronsard P. de.* Œuvres complètes. T. XIII: La promesse (1564). Le procès (1565). Élégies, mascarades et bergerie (1565). Les nues ou Nouvelles (1565), éd. critique avec introd. et comment. par Paul Laumonier. Paris: M. Didier, 1948.
- [*Sablé M. de*]. Maximes et pensées diverses. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1678.
- Saint-Évremond Ch. de.* Œuvres meslées de Mr. de Saint-Evremond, publiées sur les manuscrits de l'auteur. Londres: J. Tonson, 1705.
- Saint-Simon*. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc. T. I: 1691–1701. Paris: Gallimard, 1953. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Saint-Simon*. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc. T. II: 1701–1708. Paris: Gallimard, 1948. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Schelandre J. de.* Tyr et Sidon, ou les Funestes amours de Belcar et Méliane, tragédie. Édition critique publiée par Jules Haraszti. Paris: E. Cornély, 1908.
- Scudéry M de., Pellisson P., et al.* Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653–1654). Éd. établie et commentée par Alain Niderst, Delphine Denis et Myriam Maître. Paris: Champion, 2002.
- Segrais J.R. de.* Œuvres de Segrais. Paris: Delormel, 1733.
- Sévigné M. de.* Recueil des lettres de Madame la Marquise de Sévigné à Madame la comtesse de Grignan, sa fille. Paris: Bauche, 1754.
- Somaize A.B. de.* Le grand dictionnaire des pretieuses: historique, poetique, géographique, cosmographique, cronologique, armoirique où l'on verra leur

- antiquité, coustumes, devises, eloges <...>. Par le Sieur de Somaize. Paris: J. Ribou, 1661.
- Sorel Ch.* La Bibliotheqve françoise, de M. C. Sorel. Ov le Choix et l'Examen des Liuvres François qui traitent de l'Eloquence, de la Philosophie, de la Devotion, & de la Conduite des Moeurs... Paris: la Compagnie des libraires du Palais, 1664.
- [*Sorel Ch.*] Œuvres diverses ou Discours meslez qui sont, I. Le nouveau Parnasse, ou les muses galantes. II. La loterie celeste, ou l'origine de la blanque et de la lotterrie. III. La mascarade d'amour, ou la nouvelle des precieuses preudes. IV. Polyphile, ou l'amant de plusieurs dames; la defense de ses diuerses Amours... Par M. D. S. Paris: la Compagnie des Libraires, 1663
- Tallemant des Réaux.* Historiettes. Éd. établie et annotée par Antoine Adam. Paris: Gallimard, 1960. (Bibliothèque de la Pléiade).
- Trellon C. de.* Le Cavalier parfait, du sieur de Trellon. Où sont comprinses toutes ses oeuvres, divisees en quatre liures. Lyon, chez Pierre Rigaud, 1614.
- [*Valincour J.-B.-H. de.*] Lettres a madame la marquise *** sur le sujet de La princesse de Cleves. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1678.
- [*Vaugelas C.F. de.*] Remarqves sur la langve françoise vtiles a ceux qvi veulent bien parler et bien escrire. Paris: I. Camvsat & P. Le Petit, 1647.
- [*Verville F. de.*] Le palais des curieux. Auquel sont assemblées plusieurs diversitez pour le plaisir des doctes et le bien de ceux qui désirent scavoir. Paris: Vve Guillemot et S. Thiboust, 1612.
- Vieilleville F. de.* Mémoires de la vie de François de Scépeaux, sire de Vieilleville. Paris: H.L. Guerin & L.F. Delatour, 1757.
- Voltaire.* Œuvres complètes de Voltaire. [Kehl]: la Société littéraire-typographique, 1785.
- [*Zacharie de Lisieux.*] Relation du Pays de Iansénie, où il est traité des singularitez qui s'y trouvent, des Coustumes, Mœurs et Religion de ses Habitans, par Louys Fontaines, sieur de Saint Marcel. Paris: Thierry, 1660.

Литература

- Жолковский А.К.* Русское инфинитивное письмо на rendez-vous: Фет/Мюссе // De la littérature russe: mélanges offerts à Michel Aucouturier /Ed. Catherine Depretto. Paris: Institut d'études slaves, 2005. P. 34–49.
- Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008.
- Элиас Н.* Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянских культур, 2002.

- Auerbach E.* “La Cour et la Ville” // Auerbach E. Scenes from the Drama of European Literature. Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1973. P. 133–179.
- Beaulieux Ch.* Observations sur l’orthographe de la langue française: transcriptions, commentaire et fac-similé du manuscrit de Mézeray, 1673, et des critiques des commissaires de l’Académie, précédée d’une Histoire de la gestation de la 1er édition du dictionnaire de l’Académie française (1639–1694). Paris: Champion, 1951.
- Beaujot J.-P.* Le travail de la définition dans quelques maximes de La Rochefoucauld // Les formes brèves de la prose et le discours discontinu (XVI–XVII siècles). Études réunies et présentées par Jean Lafond. Paris: J. Vrin, 1984. P. 95–100.
- Bray L.* César-Pierre Richelet (1626 – 1698): Biographie et oeuvre lexicographique. Tübingen: Niemeyer, 1986.
- Burk P.* The Fortunes of the *Courtier*. The European Reception of Castiglione’s *Cortegiano*. London: Polity Press, 1995.
- Collinet J.-P.* Maynard et La Fontaine // Maynard et son temps: actes du colloque organisé les 19, 20 et 21 octobre 1973, par le Centre de recherches Idées, thèmes et formes de 1580 à 1660 de l’Université de Toulouse-Le Mirail, la Société des amis de Maynard et avec le concours de l’Académie des jeux floraux. Toulouse: Association des publications de l’Université de Toulouse-Le Mirail, 1976. P. 201–214.
- DeJean J.* No Man’s Land: The Novel’s First Geography // Yale French Studies: Everyday Life, 1987, № 73. P. 175–189.
- Delft L. van.* Littérature et anthropologie: Nature humaine et caractère à l’âge classique. Paris: PUF, 1993.
- Denis D.* La muse galante. Poétique de la conversation dans l’œuvre de Madeleine de Scudéry. Paris: Champion, 1997.
- Denis D.* Préciosité et galanterie: vers une nouvelle cartographie // Les femmes au Grand Siècle. Le Baroque: musique et littérature. Musique et liturgie. Actes du 33 congrès annuel de la North American Society for Seventeenth-Century French Literature. Arizona State University (Tempe), May 2001. Ed. par David Westel et Frédéric Canovas. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2003. T. II. P. 17–40. (Biblio–17, 144).
- Denis D.* «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie // Études littéraires, 2002, vol. 34, № 1–2. P. 179–189.
- Donaldson P.S.* Machiavelli and Mystery of State. Cambridge: Cambridge UP, 1992.
- Duchêne R.* Mlle de Scudéry, reine de Tendre // Les trois Scudéry. Actes du colloque du Havre (1 – 5 octobre 1991) recueillis par Alain Niderst. Paris: Klincksieck, 1999. P. 625–632.

- Grande N.* Stratégies de romancières. De *Clélie* à *La Princesse de Clèves* (1654–1678). Paris: Champion, 1999.
- Guenoun S.* *Clélie*: terres inconnues et imaginaires. Pour une épistémologie du transport // *Voyages: récits et imaginaire*. Actes de Montréal / Ed. Par Bernard Beugnot. Paris-Seattle-Tubingen: PFSCl, 1984. P. 81–100.
- Lathuillère R.* La Préciosité: Étude historique et linguistique. T. I. Position du problème, les origines. Genève: Droz, 1966.
- Lemaire J.Ch.* La traduction en moyen français de la lettre anticuriale *De curialium miseriis epistola* d'Ænas Silvius Piccolomini. Lille: Septentrion, 2007.
- Matoré G.* La méthode en lexicologie: domaine français. Paris: Didier, 1953.
- Matoré G.* Le vocabulaire et la société du XVIe siècle. Paris: PUF, 1988.
- Merlin-Kajman H.* Public et littérature en France au XVIIIe siècle. Paris: Les Belles Lettres, 2004.
- Ossola C.* Miroirs sans visage. Du courtisan à l'homme de la rue. Trad. de l'italien par N. Sels. Paris: Seuil, 1997.
- Peters J.M.* Mapping Discord: Allegorical Cartography in Early Modern French Writing. Newark: University of Delaware Press, 2004.
- Peters J.N.* «Sçavoir la carte»: allegorical maps and the cartographics of culture in seventeenth-century France. Thesis (Ph. D.). University of Michigan, 1996.
- Pocock J.G.A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton UP, 1975.
- Rouben C.* Histoire et géographie galantes au Grand Siècle: *L'Histoire amoureuse des Gaules* et *La Carte du Pays de Braquerie* de Bussy-Rabutin // XVIIe siècle, № 93, 1971. P. 55–73.
- Scholar R.* Le Je-ne-sais-quoi : Enquête sur une énigme. Traduit de l'anglais par Thomas Constantinesco. Paris: PUF, 2010.
- Schröder V.* Madame Deshoulières, ou la satire au féminin // XVIIe siècle, 2013, № 258. P. 95–106.
- Skinner Q.* Republican virtues in an age of princes // Skinner Q. Visions of Politics. Volume 2: Renaissance Virtues. Cambridge: Cambridge UP, 2002. P. 118–159.
- Smith P.M.* The Anti-Courtier Trend in Sixteenth Century French Literature. Geneva: Droz, 1966.
- Thuillier G.* Les entourages au XVe siècle: Le «Curial» d'Alain Chartier // La Revue administrative. 1983. № 214. P. 351–354.
- Traité de savoir-vivre en Italie. Sous la dir. de Alain Montandon. Clermont-Ferrand: Presses Univ. Blaise Pascal, 1993.
- Zumthor P.* La Carte de Tendre et les Précieux // *Truivium*. Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft. Jahrgang VI. Zürich, 1948. P. 266–267.

Персоналии

- Анна Австрийская** (1601–1666), королева Франции (1612), супруга Людовика XIII, регент во время малолетства Людовика XIV в 1643–1651 гг.
- Бальзак Жан-Луи Гез де** (1594–1654), один из литературных авторитетов первой половины XVII в., мастер эпистолярного жанра, член Французской Академии с 1634 г.
- Бельгард Жан-Батист Морван де** (1648–1734), иезуит, писатель-моралист, переводчик.
- Бероальд де Вервиль Франсуа** (1556–1626), автор многочисленных трактатов на разные темы, в частности «Дворца любознательных» (1612) и «Средства к успеху» (1617).
- Блондель Никола-Франсуа де** (1618–1686), математик, инженер, в 1660-е годы дипломат, с 1671 г. возглавляет Академию архитектуры.
- Бовийе Поль де, герцог де Сент-Эньян** (1648–1714), воспитатель внуков Людовика XIV, друг герцога де Сент-Симона.
- Бойер Абель** (1667–1729), французский гугенот, после отмены Нантского эдикта обосновавшийся в Англии, автор нескольких руководств по изучению французского языка и «Королевского франко-английского словаря» (1702).
- Боссюэ Жак-Бенинь** (1627–1704), знаменитый проповедник, с 1669 г. епископ Кондомский, член Французской Академии с 1671 г., наставник дофина, с 1681 г. – епископ Мо.
- Ботеро Джованни** (1544–1617), итальянский поэт и дипломат, автор «О принципе государства» (1589).
- Бозестюо Пьер**, именуемый также Пьером Лоне (1500–1566), переводчик и компилятор, автор многочисленных «трагических историй» и популярного по всей Европе «Театра мира» (1558).
- Бранка Шарль, граф де** (1618–1681), считается прототипом рассеянного Менапка в «Характерах» Лабрюйера.
- Буало Никола**, именуемый также Буало-Депрео (1636–1711), поэт и королевский историограф, член Французской Академии с 1684 г.
- Буаробер Франсуа Ле Метель, сеньор де** (1592–1662), один из приближенных кардинала де Ришелье, член Французской Академии с 1634 г., поэт и драматург.
- Бэньян Джон** (1628–1688), английский проповедник, автор знаменитого «Путешествия пилигрима» (1678).

Бюсси Роже де Рабютен, граф де (1618–1693), кузен маркизы де Севинье, служил под началом принца де Конде, член Французской Академии с 1665 г., известен своими вольными сочинениями («Любовная история галлов», «Карта страны Вертопрашества») и длительной опалой.

Валинкур Жан Батист Анри дю Труссе де (1653–1730), секретарь морского департамента, королевский историограф, член Французской Академии с 1699 г.

Вервиль – см. Бероальд де Вервиль.

Вильдьё Мари-Катрин-Гортензия Дежарден, именуемая госпожой де (1632/1640–1683), популярная романистка.

Вожла Клод Фавр де (1585–1650), лексикограф, автор «Заметок о французском языке» (1647), член Французской Академии с 1634 г.

Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694–1778), в данном случае фигурирует как один из самых успешных драматургов XVIII в.

Воморьер Пьер д’Ортиг, сьер де (1610–1693), романист, член Академии Дофина.

Вуатюр Венсан (1597–1648), поэт и мастер эпистолярного жанра, принадлежал к кругу маркизы де Рамбуйе, член Французской Академии с 1634 г.

Вьевиль Франсуа де Сепо де (1509–1571), приближенный Генриха II, маршал Франции в 1562 г., автор малодостоверных «Мемуаров».

Гвиччардини Франческо (1483–1540), флорентийский историограф и политический мыслитель, младший современник Макиавелли.

Гевара Антонио де (1481–1545), францисканец, историограф императора Карла V, епископ Гуадиса и Мондоньедо; в основном известен как автор «Золотой книги Марка Аврелия» (1528) и «Презрения ко двору» (1529).

Генрих II (1519–1559), король Франции (1547–1559).

Генрих III (1551–1598), король Франции (1574–1589).

Генрих IV Великий (1553–1610), король Франции (1589–1610).

Годо Антуан (1605–1672), с 1635 г. епископ Грасский, с 1659 г. – Ванский, входил в круг госпожи де Скюдери, член Французской Академии с 1634 г.

Гримстон Эдвард (ум. 1640 г.), переводчик с французского и испанского.

Данжо Филипп де Курсийон, маркиз де (1638–1720), придворный, автор «Дневника двора Людовика XIV», который он вел с 1684 по 1720 г., член Французской Академии с 1668 г.

Даниэль Габриель (1649–1728), иезуит, историограф, автор «Истории Франции» (1713).

Дезульер Антуанетт, урожденная дю Лижье де Ла Гарде (1638–1694), светская поэтесса, автор нескольких трагедий.

Декарт Рене (1596–1650), в данном случае фигурирует как автор теории «автоматизма» животных, выдвинутой в пятой части «Рассуждения о методе» (1637).

Делла Каза Джованни (1503–1556), автор трактата «Галатео, или об обычаях» (1554).

Делорм Шарль (1584–1678), королевский медик, друг Ги Патена.

Дюамель Жан-Багист (1624–1706), ораторианец, переводчик.

Дю Файль Ноэль, сеньор де Ла Эриссей (1520–1591), реннский магистрат, автор нескольких сборников комических диалогов и рассказов.

Дюфрени – см. Ривьер.

Кайлюс Анн-Клод-Филипп де Тюбьер, граф де (1692–1765), в основном известен как страстный коллекционер и археолог-любитель; автор нескольких сборников повестей.

Карл V (1500–1558), император Священной Римской империи (1519–1558), король Испании под именем Карла I (1516–1558).

Кастильоне Бальдассаре (1478–1529), дипломат, автор трактата «О придворном» (1529).

Клапмар Арнольд (1574–1604), немецкий юрист; его труд «О тайнах государственного управления» был опубликован посмертно в 1605 г.

Кольбер Жан-Багист (1619–1683), с 1661 – интендант финансов, с 1665 – генеральный контролер финансов, с 1669 – государственный секретарь по королевскому дому, морским делам и торговле; член Французской Академии с 1667 г.

Кольбер Мари, урожденная Шарон (1630–1687), супруга Жана-Багиста Кольбера.

Комартен Луи Франсуа Лефевр де (1624–1687), советник парижского Парламента, докладчик в Государственном совете, интендант Шампани, друг госпожи де Севинье и кардинала де Реца.

Конде Людовик II де Бурбон, принц де (1621–1686), первый принц крови, часто именуемый господином Принцем или Великим Конде, полководец, участник Фронды.

Конти Арман де Бурбон, принц де (1629–1666), младший брат принца де Конде и герцогини де Лонгвиль, участник Фронды, возможный соавтор «Карты страны Вертопрашества».

Корбинелли Жан (1622–1716), друг госпожи де Севинье.

Корнель Пьер (1606–1684), драматург, член Французской Академии с 1647 г.

Коссен Никола (1583–1651), иезуит, проповедник, исповедник Людовика XIII в 1637 г., вскоре изгнанный кардиналом де Ришелье, автор «Святого двора» (1624).

- Котгрейв Рэндл (ум. ок. 1634 г.), английский лексикограф, автор «Словаря французского и английского языков» (1611).
- Лабрюйер Жан де (1645–1696), наставник внука принца де Конде, писатель-моралист, автор «Характеров» (1688), член Французской Академии с 1693 г.
- Лавока Шарлотта-Рене, в замужестве маркиза де Вэн; ее сестра Катрин в 1660 г. вышла замуж за Симона Арно, маркиза де Помпонн, который, как и госпожа де Севинье, принадлежал к кругу сторонников Фуке.
- Ла Кальпренед Готье де Кост, сьер де (1610–1663), автор популярных в середине века исторических романов.
- Ланкло Нинон (Анн) де (1620–1705), знаменитая куртизанка.
- Ларошфуко Франсуа VI, принц де Марсийак, с 1650 герцог де (1613–1680), автор «Максим», друг госпожи де Лафайет и маркизы де Севинье.
- Ла Тай Жан де (1540–1607), поэт и драматург, автор трактата «Об искусстве трагедии».
- Лафайет Мари-Мадлен, графиня де, урожденная Пиош де Ла Вернь (1634–1693), автор «Принцессы Клевской» (1678).
- Лафонтен Жан де (1621–1695), поэт и баснописец, член Французской Академии с 1684 г.
- Ле Муан Пьер (1602–1671), иезуит, писатель-моралист.
- Ле Телье Мишель (1603–1685), с 1643 – государственный секретарь по военным делам (с 1662 делит эту должность с Лувуа), с 1674 г. – канцлер.
- Лонгвиль Анри II д'Орлеан-Дюнуа, герцог де (1595–1663), губернатор Нормандии, участник Фронды.
- Лонгвиль Анна-Женевьева, герцогиня де, урожденная де Бурбон-Конде (1619–1679), сестра принцев де Конде и де Конти, жена Жана-Луи Шарля, герцога де Лонгвиль, возлюбленная герцога де Ларошфуко, участница Фронды; покровительница госпожи де Скюдери, позднее – сторонница янсенизма.
- л'Опиталь Франсуаз-Мари де, в девичестве Миньо (1624–1711), с 1653 г. супруга маршала Франции Франсуа де л'Опиталь (1583–1660), в 1672 г. – морганатическая супруга Яна II Казимира Ваза (1609–1672).
- Лоре Жан (1600–1660), поэт, издатель стихотворной газеты (1650–1665), затем собранной в хронику «Историческая Муза».
- Лоредано Джован-Франческо (1607–1661), член венецианского «Совета десяти», создатель Академии неизвестных, автор нескольких поэм.
- Лувуа Франсуа-Мишель Ле Телье, маркиз де (1641–1691), сын канцлера Мишеля Ле Телье.
- Л'Эрмит Франсуа, сьер де Солье, именуемый Тристаном л'Эрмитом (1601–1655), поэт, член Французской Академии с 1649 г.

Людовик XIII (1601–1643), король Франции (1610–1643).

Людовик XIV (1638–1715), король Франции (1643–1715).

Мазарини Джулио (1602–1661), с 1641 г. кардинал, с 1642 г. первый министр.
Макиавелли Никколо (1469–1527), тут фигурирует как автор «Государя» (1513, опубл. в 1532 г.).

Марбеф Пьер де (1596–1645), соученик Декарта, поэт.

Марциал Овернский (1420–1508), прокурор Парижского парламента, автор «Судов любви» (1460).

Массильон Жан-Батист (1663–1742), с 1717 г. епископ Клермонский, проповедник, член Французской Академии с 1719 г.

Мезере Франсуа Юд де (1610–1683), историограф, автор монументальной «Истории Франции», член Французской Академии с 1649 г.

Менаж Жиль (1613–1692), друг и наставник госпожи де Лафайет и госпожи де Севинье, посетитель салона маркизы де Рамбуйе, критик и лексикограф, автор трактата «О происхождении французского языка» (1650).

Менар Франсуа (1582–1646), ученик Малерба, поэт, член Французской Академии с 1634 г.

Мере Антуан Гомбо, шевалье де (ок.1610–1684), один из теоретиков вежества и, согласно Паскалю, законодатель хорошего вкуса; автор «Бесед» (1668).

Мере Жан (1604–1686), драматург, автор нескольких пасторалей и трагедий, яростный противник Корнеля.

Мешино Жан, сеньор де Мортьер (1420–1491), поэт при дворе Бургундских герцогов.

Молеврие Эдуард-Франсуа Кольбер, граф де (1633–1693), младший брат Жана-Батиста Кольбера.

Мольер, псевдоним Жана Батиста Поклена (1622–1673), который в данном случае фигурирует как автор «Смешных жеманниц» (1659).

Монлюк Блез де Лассеран Массанком, сеньор де (1502–1577), маршал Франции, автор «Комментариев» (опубл. посмертно в 1592 г.).

Монморенси Анн де (1493–1567), с 1538 коннетабль Франции, друг и советник сперва Франциска I, затем Генриха II.

Монпансье Анна-Мария-Луиза Орлеанская, герцогиня де (1627–1693), также именуемая Мадмуазель или Старшей Мадмуазель, единственная дочь Гастона Орлеанского и Марии де Монпансье.

Монтень Мишель Эйкем де (1533–1592), автор «Опытов».

Монтозье Жюли, герцогиня де, урожденная д'Анженн де Рамбуйе (1607–1671), старшая дочь маркизе де Рамбуйе, жена Шарля, герцога де Монтозье (1610–1690).

Морери Луи (1643–1680), автор энциклопедического «Большого исторического словаря» (1674), принадлежал к окружению маркиза де Помпонн.

Мотгвиль Франсуаза, дама Ланглуа де, урожденная Берто (1621–1689), с 1643 г. камеристка Анны Австрийской, автор «Мемуаров к истории Анны Австрийской».

Нико Жан (1530–1600), дипломат (по легенде привезший во Францию табак, отсюда «никотин») и лексикограф; связанные с его именем словари, впрочем, являются компиляциями работ предшественников (а затем и последователей).

Обиньяк Франсуа Эдлен, аббат д' (1604–1676), драматург, прозаик и критик, автор известного трактата «Практика театра» (1657), создатель Академии Дофина.

Орлеанский Гастон-Жан-Батист, герцог (1608–1660), брат Людовика XIII, отец Старшей Мадмуазель.

Паскаль Блез (1623–1662), в данном случае фигурирует исключительно как автор «Мыслей».

Патен Ги (1601–1672), медик, декан медицинского факультета Сорбонны, профессор Королевского коллежа, автор ряда научных трудов, член ПUTEАНСКОЙ академии.

Пелиссон-Фонтанье Поль (1624–1693), секретарь Никола Фуке, друг госпожи де Скюдери, автор «Истории Французской Академии» (1653).

Пикколомини Эний Сильвий Бартоломей (1405–1464), папа римский Пий II (1458–1464).

Помпонн маркиза де – см. Лавока Шарлотта-Рене.

Пуассено Бенинь (ок.1558 – ок.1586), автор двух прозаических сборников, «Лето» (1583) и «Новые трагические истории» (1586).

Пуюзье Шарлотта д'Этамп де Валансе, виконтесса де (ум. 1677).

Пюр Мишель де (1620–1680), переводчик, автор нескольких трудов, из которых наиболее известна книга о танце, «Представление о древних и новых зрелищах» (1668).

Рабле Франсуа (1494–1553), в данном случае фигурирует исключительно как автор «Гаргантюа и Пантагрюэля».

Рамбуйе Катрин, маркиза де, урожденная де Вивонн де Савелли (1588–1665), хозяйка влиятельного литературного салона.

Расин Жан (1639–1699), драматург, королевский историограф, член Французской Академии с 1673 г.

- Рефюж Эташ де, сеньор де Преси и де Курсель (1564–1617), магистрат и дипломат, автор «Трактата о дворе» (1616).
- Рец Жан-Франсуа-Поль де Гонди, кардинал де (1613–1679), один из предводителей Фронды, автор «Мемуаров».
- Ривьер Шарль Дюфрени, сьер де Ла (1648–1724), драматург и автор двух сборников повестей.
- Ришелье Арман-Жан Дю Плесси, кардинал де (1585–1642), с 1629 г. первый министр Людовика XIII.
- Ришле Пьер-Сезар (1626–1698), переводчик и лексикограф, автор первого толкового «Словаря французского языка» (1680).
- Ронсар Пьер де (1524–1585), по общему мнению современников, «первый среди поэтов», член «Плеяды».
- Рошмор Жак де (1510–1571), переводчик с испанского.
- Сабле Мадлен, маркиза де, урожденная де Сувре (1559–1678), хозяйка известного литературного салона, в котором обсуждались будущие «Максимы» (1665) герцога де Ларошфуко.
- Сев Морис (1501–1564), поэт, традиционно причисляемый к так называемой лионской школе.
- Севинье Мари, маркиза де, урожденная де Рабютен-Шанталь (1626–1696), кузина Бюсси-Рабютена, подруга госпожи де Лафайет и герцога де Ларошфуко; известна своими письмами к дочери, которые были опубликованы после ее смерти.
- Сегре Жан Реньо, сьер де (1624–1701), с 1646 г. секретарь мадмуазель де Монпансье, с 1665 г. – госпожи де Лафайет.
- Сегье Пьер (1588–1672), с 1635 г. канцлер Франции, тогда же член Французской Академии, а с 1642 г. – ее покровитель.
- Сен-Симон Луи де Рувуа, герцог де (1675–1755), автор знаменитых «Мемуаров».
- Сент-Эвремон Шарль де Маргетель де Сен-Дени, сеньор де (1613–1703), писатель-моралист и критик, в конце XVII в. считавшийся одним из законодателей литературных вкусов.
- Сирмон Жан, племянник исповедника Людовика XIII Жака Сирмона, историкограф и член Французской Академии с 1634 г.
- Скаррон Поль (1610–1660), бурлескный поэт и драматург, автор «Комического романа» (1651).
- Скюдери Жорж де (1601–1667), брат и соавтор Мадлен де Скюдери; поэт и драматург, член Французской Академии с 1649 г.
- Скюдери Мадлен де (1607–1701), известная как «Королева страны Нежности», «Сафо» и проч. Автор многочисленных романов (частично в соавторстве с Жоржем де Скюдери), хозяйка литературного салона.

- Сомез Антуан Бодо, сьер де (1630 – ок. 1680), автор нескольких сатирических сочинений, направленных против прециозности.
- Сорель Шарль (ок. 1599–1674), в основном известен как автор «Комической истории Франсиона» (1623), но также был драматургом, историографом и критиком. Его «Французская библиотека» (1664) представляет собой панораму развития французской словесности.
- Суассон Олимпия, графиня де, урожденная Манчини (1638–1708), племянница кардинала Мазарини.
- Сюлли Шарлотта герцогиня де, урожденная Сегье (1625–1704), дочь канцлера Сегье и супруга Максимильена III, герцога де Сюлли. Овдовев в 1662 г., повторно выходит замуж за Анри де Бурбона, герцога де Верней (1668), незаконнорожденного сына Генриха IV.
- Сюлли Максимильен III Франсуа де Бетюн герцог де (1615–1662), внук Великого Сюлли.
- Таллеман де Рео Жеден (1619–1692), мемуарист, автор «Занимательных историй», входил в круг маркизы де Рамбуйе.
- Таллеман-старший Франсуа (1620–1693), брат Таллемана де Рео, переводчик, член Французской Академии с 1651 г.
- Треллон Клод де (ум. 1611 г.), поэт.
- Уден Сезар (ум. 1625 г.), переводчик и лексикограф, автор «Тезауруса двух языков, французского и испанского» (1607), а также грамматики испанского и итальянского языка.
- Удо Жозеф (1604–1668), иезуит, проповедник.
- Фаре Никола** (1600–1646), переводчик, автор трактата «Достойный человек, или Искусство нравиться при Дворе» (1630), член Французской Академии с 1634 г.
- Филибер де Вьенн, адвокат Парижского парламента, автор «Придворного философа» (1547).
- Флешье Валантен Эспри (1632–1710), известный проповедник, член Французской Академии с 1673 г., с 1685 г. епископ Лаворский, с 1687 г. – Нимский.
- Франциск I (1494–1547), король Франции (1515–1547).
- Франциск II (1544–1560), старший сын Генриха II, король Франции (1559–1560).
- Фуке Никола (1615–1680), с 1653 г. суперинтендант финансов и государственный министр, в 1661 г. арестован и после суда в 1664 г. приговорен к пожизненному заключению в замке Пиньероль.

Фюретьер Антуан (1619–1688), прозаик и лексикограф, в основном известен как автор «Буржуазного романа» (1666) и «Универсального словаря» (1690), член Французской Академии с 1662 г.

Шапнюи Габриель (1546–1613), племянник Клода Шапнюи, историограф, переводчик.

Шапнюи Клод (1500–1575), библиотекарь Франсиска I, в основном писал лаудативные речи или небольшие поэтические композиции (девизы, эпиграммы и проч.).

Шаррон Пьер (1541–1603), проповедник, писатель-моралист; в своем трактате «О мудрости» (1601) во многом развивает идеи Монтеня, под чьим влиянием он находился.

Шартье Ален (1385–1430), автор нескольких латинских трактатов и французских поэтических сочинений, из которых более всего известна поэма «Безжалостная красавица» (1424).

Шатийон Изабелла-Анжелика, герцогиня де, урожденная де Монморенси-Бутвиль (1626–1695), в 1646 г. вышла замуж за Гаспара IV де Кольньи, герцога де Шатийона (1620–1649), и вплоть до второго замужества в 1664 г. оставалась постоянной героиней скандальной хроники. В частности, ее похождения описаны в «Любовной истории галлов» Бюсси-Рабютена.

Шеландр Жан де, псевдоним Даниеля д'Аншера (1584–1635), поэт и драматург, автор трагедии «Тир и Сидон» (1608), затем переработанной им в трагикомедию (1628).

Эно д'Арморезан Жан-Шарль-Франсуа, именуемый также президентом Эно (1685–1770), поэт и прозаик, принадлежал к кругу д'Аржансона и Монтескье.

Этьенн Анри (1528–1598), представитель известной династии парижских типографов, издатель, ученый и лексикограф.

Юрсен Мари-Анн, принцесса дез, урожденная де Ла Тремуй (1641–1722), первая придворная дама Марии-Луизы Савойской, супруги испанского короля Филиппа V, имевшая большое влияние на дипломатические отношения между Францией и Испанией.

Summary

Maria Neklyudova

«La cour est un pays...»: Genealogy of a Metaphor

At the end of the 17th – beginning of the 18th century numerous French writers likened the royal court to a distant country. This geographical metaphor became quite common at the start of Louis XIV's personal reign, and most likely its popularity was only strengthened when the royal residence has been transferred from Paris to Versailles. But its first appearance dates back to the time of the Fronde, to the strife between the royal court and the Parliament, complicated by the aristocratic revolt. However even the most pertinent historical circumstances do not explain how this idiom came into being. In order to trace its linguistic, literary and cultural sources the author analyzes rhetorical habits of the 16th and 17th century educated public, particularly its preference for the settled speech patterns. This esthetics of 'common places' corresponds to a particular kind of sociability, and ultimately conceals a political resistance to the 'age of Louis XIV'.

Серия «Чтения по истории и теории культуры», выпускаемая Институтом высших гуманитарных исследований РГГУ, знакомит читателей с результатами научной работы (иногда – лишь предварительными), которая проводится в стенах Института.

Ранее в серии «**Чтения по истории и теории культуры**» были изданы книги:

Л.М. Баткин. «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина (Вып. 1). 1993.

В.С. Библер. Цивилизация и культура: Философские размышления в канун XXI века (Вып.2). 1993.

Г.С. Кнабе. Воображение знака: Медный всадник Фальконе и Пушкина (Вып. 3). 1993.

Е.М. Мелетинский. О литературных архетипах (Вып. 4). 1994.

М.Ю. Реутин. Игры об Антихристе в Южной Германии: Средневековая пародия (Вып. 5). 1994.

Ольга Вайнштейн. Язык романтической мысли: О философском стиле Новалиса и Фридриха Шлегеля (Вып. 6). 1994.

И.Е. Данилова. Цветок Тосканы, зеркало Италии. Флоренция XV века: голоса современников (Вып. 7). 1994.

И. Г. Матюшина. Магия слова: Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия (Вып. 8). 1994.

Л.В. Карасев. Онтологический взгляд на русскую литературу (Вып. 9). 1995.

М.Л. Гаспаров. Академический авангардизм: Природа и культура в поэзии позднего Брюсова (Вып. 10). 1995.

М.Л. Андреев. Метасюжет в театре Островского (Вып. 11). 1995.

Л.М. Баткин. Петрарка на острие собственного пера: Авторское самосознание в письмах поэта (Вып. 12). 1995.

В.Б. Мириманов. Русский авангард и эстетическая революция XX века. Другая парадигма вечности (Вып. 13). 1995.

П.А. Гринцер. Становление литературной теории (Вып. 14). 1996.

Г.С. Кнабе. Гротескный эпизод классической драмы: Античность в Ленинграде 20-х годов (Вып. 15). 1996.

Е.М. Мелетинский. Достоевский в свете исторической поэтики. Как сделаны «Братья Карамазовы» (Вып. 16). 1996.

М.Л. Гаспаров. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года (Вып. 17). 1996.

И.Е. Данилова. Альберти и Флоренция (Вып. 18). 1997.

М.Л. Андреев. Комедии Гольдони: Опыт формальной; классификации (Вып. 19). 1997.

В.Н. Топоров. Странный Тургенев (Четыре главы) (Вып. 20). 1998.

И.Е. Данилова. Проблема жанров в европейской живописи: Человек и вещь. Портрет и натюрморт (Вып. 21). 1998.

П.А. Гринцер. Тайный язык «Ригведы» (Вып. 22). 1998.

В.Б. Мириманов. Изображение и стиль: Специфика постмодерна. Стилистика 1950–1990-х (Вып. 23). 1998.

С.Д. Серебряный. «Лотосовая Сутра»: Предисловие к первому русскому переводу (Вып. 24). 1998.

О.Б. Христофорова. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах (Вып. 25). 1998.

И.Е. Данилова. Мир внутри и вне стен: Интерьер и пейзаж в европейской живописи XV–XXвеков (Вып. 26). 1999.

Т.И. Смолярова. Париж 1928: Ода возвращается в театр (Вып. 27). 1999.

В.Б. Мириманов. Истоки стиля (Вып. 28). 1999.

М.С. Гринберг, Б.А. Успенский. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов (Вып. 29). 2001.

С.Н. Зенкин. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы) (Вып. 30). 2001.

Г.С. Кнабе. Перевернутая страница (Вып. 31). 2002.

В.Б. Мириманов. Четвертый всадник Апокалипсиса: Эстетика смерти. Смерть/Вечность в ритуальном искусстве от палеолита до Возрождения (Вып. 32). 2002.

И.Е. Данилова. Слово и зримый образ в европейской живописи от Средних веков до XX века (Вып. 33). 2002.

М.Л. Андреев. На границах комедии (Вып. 34). 2002.

Е.М. Мелетинский. Начало психологического романа (Вып. 35). 2002.

Л.М. Боткин. Леон Альберти и Леонардо да Винчи о жесте в живописи (Вып. 36). 2002.

С.Д. Серебряный. Роман в индийской культуре Нового времени (Вып. 37). 2003.

Л.Л. Габышева. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов) (Вып. 38). 2003.

Г.С. Кнабе. Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра (Вып. 39). 2003.

Г.С. Кнабе. Местоимения постмодерна (Вып. 40). 2004.

М.Ю. Реутин. Учение о форме у Майстера Экхарта: К вопросу о сходстве богословских учений Иоанна Экхарта и Григория Паламы (Вып. 41). 2004.

И.Е. Данилова. Итальянские впечатления (Вып. 42). 2004.

С.Д. Серебряный. О «советской парадигме» (заметки индолога) (Вып. 43). 2004.

Свой путь в науке: Коллективный портрет ИВГИ (Вып. 44). 2004.

Л.В. Карасев. Три заметки о Шекспире (Вып. 45). 2005.

О.В. Боровая. Модернизация культуры: Беллетристика и театр османских евреев на рубеже XIX–XX веков (Вып. 46). 2005.

М.Л. Гаспаров, К.М. Поливанов. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария (Вып. 47). 2005.

Л.М. Баткин. Пьетро Аретино как религиозный писатель (Вып. 48). 2005.

В.Е. Витковский. Эллинизм и христианство: история возникновения полемики (Вып. 49). 2005.

И.Е. Данилова. Лестница: земля - небо (Вып. 50). 2006.

М.Л. Андреев. *Испанский вариант: Комедия Лопе де Вега, Тирсо де Молина и Кальдерона (Вып. 51).* 2006.

Понятие гуманизма: *Французский и русский опыт (Вып. 52).* 2006.

Теория и мифология книги: *Французская книга во Франции и России (Вып. 53).* 2007.

И.Е. Данилова. *Дорога дальняя – долгий путь (Вып. 54).* 2007.

М.Л. Гаспаров, И.Ю. Подгаецкая. *«Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания (Вып. 55).* 2008.

Поэтика мифа: *Современные аспекты (Вып. 56).* 2008.

Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени (Вып. 57). 2009.

Г.С. Кнабе. *Современная Европа и ее антично-римское наследие (Вып. 58).* 2010.

И.Г. Матюшина. *Перебранка в древнегерманской словесности (Вып. 59).* 2011.

С.К. Козлов. *Эрнест Ренан: Филология как идеология (Вып. 60).* 2012.

Неклюдова М.С.

Н47 «Я двор зову страной...»: родословная одной метафоры / Мария Неклюдова. М.: РГГУ, 2014. 125 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 61)
ISBN 978-5-7281-1575-5

Во французских сочинениях второй половины XVII – начала XVIII века королевский двор часто характеризуется как некая «страна» или «край». Пик популярности этой географической метафоры, по-видимому, совпадает с началом личного правления Людовика XIV и строительством Версаля, когда двор окончательно покинул Париж. Но появилась она несколько раньше, во времена Фронды, на фоне противостояния королевской власти и парламента, и мятежа аристократии. Однако исторические обстоятельства лишь частично объясняют ее возникновение. В книге прослеживаются лингвистические, литературные и культурные истоки метафоры, связанные с риторическими навыками образованного сословия XVI–XVII столетия, а именно со свойственной ему привычкой оперировать готовыми языковыми формулами. Эта эстетика «общих мест» представляет собой и специфический тип социальности, и в конечном счете политическую модель сопротивления «веку Людовика XIV».

УДК 82.09

ББК 83.3(4Фр)

Научное издание

Неклюдова Мария Сергеевна
«Я двор зову страной...»:
родословная одной метафоры

Редактор серии *Е.П. Шуმიлова*
Компьютерная верстка *О.Б. Малахова*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ
им. Е.М. Мелетинского

Подписано в печать 12.12.2013.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 7,7.
Уч.-изд. л. 7,7.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательский центр РГГУ
125993, Москва, Миусская пл., 6.
Тел. (499)973-4206